

А.В. СИМОНЕНКО, Б.И. ЛОБАЙ

САРМАТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I В.Н.Э.

117

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.В.СИМОНЕНКО, Б.И.ЛОБАЙ

**САРМАТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В I В. Н.Э.**

(ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТИ У С.ПОРОГИ)

Киев Наукова думка 1991

В древней истории нашей Родины одно из ведущих мест занимает сарматский период. Многочисленные и могущественные кочевые племена сарматов, обитавшие в течение более 600 лет на огромных просторах — от прикаспийских степей до Паннонии — сыграли значительную роль в историческом развитии занимаемых ими и сопредельных территорий. Они активно участвовали в бурных политических событиях, происходивших в античном мире во II в. до н.э. — IV в. н.э., являлись одним из основных и опасных противников Римской империи, античных центров Причерноморья, Греко-Бактрийского царства. Тесно контактируя с земледельческими племенами Прикубанья и Северного Кавказа, зарубинецким и позднескифским населением Поднепровья и Крыма, наложили заметный отпечаток на их материальную и духовную культуру. Сарматы, ранняя история которых связана с эпохой поздней древности, на заключительном этапе своего существования открывают период Великого переселения народов, эпоху средневековья.

Сформировавшись в заволжских степях на рубеже III—II вв. до н.э., сарматские племена языгов, роксоланов, аорсов, а позднее — аланов волна за волной продвигались на запад в поисках новых территорий. Основой их хозяйства было кочевое скотоводство, постоянно требовавшее расширения пастбищных угодий. Немаловажную роль в экспансионистских тенденциях сарматов играла и внешнеэксплуататорская деятельность, служившая у всех номадов основным путем получения прибавочного продукта. Сарматы, представлявшие собой раннеклассовое кочевое общество, обладали высоким военным потенциалом, обеспечивавшим им превосходство в столкновениях с врагом. Античные авторы всегда подчеркивали их агрессивность и воинственность.

Массовое продвижение сарматских племен на территорию Северного Причерноморья начинается в конце II в. до н.э. К рубежу н.э. они полностью осваивают степи между Доном и Днепром, эпизодически проникая и западнее, вплоть до Южного Буга и низовьев Дуная, а уже к середине I в. н.э. обитают и на этих территориях, и далее — в Задунавье, бассейнах Тисы, Олта, Муреша. В сильном сарматском окружении оказываются позднескифские городища Нижнего Днепра и Крыма, античные полисы — Ольвия, Тира, Никоний, Боспорское царство. Постоянными набегами и данью они вынуждают уйти на север зарубинецкое население Среднего Поднепровья, долго и упорно воюют с Римом на дунайских границах империи. Постепенное оседание беднейших слоев сарматского населения в Северо-Западном Причерноморье привело к тому, что в III в. н.э. какая-то часть сарматов составила один из компонентов складывающейся черняховской культуры.

Северо-Западное Причерноморье — степи бассейнов Южного Буга, Днестра, Дуная, молдавская лесостепь — с рубежа н.э. являлось одной из территорий обитания сарматских племен. Памятники сарматов, исследованные здесь, датируются первой половиной I — началом IV в. н.э. и отражают различные этапы истории сарматских племен, проникших сюда с востока, из-за Днепра, Дона и с Поволжья. К настоящему времени в Северо-Западном Причерноморье исследовано около 500 сарматских погребений, из них к I в. н.э. относятся около 20 — наиболее ранние сарматские погребения региона. Эти памятники стали известны благодаря многолетним исследованиям Г.Б.Федорова, Э.А.Рикмана, М.Ю.Смишко, И.А.Рафаиловича и В.Л.Лапушняна, В.А.Дергачева, В.И.Гросу, А.Н.Дзиговского, Г.Т.Ковпаненко, М.М.Фокеева, других исследователей. Большинство их введено в научный оборот, однако, кроме работы Э.А.Рикмана, до сих пор в литературе нет более-менее обобщающего труда по истории и культуре сарматов Северо-Западного Причерноморья.

В результате интенсивных археологических исследований в зоне сооружения оросительных систем открытые в регионе сарматские памятники заметно увеличились количественно и качественно. Помимо большого числа рядовых сарматских погребений, в последние годы исследованы уникальные захоронения сарматской знати — Соколова

Могила на Князем Буге и Михайловка в Подунавье. В 1984 г. экспедицией Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И.Любая у с.Пороги Ямпольского р-на Винницкой обл. в кургане № 2 Эпохи бронзы исследованы два впускных аристократических сарматских захоронения, публикация и исторической интерпретации которых посвящена эта работа. Помимо чисто материального богатства, комплексы из Порогов (в частности мужское захоронение) содержат поистине уникальный материал, позволивший предложить варианты решения некоторых коренных вопросов истории сарматов Северного Причерноморья I в. н.э.

Это время — период наивысшего расцвета сарматской культуры на всей территории ее распространения. В Поволжье, на Дону, в Поднепровье и Прикубанье возникают обширные курганные могильники, свидетельствующие о демографическом подъеме и высоком экономическом уровне сарматских племен. К этому времени относится большинство погребений знати, содержащих высокохудожественные изделия античных и восточных мастерских и отражающих резкую социальную дифференциацию сарматского общества. Именно в I в. н.э. далеко на запад распространяются украшения "бирюзово-золотого" стиля, определенные типы оружия (луки с костяными накладками, длинные мечи с рукоятью-штырем и нефритовыми скобами на ножнах, характерные для азиатских памятников типы наконечников стрел, золотые обкладки ножен с четырьмя лопастями), в сочетании с определенными чертами погребального обряда свидетельствующие о приходе новой многочисленной и мощной волны кочевников из районов, пограничных с древними государствами Средней Азии — Согдианой, Бактрией, Хорезмом, Кушанским царством. Исследователи все чаще и чаще связывают это население с аланами античных источников. Есть основания полагать, что "большие юэчжи" и "юэчжи дома Чжаову" китайских источников — воинственные кочевники, живущие к западу от "Крыши Мира", — это сарматские племена. Недавно открытый в Северном Афганистане некрополь кочевой знати Тилля-Теле предоставил в распоряжение исследователей великолепные образцы украшений в полихромном стиле, посуды, оружия, практически не отличающиеся от сарматских. Находки подобных вещей на исконно сарматских территориях позволяют не только наметить места изготовления и пути проникновения их к сарматам, но и подойти к решению важнейших вопросов сарматской истории — вопросов происхождения и локализации известных по письменным источникам сарматских племен или племенных союзов: сираков, аорсов, аланов.

Северное Причерноморье, как одна из территорий обитания сарматов, естественным образом было вовлечено в эти события. Своеобразие этого региона заключалось еще и в том, что здесь располагались античные полисы и все еще могущественное Боспорское царство, оказавшееся в I в. н.э. в сфере интересов внешней политики Римской империи. Кроме того, по Дунаю проходила имперская граница, и мощное варварское окружение этих форпостов античной цивилизации так или иначе оказывало влияние на ход их истории. Сарматы были серьезным фактором, который постоянно учитывался ольвийскими, боспорскими или римскими политиками. Со своей стороны, предводители сарматов прекрасно понимали те выгоды, которые сулило им соседство античных государств.

В I в. н.э. сарматы все чаще и чаще принимают участие в бурных политических событиях, связанных прежде всего с активизацией Рима в циркумпонтийском регионе. Они участвуют в длительной римско-парфянской конфронтации, причем "по облаку варваров" (Тацит) и на той, и на другой стороне. С самого начала века нависает сарматская угроза над дунайским лимесом, и набег следует за набегом. Вспыхнувший в 49 г. н.э. крупный междоусобный конфликт на Боспоре проходил при активном участии сарматов (аорсов и сираков). Наконец, немаловажную роль сыграли сарматы в исторических судьбах Ольвии, которая в I в. н.э. вновь вступила в благоприятную экономическую и политическую полосу и оставалась крупнейшим античным центром Северо-Западного Причерноморья.

Перечисленные исторические события известны нам в основном по письменным источникам и долгое время не находили отражения в археологическом материале. Так сложилось, что изучение археологических памятников сарматов Причерноморья протекало как-бы само по себе, без серьезных попыток связи тех или иных памятников с определенными историческими событиями. В лучшем случае исследователи ограничивались несколькими общими положениями. Между тем пристальный взгляд на археологические памятники сарматов и сравнительный анализ синхронных им соседних памят-

ников открывают большие возможности для решения многих вопросов истории региона и подкрепления данных письменных источников надежной археологической базой. В этом смысле материал из Порогов весьма важен как источник исследования истории сарматов Северного Причерноморья в наиболее яркий ее период.

Авторы выражают благодарность Е.И.Беспалому, А.Н.Дзиговскому, И.П.Засецкой, А.С.Скрипкину, Н.А.Сон, а также коллективу сотрудников Отдела археологии раннего железного века Института археологии АН УССР за советы, деловые замечания и предоставленные материалы, а также сотрудникам экспедиции Н.Е.Иванец, В.Т.Загоруйко, М.Е.Корчинской, В.П.Прилипко, Ю.В.Сушкевичу, Л.П.Байрак и В.И.Байрак, которые сохранили и качественно зафиксировали уникальные материалы. Реставрационные работы выполнены в лаборатории Института археологии АН УССР Т.Н.Бабенко и Е.М.Паламарчук.

В оформлении книги принимали участие художники П.Л.Корниенко и М.М.Иевлев, фотограф Г.И.Лысенко. I глава написана Б.И.Лобаем и А.В.Симоненко, введение, II–IV главы и заключение — А.В.Симоненко.

ГЛАВА I ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ

Насыпь. Курган № 2 входил в группу из трех насыпей, находившихся в 1,5 км северо-западнее с. Пороги. Группа располагалась в открытой степи на высоком плато левого берега Днестра. Насыпи всех трех курганов распаханы. По сведениям, полученным от местного населения, до 1969 г. насыпь кургана № 2 была высотой около 4 м и не распахивалась. Таким образом, в момент совершения захоронений знатных сарматов высота кургана была значительно больше современной, и насыпь господствовала над окружающей местностью. В 1969 г. (или чуть позже) на кургане был устроен полевой стан, а большая часть насыпи перекопана и уничтожена. Затем курган распахивался, и к моменту раскопок высота насыпи достигала 1 м от уровня погребенного чернозема. Следы современной деятельности встречались при снятии верхних отделов насыпи в западной и юго-западной полях кургана, где обнаружены пятна кострищ, современная керамика, металлические части механизмов. Юго-восточная поля кургана нарушена современным перекопом, доходившим до уровня материка.

Сохранявшаяся часть насыпи сооружена из однородного чернозема без заметных включений. Современный диаметр ее составлял около 46 м. К сожалению, из-за расположения трубопровода оросительной системы центральная бровка оказалась несколько смещенной к востоку, сарматские погребения в нее не попали и проследить их стратиграфические позиции не удалось. Оба захоронения располагались в западной поле насыпи: мужское — почти в топографическом центре ее, женское — несколько смещено к юго-западу (рис. 1).

Погребение 1 (рис. 2; 3; ф. 1—4) находилось в 5 м западнее репера. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу. Прямоугольная в плане входная яма, вырытая в материковом суглинке, ориентирована с севера на юг. Выкид из нее, без сомнения, лежал на склонах первичной насыпи кургана и впоследствии при ее планировке уничтожен. Длина входной ямы 3,5 м, ширина 2,1 м. Дно ее у южной стенки находится на глубине — 145 от репера и полого спускается к северной стенке до отметки — 209. Стенки ямы вертикальные. С отметки — 209 дно входной ямы обрывается в дромос вертикальной ступенькой высотой 0,2 м. Устье дромоса было заложено камнями регулярной кладки. Края камней изнутри, т.е. со стороны дромоса, выравнены и образуют вертикальную стенку. Со стороны входной ямы кладка не столь аккуратная, часть камней уложена под нижний край заклада и таким образом образует наклонную стенку. Камни представляют собой уплощенные необработанные плиты сланца, выходы которого в изобилии имеются по берегам Днестра. Высота заклада 1,47 м, что, очевидно, соответствует высоте устья дромоса.

Дромос, выкопанный в северной стенке входной ямы, прямоугольный в плане, длиной 1,2 м, шириной 1,94 м. Дно — горизонтальное, находится на отметке — 225 от репера.

Северный конец дромоса переходит в погребальную камеру. Она прямоугольная в плане, ориентирована по оси север — юг, длина 2,8 м, ширина 3 м, дно — на глубине — 225 от репера, т.е. на одном уровне с дромосом. Углы камеры закруглены, слегка закруглена и ее северная стенка. Боковые стенки камеры наклонные, торцевые — прямые. Стенки камеры прослежены на высоту 1,25 м. Свод не сохранился, однако, судя по конструкции сооружения, он был арочный, сама камера, возможно, имитировала кочевническую кибитку.

В юго-восточном углу камеры, у стенки, стояли две плоскодонные амфоры (16). Ближе к западной стенке и почти вплоты к северной находился деревянный саркофаг с покойником. Саркофаг прямоугольной формы, с вертикальными стенками и плоской крышкой. Под тяжестью рухнувшего свода верхняя часть саркофага упала внутрь. Западная стенка саркофага к моменту раскопок отвалилась в сторону, также несколько в сторону была вдавлена часть его восточной стенки; локтя погребенного.

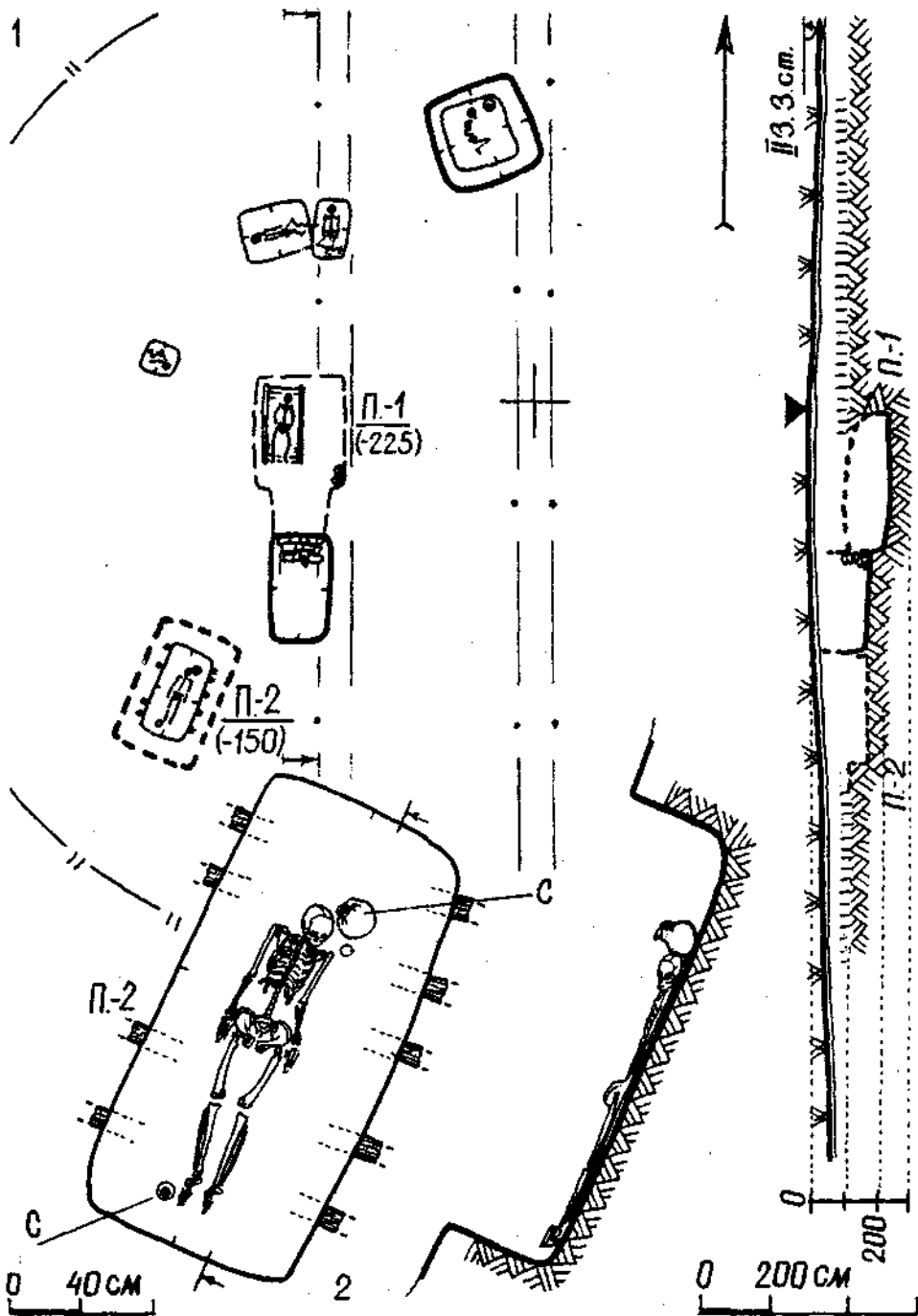

Рис. 1. Курган № 1 у с.Пороги:
1 — общий план; 2 — погребение 2 (план, разрез)

Длина саркофага 1,9 м, ширина — 0,75, высота — 0,5 м. Он сделан из досок толщиной около 6 см. В северной (торцевой) стенке саркофага прорезано круглое отверстие диаметром 0,22 м, закрытое круглой пробкой. Внешняя сторона ее не выступает над поверхностью стенки саркофага, внутренняя несколько утоплена. Дно саркофага сделано из продольно расположенных досок, входящих в пазы торцевых стенок. На расстоянии 10 см от них доски дна были укреплены двумя поперечными брусьями, один из которых приходился под голову погребенного, а другой — под стопы. Длина брусьев 0,8 м, ширина — 0,1 м.

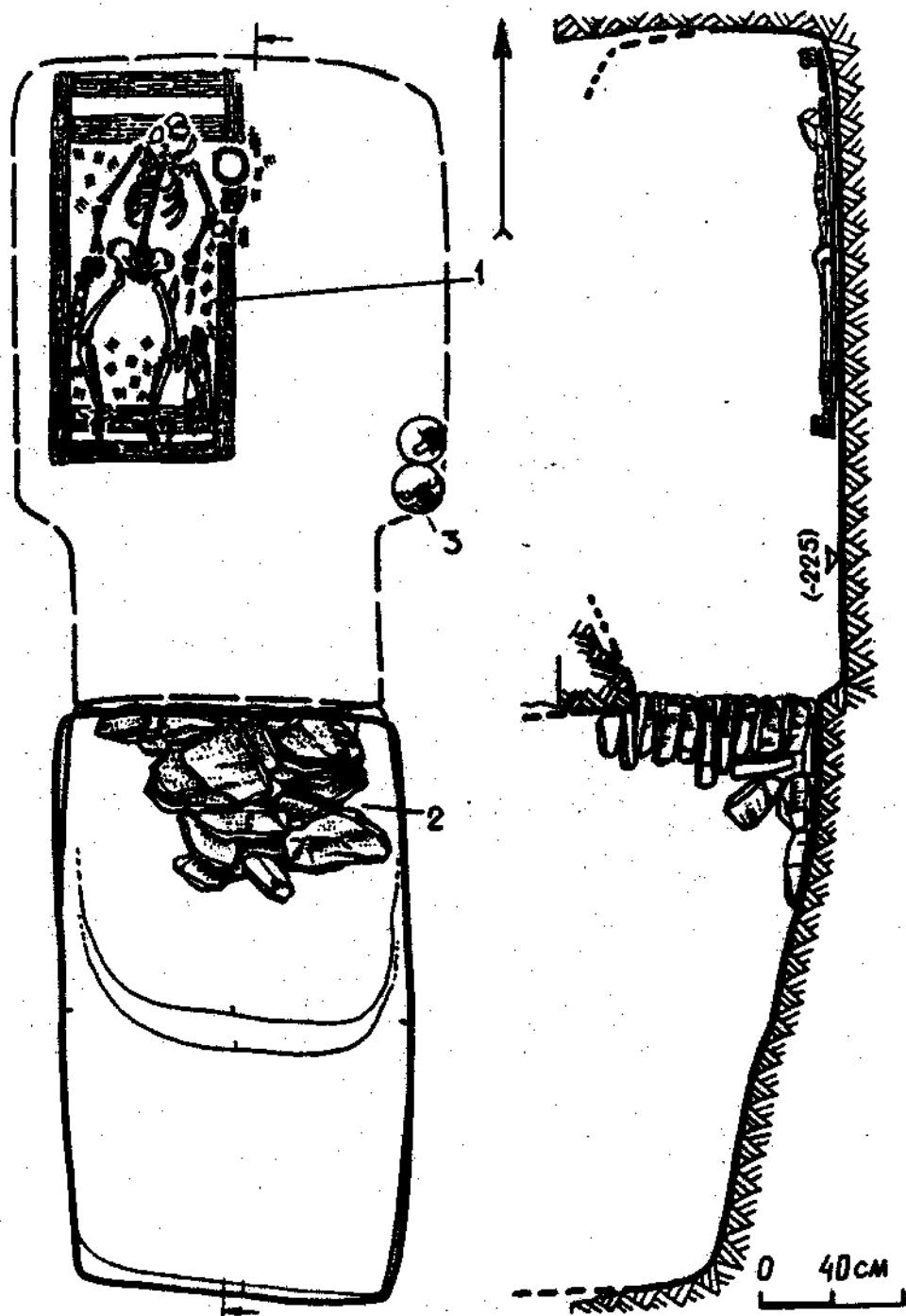

Рис. 2. Погребение 1 (план, разрез)

Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, черепом на север. Лицевая часть черепа разрушена упавшей крышкой саркофага. Слегка согнутые в локтях руки вытянуты вдоль туловища. Ноги также несколько согнуты в коленях — кости их лежали "ромбом". Судя по расположению костей стоп, ноги таким образом были уложены еще при погребении.

У левого плеча погребенного найдена золотая гривна (14) из витого прута, концы ее оформлены в виде головок лошадей. Гривна лежала на линии стенки саркофага и, вероятно, была прислонена к ней изнутри. У правого локтя находился серебряный

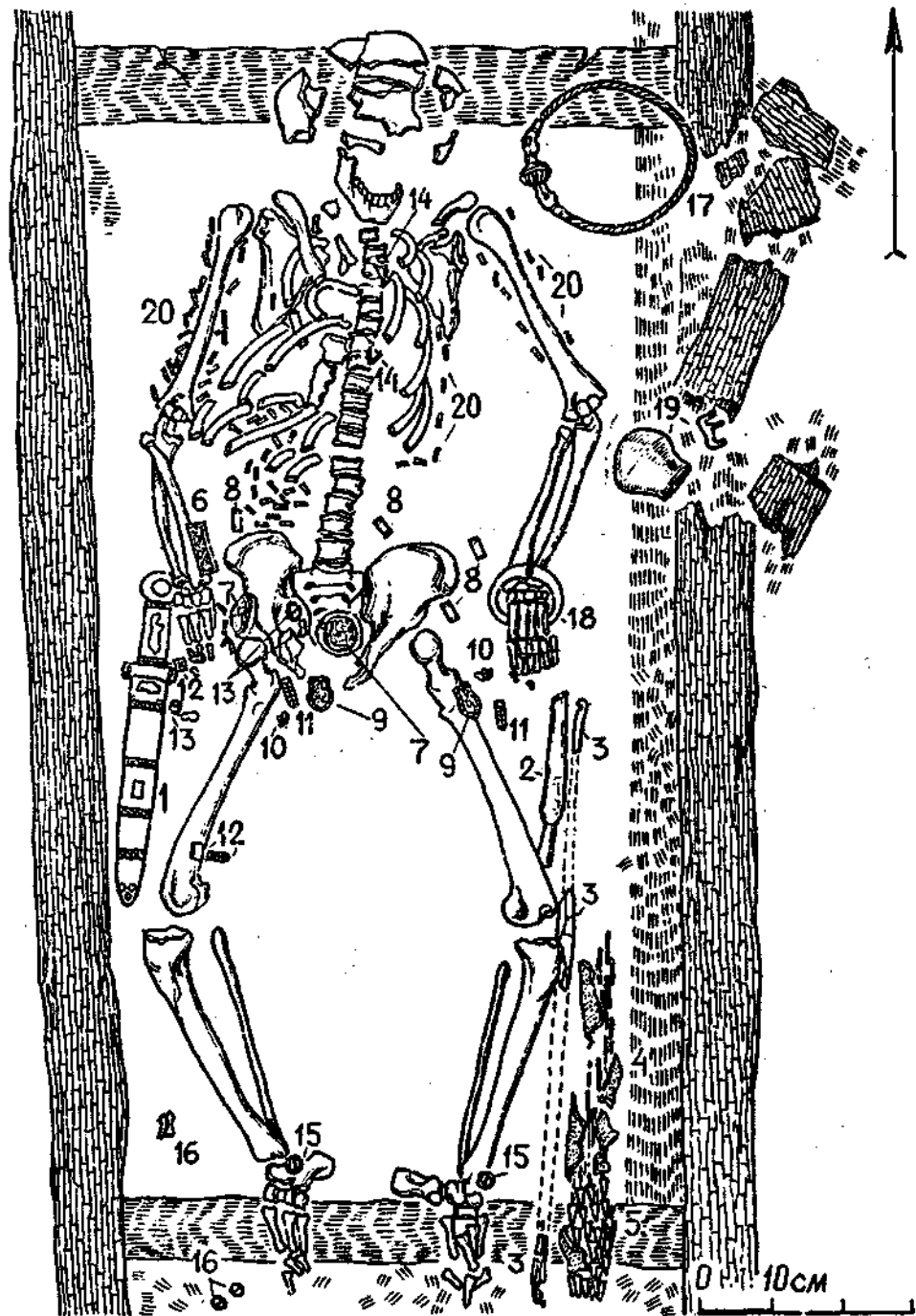

Рис. 3. Погребение 1:

1 — меч; 2 — кинжал; 3 — лук; 4 — колчан; 5 — наконечник дротику; 6 — гастагна; 7 — подо-
 выные бляхи; 8 — поясные пластины; 9 — португейные бляхи; 10 — бляшки в виде лотоса; 11 —
 наконечники свисающих ремней; 12 — наконечники португейных ремней; 13 — порту-
 гейные пряжки; 14 — фибулы; 15, 16 — обувные пряжки; 17 — гривна; 18 — браслет; 19 —
 кубок; 20 — золотые пронизы

кубок (15) с ручкой в виде фигурки лошади. Он также стоял у самой стенки сарко-
 фага и вывалился из него через пролом. На запястье левой руки был надет золотой
 браслет (13) с расширяющимися концами. У левого бедра лежал железный кинжал (2),
 рукоять его находилась у колена, а острие — у кисти. За ним, вплотную к стенке сарко-

фага, лежал лук (3) с костяными накладками, а под ним, ближе к юго-восточному углу саркофага — колчан со стрелами и дротик (4, 5).

На запястье правой руки погребенного, с внутренней стороны, находилась золотая прямоугольная пластина (6), украшенная геометрическим орнаментом. Вдоль правого бедра лежал короткий меч (1) с кольцевым навершием, рукоять и ножны которого декорированы золотыми пластинами. В юго-западном углу саркофага была, вероятно, пара сапог — сохранились 8-видные серебряные карабины и пряжки (11б, в). На костях стоп обнаружены две серебряные пряжки (11а).

Погребенный был одет в красную кожаную куртку и штаны, остатки которых прослежены по всей площади саркофага под скелетом. Рукава куртки расшиты золотыми цилиндрическими пронизьями (12), лежавшими вдоль плечевых костей преимущественно с внешней стороны их. Судя по находкам таких же пронизей в районе грудной клетки и таза, они украшали и переднюю часть куртки. В верхней части груди найдены две фибулы (10а, б), скреплявшие ворот одежды. Куртку подпоясывал красный кожаный пояс с железными, плакированными золотом бляхами-застежками (7а, б). По обе стороны их на поясе располагались две накладки (8), золотые с внешней стороны и серебряные с внутренней. На них нанесены тамги. Такие же две накладки находились на задней стороне пояса, а на бедрах — портупейный пояс, к которому крепился меч. Гарнитура портупейного пояса состояла из двух ажурных золотых пряжек (9а, б), двух накладных золотых пластинок (9в), золотых наконечников ремней (9г, д), украшенных вставками из эмали. К портупейному поясу относится и золотое кольцо с серебряной обоймой (9 м), найденное с левой стороны таза. Меч крепился к бедру ремнями с золотыми, украшенными эмалевыми вставками, наконечниками (9з, и) и обоймами (9к, л) — одна пара их лежала в верхней части бедра, вторая — у колена. К портупейному мечу пристегивался золотыми пряжками с 8-видными карабинами (9е, ж). Судя по остаткам кожи в обоймах и наконечниках, портупейный пояс был зеленого цвета.

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 1

1. Железный меч с прямым перекрестьем и кольцевым навершием. Ручка обложена деревом и обтянута красной кожей. У перекрестья и навершия на лицевую сторону ручки наложены две золотые скобы шириной 7,4 мм. По краям их напаяны двоянные витые проволоки. Пространство между ними заполнено четырьмя сердцевидными вставками серо-голубой пасты в напаянных проволочных гнездах. В центре лицевой стороны ручки по длинной оси — золотая накладка в виде бегущего льва. Фигура льва отштампована в невысоком рельефе. Грива передана тремя вертикальными рельефными линиями, заполненными косой штриховкой. Пятью вертикальными рельефными линиями подчеркнуты ребра. В центре головы — круглое отверстие. Лапы переданы рельефными линиями, изображающими пальцы. Пасть широко разинута, однако детали морды не проработаны. Хвост загнут на спину. Длина фигуры 5,3 см. Перекрестье меча сделано из железного прута шириной 1 см, обернутого вокруг пяты клинка и сваренного. Длина перекрестья 6 см, ширина 1, концы выходят за пяту на 0,8 см. По углам лицевой стороны перекрестья помещены четыре полусферические золотые бляшки диаметром 0,5 см. Длина ручки 8 см, ширина у пяты 3,14, у навершия — 2,74, ручка овальная в сечении, толщиной 1,8 см. Диаметр кольца навершия 5 см, оно круглое в сечении, толщиной 1 см. Клинок меча обоюдоострый, линзовидный в сечении, лезвия параллельны и сужаются к острию в последней трети клинка. Длина его 31,5 см, ширина у пяты 4,6 см.

Меч находился в деревянных ножнах, обтянутых красной кожей. Чуть ниже устья помещена золотая пластинка в виде отштампованной в невысоком рельефе фигурки припавшего на лапы льва. Детали морды с широко открытой зубастой пастью не промоделированы. В центре морды на месте глаза круглое отверстие. Грива передана вертикальными рельефными линиями, покрытыми косой штриховкой. Такие же линии нанесены на пояснице. Хвост загнут на спину и покрыт косыми насечками. На лапах рельефно выделены пальцы. Длина фигурки 4,1 см. На лицевой стороне ножен на расстоянии 4,8, 12,6, 18,2 и 25,7 см — поперечные золотые скобы шириной 0,83 см. Как и на ручке, по краям их проходят двоянные витые проволоки, а пространство между ними заполнено сердцевидными вставками серо-голубой пасты в напаянных проволочных гнездах (по семь на трех верхних скобах и пять на нижней). Между второй

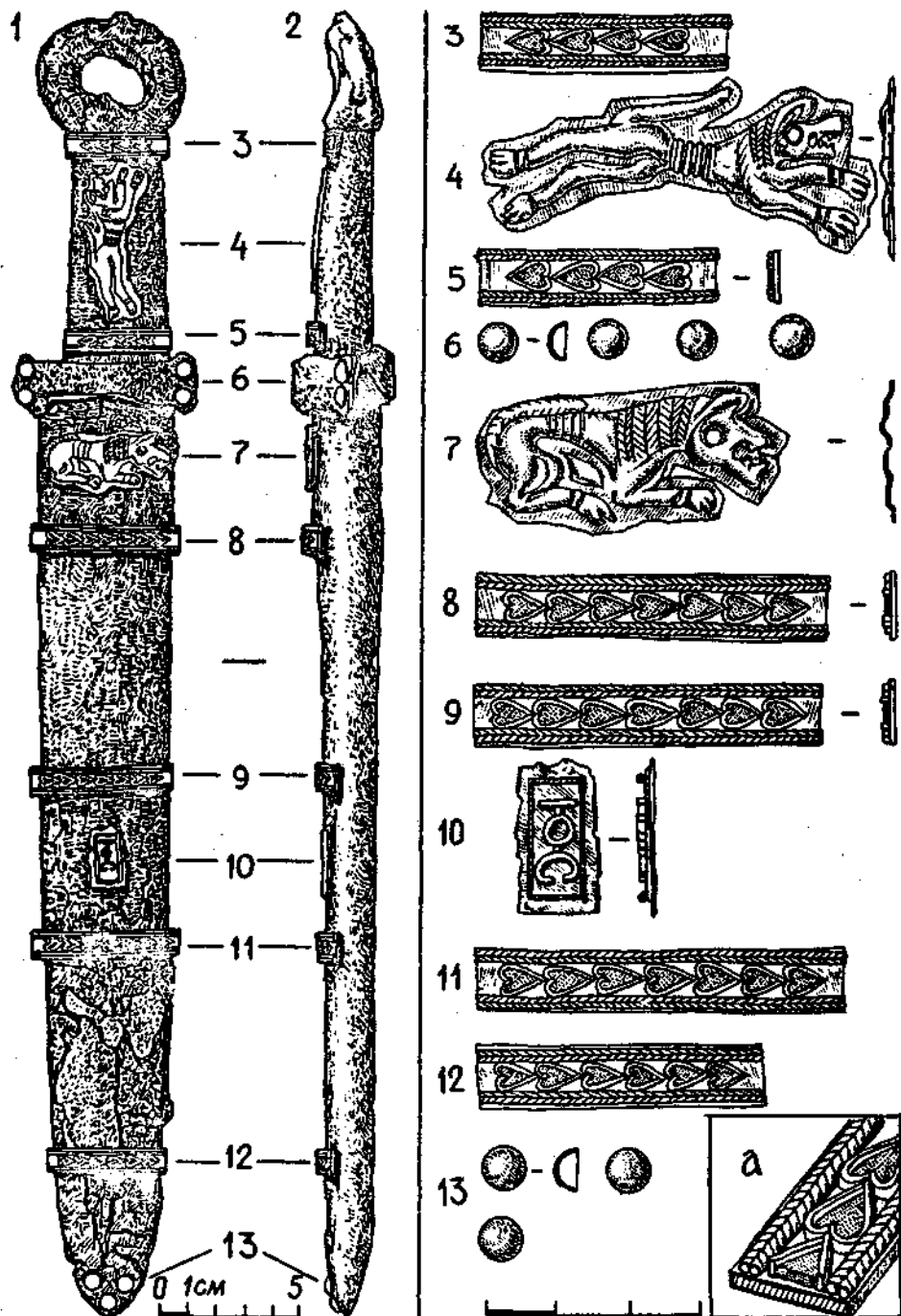

Рис. 4. Меч и португейный набор:

1 — меч; 2-5 — наконечники португейных ремней; 6-9 — пряжки и карабины португейных ремней

и третьей скобами находится прямоугольная золотая пластинка размерами 2x1 см. На расстоянии 0,2-0,3 см от края на ней помещена прямоугольная рамка из напаянной витой проволоки, а в нее заключена тамга. На конце ножен расположены треугольником три полусферические золотые бляшки, как и на перекрестье (рис. 4; ф.5).

2. Железный кинжал с рукоятью-штырем без перекрестья. Клинок клиновидный в сечении, однолезвийный, с прямыми спинкой и лезвием. Конец клинка обломан. Пята клинка переходит в рукоять под прямым углом со стороны лезвия и под тупым —

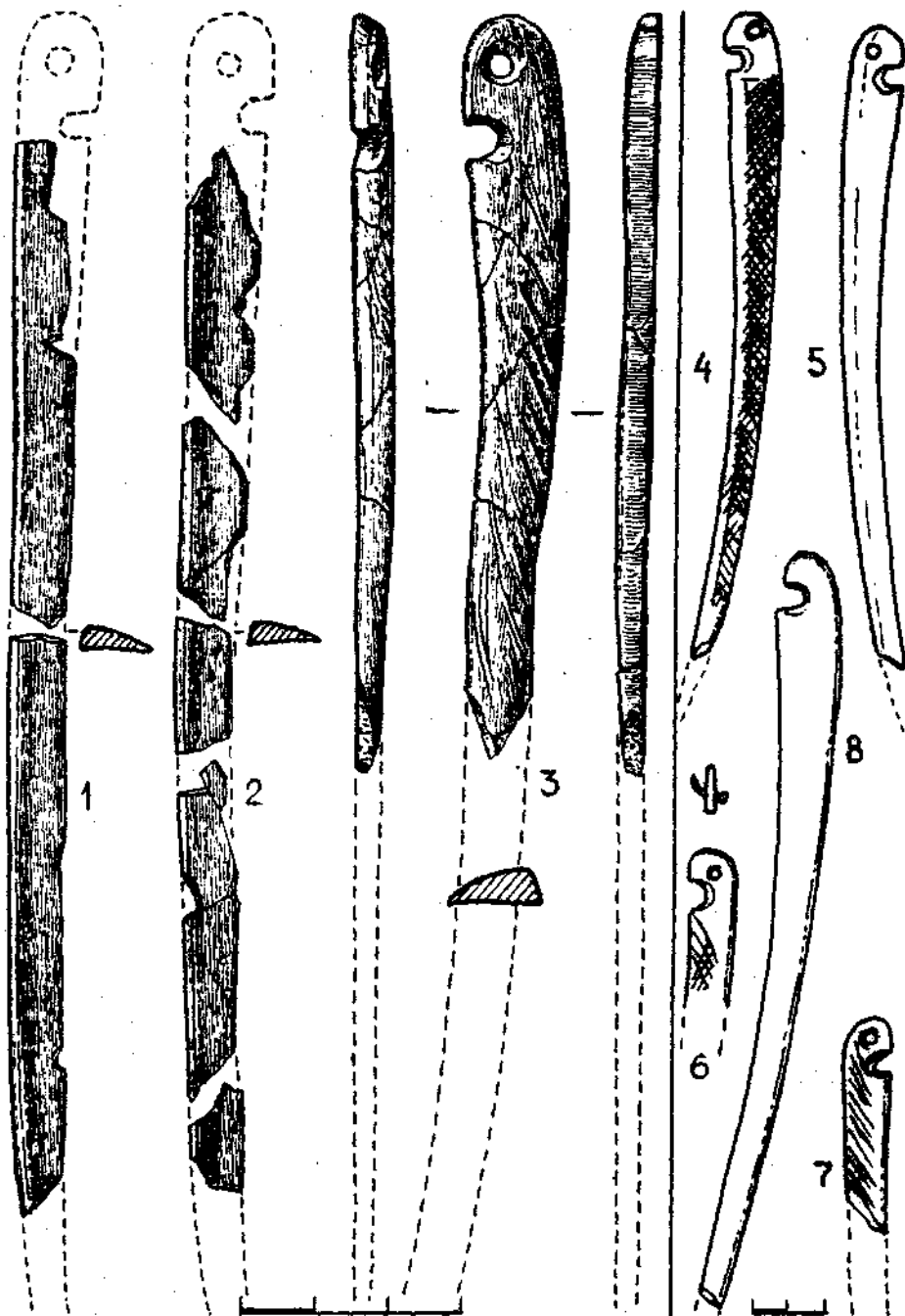

Рис. 5. Кожевые накладки на лук:

1-3 - Пороги; 4-7 - Бар-Хидл (по А.М.Казанову); 8 - Забайкалье (по Ю.С.Худякову)

со стороны спинки. Рукоять-штырь прикреплена под небольшим углом к продольной оси клинка примерно на середине его пяты, ближе к спинке. Рукоять квадратная в сечении, слегка расширяющаяся к концу; конец ее закруглен.

На клинке видны остатки деревянных ножен, обгнутых красной кожей. Кожей была обтянута и рукоять - сохранились фрагменты на конце ручки.

Длина сохранившейся части клинка 19 см, ширина у пяты 2,7, длина рукояти 10,8. диаметр ее у пяты клинка 1,2, на конце 1,7 см (рис. 7, 1; ф.6).

3. Сложный лук с костяными накладками. Длина кишты в спущенном состоянии, судя по расположению накладок, около 120 см. Дерево не сохранилось, и ничего опре-

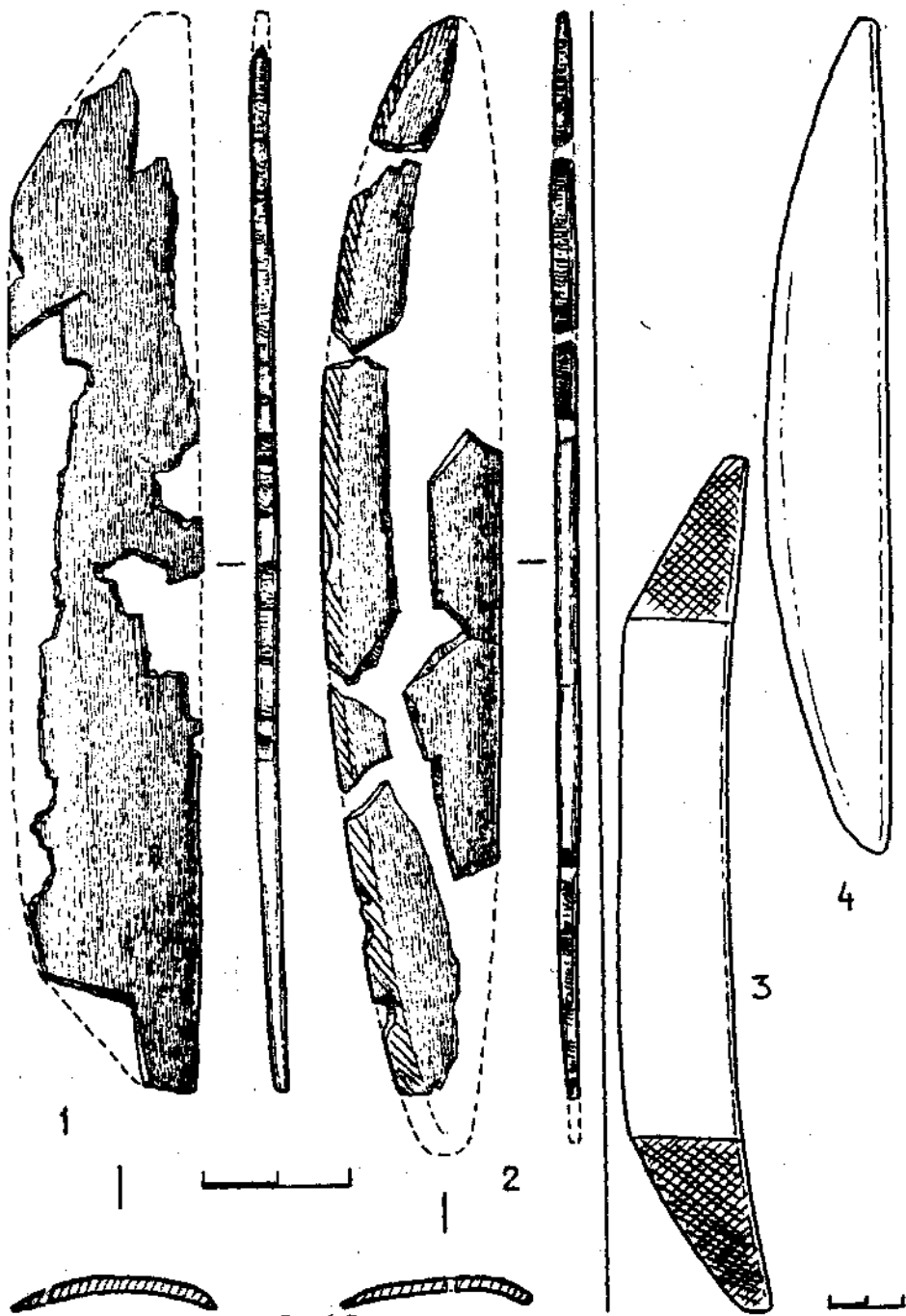

Рис. 6. Срединные накладки на лук:
1, 2 – Пороги; 3, 4 – Западная Сибирь (по Ю.С.Худякову)

деленного о конструкции деревянных частей кибити сказать нельзя. Костяных накладок пять – три концевых и две срединных:

а) концевая накладка – слабоизогнутая, подтреугольная в сечении, с закругленным одним и скошенным другим концами. Накладка постепенно сужается от закругленного конца к скошенному. На закругленном конце – круглое отверстие для крепления на кибити и полукруглый вырез для тетивы. Внешняя поверхность ниже выреза для тетивы и вся внутренняя покрыты косыми насечками. Округлый конец с отверстием и вырезом для тетивы и внешнее ребро подлощены. Длина накладки около 11 см, максимальная ширина 1,3, высота 0,4 см (рис. 5, 3; ф.7);

б) концевая почти прямая (истинную степень кривизны из-за деформации установить невозможно) накладка с обломанными концами, подтреугольная в сечении. Внутренняя поверхность, кроме того, слегка выгнута по продольной оси. Обе стороны покрыты косыми насечками, внешнее ребро подлощено. Фрагментирована. Длина сохранившейся части около 15 см, максимальная ширина 0,8, высота 0,35 см (рис. 5, 2; ф.7);

в) концевая почти прямая накладка — полностью аналогична предыдущей, фрагментирована. Внешнее ребро местами покрыто косыми насечками. Судя по фрагментам, расширялась к одному из концов (вероятнее всего, с вырезом для тетивы). Длина сохранившейся части около 15 см, максимальная ширина 1,1, высота 0,2 см (рис. 5, 1; ф.7);

г) срединная накладка трапецевидной формы с прямым нижним и слегка дуговидным верхним основанием. Нижние части торцевых сторон обрезаны под прямым углом. Дуговидный край накладок слегка загнут. Внешняя поверхность подлощена, внутренняя покрыта косыми и крестообразными насечками. Длина накладки около 15 см, ширина около 3,5 см (рис. 6, 1; ф.8);

д) срединная фрагментированная накладка с загнутым одним и скошенным другим краем. Форма может быть реконструирована как сегментовидная. Скошенный край покрыт косыми насечками, внешняя поверхность подлощена, внутренняя — без насечек. Длина около 16 см, ширина около 3 см (рис. 6, 2; ф.8).

4. Железные наконечники стрел черешковые трех типов: трехлопастные, четырехгранные и плоский. Трехлопастные представлены несколькими разновидностями:

а) с треугольной головкой, прямыми гранями и прямым углом атаки — 5 экз. Длина головки 4–5 см, ширина базы 1,5–1,7, длина черенка до 3 см (рис. 7, 2; ф.9);

б) с треугольной головкой, слегка округлой нижней частью граней и острым углом атаки — девять целых и четыре фрагментированных экземпляра. Длина головки 3,5–4 см, ширина базы 1,5–1,8, длина черенка 3–5,5 см (рис. 7, 3; ф.9);

в) со слегка округлыми гранями, тупым углом атаки и круглой муфтой-упором у перехода в черенок — 2 экз. Длина головки 2,5 см, ширина базы 1,5, длина муфты-упора 1, длина черенка около 4 см (рис. 7, 4; ф.9);

г) ярусный с узким пламевидным трехлопастным бойком, треугольными лопастями нижней части, отходящими от бойка под прямым углом и суживающимися к черенку. У перехода в черенок — небольшая трехлопастная муфта-упор. Длина бойка 2,5 см, всей головки 4,7, ширина нижней части 2,5, длина черенка около 4 см (рис. 7, 5; ф.9).

Четырехгранные с пирамидальной головкой — 10 экз. Длина головки от 2,5 до 3 см, ширина базы от 0,5 до 0,9, длина черенка до 3 см (рис. 7, 6; ф.9).

Плоский — с треугольной головкой округлого сечения в верхней части и линзовидного — в нижней, с прямым углом атаки. Длина головки 3 см, ширина базы 1,8 см (рис. 7, 7; ф.9).

5. Железный втульчатый наконечник дротика с листовидным пером (верхняя часть утрачена), невысоким округлым ребром по центру пера, плавно переходящего в расширяющуюся книзу втулку. Внутри втулки — остатки бронзовой обоймы. Сохранившаяся длина пера 4 см, ширина по низу 2, длина втулки 3,8 см (рис. 7, 8; ф.9).

6. Золотая пластина прямоугольной формы для защиты запястья от удара тетивы. По периметру пластинки оттиснут рельефный бордюр, украшенный ложновитым орнаментом. С длинных сторон край пластинки отходит от бордюра на 1–3 мм, с коротких сторон загнут внутрь. Пространство внутри бордюра разделено на две равные части врезной линией, проходящей по длинной оси пластины. Каждая часть украшена шестью чередующимися группами шевронного орнамента вершиной угла к центральной оси пластины и вершиной — к краю пластины. По основанию не заполненных орнаментом треугольников прочерчены две параллельные линии, пространство между ними заполнено косой штриховкой. Длина пластины 10,8 см, ширина 4,6 см. Одна часть ее несколько повреждена разрывами фольги (рис. 25, 1; ф.10).

7. Парадный пояс — сохранились две бляхи-застежки, четыре накладки и фрагменты красной кожи:

а) правая поясная бляха (рис. 8, 1; ф.11) почти круглой формы, со слегка заостренной серединой правой стороны. В основе бляхи — плоский железный диск, обтянутый довольно толстой золотой пластиной. Края ее заходят на железную основу с внутренней стороны на 0,1–0,3 см. С внешней стороны проходит врезная линия, образующая

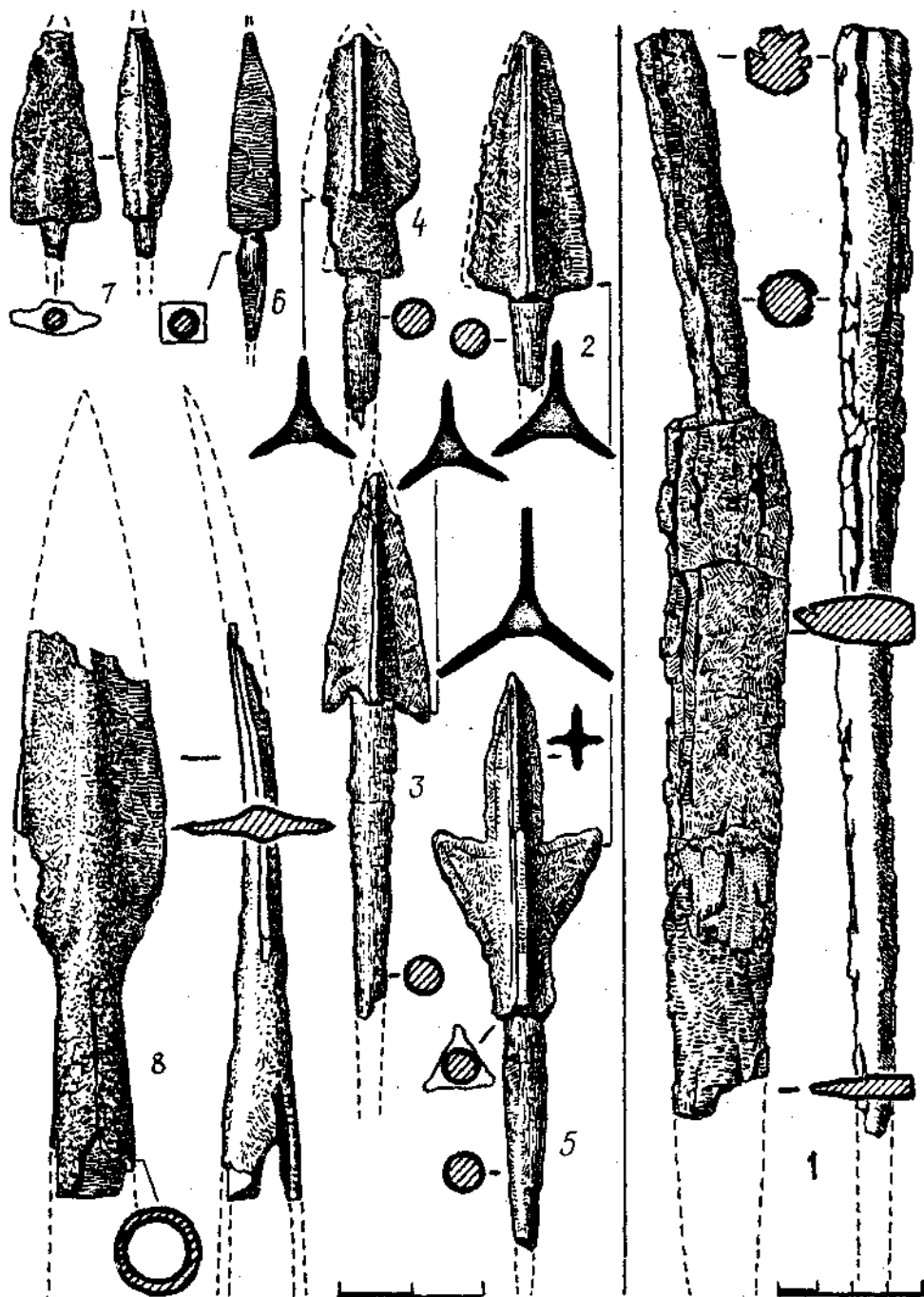

Рис. 7. Оружие из погребения 1:
1 — кинжал; 2-7 — наконечники стрел; 8 — наконечник дротика

рельефный ободок шириной 0,4—0,55 см. Центральную часть блины, ограниченную этим ободком, занимают расположенные по кругу фигуры двух грифонов, терзающих друг друга (рис. 9). Фигуры оттиснуты в высоком рельефе на покрывающей железную основу золотой пластине. Сцена очень динамична. Чудовища припали на передние ноги, которые вытянуты вперед. Задние ноги сильно согнуты в скакательных суставах и подведены, круцы высоко подняты, спины сильно прогнуты в позвоночнике.

Нижний грифон широко открытой пастью впился в круп верхнего. Губы подчеркнуты врезной линией, вздернутый нос передан волотообразным завитком, таким же

Рис. 8. Поясные бляхи

завитком подчеркнута складка морды. Рельефно выделена височно-глазная часть, глаз дан в виде точки. От морды вниз по основанию головы спускается прядь гривы, изображенная рельефными насечками. Мощная длинная шея круто выгнута вверх, от лба на нее ниспадает прядь гривы в виде S-видного рельефного завитка, покрытого горизонтальными насечками. Ниже ее помещено удлиненное ухо, выполненное в виде напаянного гнезда с каплевидной бирюзовой вставкой размерами 0,63x0,37 см. Плечо подчеркнуто рельефным S-видным завитком и каплевидным напаянным гнездом с бирюзовой вставкой размерами 0,87x0,52 см. От плеча вверх к центру бляхи отходит подтреугольное, загнутое к голове крыло. Плоскость его покрыта тремя продольными рельефными линиями, промежутки между которыми заполнены косыми насечками. Такими же насечками подчеркнут нижний край левой передней ноги. На предплечье ее помещена каплевидная бирюзовая вставка в напаянном гнезде размерами 0,42x0,46 см. Лапа передана каплевидным золотым гнездом с сероголубой пастовой вставкой размерами 0,42x0,45 см. Правая нога скрыта за левой, контур ее намечен проходящей над левой ногой рельефной линией. Лапа в виде каплевидного гнезда с сероголубой пастовой вставкой размерами 0,43x0,45 см помещена сразу за левой лапой. От обеих лап вертикально вниз отходят по два когтя в виде рельефных заостренных линий.

Нижняя часть поджарого живота подчеркнута каплевидной вставкой из сероголубой пасты в напаянном золотом гнезде размерами 0,87x0,52 см. Мышцы крупа переданы двумя каплевидными противоположно размещенными гнездами; верхнее — размерами 0,8x0,5 см — заполнено темно-коричневой вставкой (крашеная кость?), нижнее — размерами 0,85x0,59 см —

бирюзовой. Скакательный сустав выделен сегментовидной слегка изогнутой бирюзовой вставкой в напаянном гнезде. Нижний контур левой задней ноги подчеркнут косыми насечками. Параллельно верхнему контуру ноги проходит рельефная линия, передающая правую заднюю ногу. Лапы, как и на передних конечностях, выполнены в виде каплевидных напаянных гнезд размерами 0,42x0,46 см, заполненных темно-коричневыми вставками. От каждой лапы вниз отходят по два заостренных когтя, переданных рельефными линиями.

Рис. 9. Поясные бляхи (деталь)

Длинный хвост поджат между ног, перекинут через голень левой, загнутый конец его помещен на оконтуривающем бляху пояске. Хвост покрыт косыми насечками.

Верхний грифон почти аналогичен нижнему. Основное отличие в том, что он кусает нижнего за поясницу, а не за круп. На крупе верхнего грифона — одна каплевидная вставка размерами $0,9 \times 0,51$ см. Большинство первоначально бирюзовых (судя по нижнему грифону) вставок утрачены и заменены на серо-голубые пастовые. Бирюзовые сохранились на передних и правой задней лапах (у нижнего грифона они утрачены и заменены пастовыми). На левой задней лапе — пустое гнездо с остатками темно-коричневой пасты. Нет вставки и в гнезде, передающем ухо. Прядь гривы, идущая над ухом, гладкая — вероятно, насечки на ней стерлись со временем. Размеры вставок: ухо — $0,59 \times 0,36$ см, плечо — $0,1 \times 0,67$, живот — $0,67 \times 0,46$, скакательный сустав — $0,49 \times 0,5$, лапы — $0,47 \times 0,35$ см.

Между грифонами и оконтуривающим пряжку пояском на левой стороне бляхи — прямоугольное отверстие размерами $1,36 \times 0,55$ см. Примерно на уровне его середины на пояске — вертикальный золотой шпенок в виде перевернутого усеченного конуса высотой $0,51$ см, верхним диаметром $0,6$, нижним $0,4$. Основание шпеняка подчеркнуто насечками. Поверху его загнутые края образуют круглое гнездо для несохранившейся вставки. С внутренней стороны бляхи — золотая головка заклепки диаметром $0,3$ см, на которой держится шпенок.

Полость между золотой пластиной и железным основанием бляхи заполнена беловато-серым веществом. Не исключено, что это — масса из извести, разведенной в незначительном количестве белке (яичный белок или творог), подобная наполнителю головок абраслета из Запорожского кургана.

Диаметр бляхи 5,57 см, высота основания 0,73, высота рельефа 1,09 см;

б) левая поясная бляха (рис. 8, 2; ф.12) — почти круглой формы со слегка заостренной серединой левой стороны. Основу составляет железный диск, обтянутый толстой золотой пластиной. Края загнуты с внутренней стороны. Торец бляхи слегка вогнут. С внешней стороны по окружности бляхи проходит плоский ободок шириной 0,46 см, рельефно отделенный от центральной части. На ней в высоком рельефе изображены два расположенных по кругу грифона, терзающих друг друга. Фигуры чудовищ в целом аналогичны изображенным на правой бляхе, но вся композиция сохранилась гораздо лучше.

Нижний грифон впился в поясницу верхнего. Помимо рельефной линии губ, в пасти отчетливо видны верхние зубы, переданные вертикальными насечками. Изогнутая середина морды подчеркнута маленькой круглой серо-голубой вставкой диаметром 0,2 см. Вставка уха размерами 0,57x0,3 см утрачена. Подчеркивающий плечо S-видный завиток отделен от гнезда вставки косыми насечками, конец его загнут в кольцо и украшен насечками с двух сторон. Такими же насечками подчеркнут внешний контур левой передней ноги (на правой бляхе это сделано менее аккуратно). Левая передняя нога видна из-под шеи грифона; более отчетливо, чем на правой бляхе, промоделированы лапы. На них рельефно выделены запястья и по два пальца, заканчивающихся острыми когтями, отделенными от пальцев двумя врезными горизонтальными линиями. Также более отчетливо, чем на правой бляхе, промоделированы задние конечности — косой насечкой подчеркнут внешний контур левой задней ноги, на лапах рельефно выделены плюсны, пальцы и когти (как и на передних). Конец поджатого между задних ног хвоста перекинут через голень задней ноги и в виде завитка расположен на окаймляющем бляху ободке. Хвост покрыт косыми насечками. Вставки, подчеркивающие мускулатуру плеча, крупа, скакательного сустава и конечностей, бирюзовые, лишь на лапе левой задней ноги утраченная бирюза заменена серо-голубой пастой. На крупе две вставки (верхняя меньше нижней). Форма вставок, как и на правой бляхе, капле- и сегментовидная (скакательный сустав), размеры вставок плеча 1,03x0,63 см, живота — 0,92x0,62, крупа — 0,86x0,53 и 0,73x0,42, скакательного сустава — 0,49x0,45, лап — 0,59x0,39 и 0,45x0,28 см.

Верхний грифон практически аналогичен нижнему. Более отчетливо промоделированы зубы, на загнутом конце пряди гривы, спускающейся ото лба на шею, — круглая вмятина. S-видный завиток на плече более потерт, и косые насечки на нем почти не видны. Когти отделены от пальцев не горизонтальными, как у нижнего, а угловидными насечками. Как и на правой бляхе, нижний грифон впился не в круп, а в поясницу. Поэтому, если у верхнего грифона на правой бляхе одна вставка на крупе, то на левой — две, как и у нижнего. Бирюзовые вставки сохранились на плече и левой передней лапе, остатки бирюзовой вставки видны в ухе, остальные гнезда заполнены серо-голубой пастой. Размеры гнезд такие же, как и на нижнем грифоне.

Расположенное между грифонами и краем бляхи прямоугольное отверстие размерами 1,49x0,54 см, в отличие от правой бляхи, обтянуто золотом и изнутри, причем края золотого покрытия бляхи загнуты на пластинку, покрывающую внутреннюю поверхность отверстия. Глубина отверстия 0,52 см.

На краю бляхи по середине длинной стороны отверстия укреплен такой же, как и на правой бляхе, шпенок в виде перевернутого усеченного конуса. По нижнему его основанию — рельефный орнамент из чередующихся полукругов. Верхнее основание украшено полусферической бирюзовой вставкой. С внутренней стороны бляхи видна золотая цилиндрическая заклепка, с помощью которой прикреплен шпенок. Верхний диаметр шпенюка 0,59 см, нижний 0,48, высота 0,73, высота торчащей части заклепки 0,24 диаметр ее 0,26 см.

В целом, левая бляха сохранилась лучше правой и более точно передает первоначальный замысел мастера и стиль изделия.

Размеры бляхи 6,11x5,72 см, толщина основания 0,71, высота рельефа 1,15 см.

8. Четыре биметаллические поясные накладки (рис. 10; ф.13). Задняя пластина серебряная, лицевая — золотая. Они соединены между собой четырьмя серебряными заклепками, каждая пара которых расположена по краю короткой стороны. Пластины — прямоугольные, размерами 3,55x1,33 см. Вдоль длинных сторон золотых пластин напаяны пояски псевдозерни. В центре пластины — тамга, исполненная в технике

псевдозерни. Диаметр отверстий для заклепок 0,2 см. Каждое отверстие окружено рельефным бортиком. Длина тамги 1,5 см, ширина волот 0,73 см.

9. Набор портупейного пояса: две пряжки-застежки, две накладные пластинки, два подвесных наконечника ремней, две пряжки с карабинами, четыре обоймы-наконечника ремней и кольцо-подвеска (рис. 11–13; ф. 16):

а) литая золотая ажурная пряжка (левая). Основу составляет щитовидная рамка с прямым основанием и закругленным центром. Рамка уплощенная с боков. Боковые стороны ее слегка прогнуты вниз примерно посередине, центр немного приподнят. Основание и боковые стороны рамки покрыты 22 ромбовидными напаянными гнездышками, разделенными промежутками, имитирующими косые насечки. Размеры гнезд 0,45 x 0,45 см. В центре основания — треугольное гнездо. Гнезда заполнены серо-голубыми пастовыми вставками. Крайнее левое гнездо на основании, пятое на левой стороне и три гнезда по центру рамки не имеют вставок. Ширина основания рамки 2,17 см, длина 4,14, толщина (высота) 0,48 см.

От центра рамки вверх и слегка вперед отходит вертикальный круглый шпенек, по основанию подчеркнутый рельефной линией. Увенчан пирамидкой из пяти шариков зерни. Высота шпеняка 0,5 см, диаметр 0,4, диаметр шариков 0,19 см.

Изнутри к рамке припаяны четыре вертикальные петли, согнутые из уплощенного золотого прутка. Две петли расположены в 0,56 см от основания, две другие — на расстоянии 0,11 и 0,8 см от центра рамки. Ширина петель 0,27, диаметр 0,43 см.

Вертикальный шпенек-застежка припаян изнутри рамки и зафиксирован проходящей по внутренней ее стороне полоской золота шириной 0,3 см, припаянной к рамке и охватывающей своей центральной частью шпенек. Внутренняя часть заполнена сложной многофигурной композицией, исполненной в высоком рельефе. К основанию рамки спиной припаяна фигурка — торс мужчины. Круглая голова с приплюснутым темнем сидит на плечах без шеи. На темени рельефным завитком передан узел волос. Сами волосы изображены врезными вертикальными линиями на затылке. На широкоскулом лице с полными щеками и широким носом резцом нанесены узкие "монгольские" глаза и улыбающийся рот. Воротник верхней одежды передан двумя врезными параллельными линиями, оконтуривающими голову и под острым углом пересекающимися на груди. Пространство между ними на фронтальной части заполнено крестовидными насечками. Врезными линиями обозначены манжеты рукавов кафтана.

Центр рамки занимает протомат пантеры. Голова ее затылком прижимается к подбородку мужчины. Уши зверя прижаты, глаза прищурены. На висках косыми насечками переданы складки шкуры. Пасть оскалена, на нижней губе резцом изображен высушенный язык. Четко моделирован характерный кошачий нос. Мощная шея переходит в мускулистый торс, плечи которого, в свою очередь, переходят в круп и левую переднюю ногу другого животного, опирающегося на противоположные стороны рамки. Голова его отсутствует, однако по форме и строению туловища видно, что это кошачий

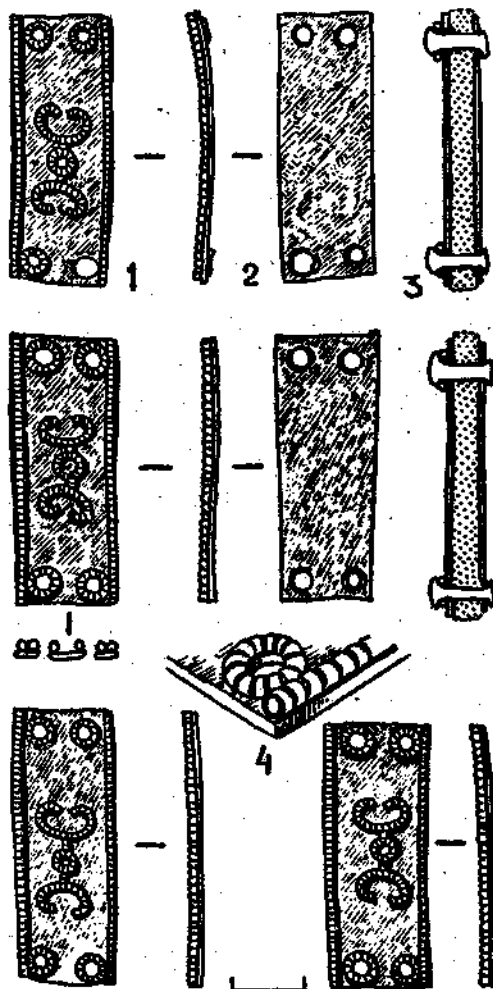

Рис. 10. Поясные пластины

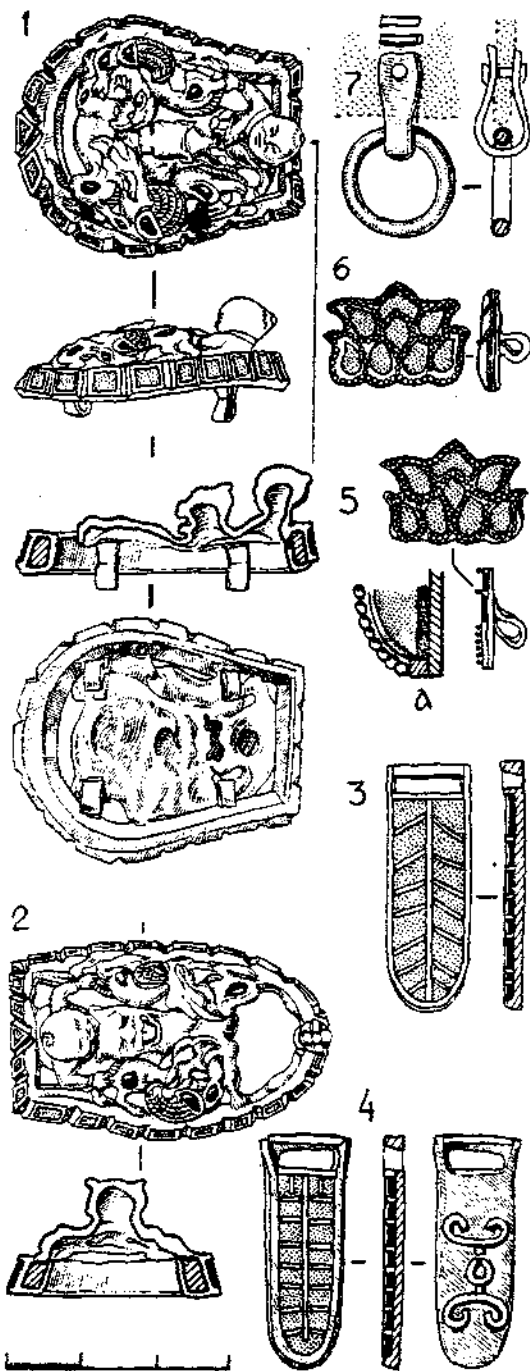

Рис. 11. Португальский набор:

1, 2 — бляхи; 3, 4 — наконечники свисающих ремней;
5, 6 — бляшки в виде лотоса; 7 — кольцо с обоймой

подведены вперед, а позвоночник сильно изогнут, резко поднимая круп. На бедре — каплевидная вставка из серо-голубой пасты. Покрытый насечками хвост пропущен между ног.

Замыкая композицию, мужчина держит грифонов за сгибы задних ног (левого — за левую, правого — за правую) выше скакательного сустава. Кисти рук сильно стертые и практически не видны (рис. 12, 2; ф. 15).

Последовательность монтажа композиции хорошо прослеживается с внутренней стороны пряжки: отлитые отдельно фигурки мужчины и пантеры с грифонами затем

хищник. Хорошо передана трехпалая мускулистая передняя лапа, когти которой впились в край рамки. На предплечье передней лапы гнездо без вставки, локоть рельефно выделен. Нижняя часть торса пантеры образует линию живота этого существа. Задняя нога сильно согнута в колене и скакательном суставе, длинный хвост пропущен между ног и ниспадает на край рамки. Хвост покрыт насечками, имитирующими витой орнамент. Мускулатура круп подчеркнута каплевидной вставкой из серо-голубой пасты в напаянном золотом гнезде.

Вдоль длинных сторон рамки помещены два орлиноголовых грифона. Их тела S-видно изогнуты. Клювами грифоны впились в плечо и круп животного, расположенного под протомой пантеры. Выразительно моделированы мощные широко раскрытые клювы, глаза под нависающими бровями, длинные прижатые уши имеют гнезда для вставок. Складки шеи переданы изогнутыми линиями, по гребню шеи — стоячая перепончатая грива с косыми насечками. Передними лапами грифоны терзают животное, расположенное под протомой пантеры. Мускулатура лап передана каплевидными вставками из сиреневой и серо-голубой пасты. От плеч грифонов вверх отходят крылья с загнутыми вперед концами. Крылья орнаментированы двумя врезными линиями с елочным орнаментом. В основании крыльев помещены сегментовидные гнезда с вставками из серо-голубой пасты. Сильно подведенные животы грифонов переходят в мощные крупы. Задняя левая нога левого грифона отведена немного назад, правая — чуть выдвинута вперед, между ними — длинный хвост, покрытый косыми насечками. На крупе его сильно стертое гнездо, заполненное серо-голубой пастой. Задние ноги правого грифона также несколько расставлены (правая позади левой), но более

соединялись на рамке. Размеры композиции 2,78x2,16 см, высота рельефа 0,95 см. Правая сторона рамки несколько деформирована — слегка отогнута наружу;

б) литая золотая ажурная пряжка (правая). Основу ее составляет грушевидная в плане рамка с прямым основанием. Рамка уплощена с боков. В отличие от правой, боковые стороны прямые. Рамка покрыта 20 ромбовидными гнездами, разделенными промежутками, имитирующими косые насечки. В центре основания и рамки — по одному треугольному гнезду. Гнезда заполнены серо-голубой пастой. Размеры ромбовидных гнезд 0,43x0,43 см, треугольных 0,43x0,43 (основание) и 0,65x0,43 см (центр рамки). Ширина основания рамки 2,15 см, длина 3,72, толщина 0,55 см.

Изнутри к боковым сторонам рамки припаяны четыре петли, согнутые из уплощенного золотого прутка. Две петли, расположенные в 0,48 см от основания, шириной 0,37 см, диаметром 0,42 см слегка наклонены внутрь; две других, расположенные на закруглении рамки, таких же размеров, но больше наклонены внутрь рамки и к ее центру.

Внутреннее пространство рамки заполнено почти аналогичной левой пряжке многофигурной композицией в высоком рельефе. Однако и в сюжете, и в исполнении фигурок имеются различия. Припаянный спиной к основанию рамки торс мужчины слегка откинут назад, голова приподнята лицом вверх. По бокам широкого лица двумя почти стершимися завитками переданы уши, скошенный лоб переходит в широкий нос. Складки толстых щек подчеркивают торжествующую улыбку персонажа. Узкие "монгольские" глаза обозначены врезными линиями. На темени помещена круглая вставка из серо-голубой пасты диаметром 2,9 мм. От нее по всему затылку и верхней части головы вертикальными линиями передана прическа, края которой загибаются к ушам. Двумя врезными линиями, идущими от середины шеи на грудь, выделен край кафтана с правым запахом. Он орнаментирован крестовидными врезными линиями. Рельефно выделены манжеты одежды и, в отличие от левой пряжки, хорошо смоделированы кисти рук.

Центр рамки занимает протом пантеры, отделенная от торса мужчины рельефной волнистой линией. Голова энергично наклонена вперед, уши, заполненные серо-голубой пастой, прижаты, замуренные глаза и злобно оскаленную пасть подчеркивают складки шкуры на висках, переданные насечками.

Пантера впиалась в спину животного, подобного изображенному на левой пряжке, фигура которого расположена вдоль закругления рамки. Головы у него нет, но, судя по лапам, это кошачий хищник. Левая передняя трехпалая лапа с рельефно выделенным

1

2

Рис. 12. Бляхи портупейного пояса

плечом и каплевидным гнездом размерами 0,27x0,15 см (вставка утрачена) на предплечье впиалась в край рамки. Спина животного прогнута, круп приподнят, задняя левая нога сильно согнута в скакательном суставе, трехпалая лапа вынесена вперед, создавая таким образом впечатление, что зверь присел на зад. На бедре помещена каплевидная вставка из серо-голубой пасты размерами 0,31x0,22 см. Хвост, покрытый косыми насечками, поджат между ног, конец его опущен на край рамки.

По боковым сторонам рамки, как и на левой пряжке, помещены два орлиноголовых грифона. Тела их сильно изогнуты S-видю, мощные широко раскрытые клювы терзают холку и круп животного, описанного выше. Под нависшими бровями резцом выделены грозные глаза, уши, переданные каплевидными вставками из серо-голубой пасты, злобно прижаты, вдоль шеи идут перепончатые гребни с косыми насечками. Складки круто изогнутой шеи переданы врезными линиями (рис. 12, 1; ф. 14).

Задние ноги, хвосты и крупы грифонов выполнены в той же манере, что и на левой пряжке. Вставки из серо-голубой пасты размещены аналогично.

Монтаж композиции этой пряжки выполнен в несколько иной последовательности. Сначала на рамку припаяны отлитые вместе торс мужчины и голова пантеры, затем, также отлитые вместе, грифоны и терзаемое ими животное. От спины его в сторону головы пантеры отходит закрытый головой пантеры язычок, почти соприкасающийся с ее подбородком с внутренней стороны пряжки. Размеры композиции 2,97x2,58 см, высота рельефа около 0,8 см.

Внутренние стороны фигурок на обеих пряжках полые, на поверхности видны следы литья. Фигурки отлиты в технике потерянного воска с последующей напайкой гнезд, доработкой резцом и инкрустацией;

в) золотые накладные пластинки в виде цветка лотоса (?). Пластинки слегка согнуты по поперечной оси, в центре обратной стороны напаяна вертикальная петля из плоской золотой проволоки. По краю внешней стороны пластинки — зернь. Орнаментированы двумя рядами вставок из серо-голубой пасты, заполняющей гнезда из плоской золотой проволоки. Нижний ряд — каплевидные вставки, верхний — две каплевидные по краям и ромбическая, а над ней — пятиугольная в центре. Длина пластинок 1,71 и 1,88 см, ширина 1,13, высота петли 0,6 см (рис. 11, 5, 6; ф. 16, 7, 8);

г) золотой подвесной наконечник ремня — прямоугольный, с заостренным концом. На противоположной стороне — прямоугольная рамка для ремня. Наконечник с обеих сторон инкрустирован серо-зеленой и белой пастой, заполняющей гнезда из золотых перегородок. Орнамент елочный. Наконечник спаян из двух пластин, по торцу хорошо виден шов пайки. Длина наконечника 3,3 см, ширина 1,14, толщина 0,27, ширина отверстия рамки 0,2 см (рис. 11, 3; ф. 16, 1);

д) золотой подвесной наконечник ремня — прямоугольный с закругленным концом. На противоположной стороне — прямоугольная рамка для ремня. Лицевая сторона инкрустирована серо-голубой пастой, заполняющей прямоугольные гнезда из золотой проволоки. На обратной стороне наконечника — тамга, выполненная из плоской золотой проволоки. Длина наконечника 3,04 см, ширина 1,0, толщина 0,2, ширина отверстия рамки 0,34, длина тамги 1,55, ширина волот 0,86 см (рис. 11, 4; ф. 16, 2);

е) две золотые пряжки с кольцевой рамкой и подвижным язычком. Рамки — из круглой в сечении проволоки. Диаметр одной 1,21 см, сечение 0,2, второй — 1,19, сечение 0,2 см. Концы заготовки большей пряжки соединены пайкой посередине левой стороны рамки, второй — под петлей язычка. Язычок из уплотненной снизу и сверху проволоки, конец заострен и обернут вокруг верхней части рамки, повторяя ее конфигурацию; второй расклепан и обернут вокруг рамки в полный оборот. Длина язычка 1,42 см, ширина петли 3,2, сечение в средней части 0,22x0,14 см (рис. 13, 5; ф. 16, 11, 12);

ж) два золотых восьмерковидных карабина. Верхняя часть округлая, нижняя — подтреугольная с уплощенным основанием и почти прямыми сторонами (первый), слегка округлыми сторонами (второй). Длина первого 1,98 см, диаметр верхней петли 0,78, высота обоймы 1,08, ширина основания 0,76 см; второго — соответственно 1,92, 0,8, 1,04, 0,8 см. Сделаны из круглой в сечении проволоки диаметром 0,16 см. Край проволоки спаяны и образуют основание обоймы (рис. 13, 6; ф. 16, 9, 10);

з) бронзовый плакированный золотом наконечник ремня. Состоит из овальной в сечении прямоугольной обоймы, от которой отходит расширяющаяся к концу накладка. Она слегка загнута и изогнута по поперечной оси. Наконечник орнаментирован двумя

вертикальными рядами вставок из серо-голубой пасты, помещенных внутри гнезд из напаянной плоской проволоки. В каждом ряду — по пять сердцевидных вставок и по одной (нижней) в форме полумесяца. Вертикальные ряды вставок разделены напаянной витой проволокой. Такая же проволока окружает вставки, проходя по периметру наконечника. Длина наконечника 3,46 см, ширина в нижней части 1,3, у обоймы 0,94, размеры обоймы 1,16x0,92 см (рис. 13, 1; ф.16, 3);

и) наконечник — аналогичной формы, но меньших размеров. В рядах по четыре сердцевидных вставки. Длина наконечника 3,07 см, ширина в нижней части 1, у обоймы 0,82, размеры обоймы 0,92x0,7 см (рис. 13, 2; ф.16, 4);

к) золотая прямоугольная обойма ремня. С одной стороны открытая, с другой — глухая. По краям украшена двойными рельефными полосками из напаянной проволоки. В центре лицевой стороны — напаянное кольцо с отходящими от него четырьмя сердцевидными вставками из голубовато-серой пасты. Кольцо и гнезда для вставок выполнены из напаянной золотой плоской проволоки. С обратной стороны обоймы — шов спайки. Размеры обоймы 2,2x 2,02 см, толщина 0,3 см (рис.13, 3; ф.16, 5);

л) аналогичная обойма, но меньших размеров. Украшена по верху одной линией из напаянной золотой проволоки и в центре — композицией, аналогичной большей обойме. Размеры 1,13x1,0 см, толщина 0,27 см (рис. 13, 4; ф. 16, 6);

м) золотое кольцо с подвижной обоймой от португейного пояса. Служило для подвешивания на пояс каких-то предметов. Кольцо из круглой в сечении проволоки, обе его стороны уплощены. Обойма из плоской золотой пластинки, обернутой вокруг кольца. Концы пластинки трапециевидно расширены, в центре каждого из них — отверстие, в котором закреплена золотая круглая в сечении заклепка. Петля обоймы по краям украшена двумя параллельными линиями. Диаметр кольца 1,52 см, толщина 0,26, длина обоймы 1,44, ширина на кольце 0,38, у окончания 0,62, сечение заклепки 0,2, длина ее 0,65 см (рис. 11, 7; ф.16, 13). Судя по расстоянию между губами обоймы, толщина португейного пояса составляла 0,32 см.

10. Фибулы:

а) серебряная, одночленной конструкции. Пружина длинная (18 витков) с тетиной обвитой вокруг головной части корпуса. Корпус состоит из дуговидной в профиле

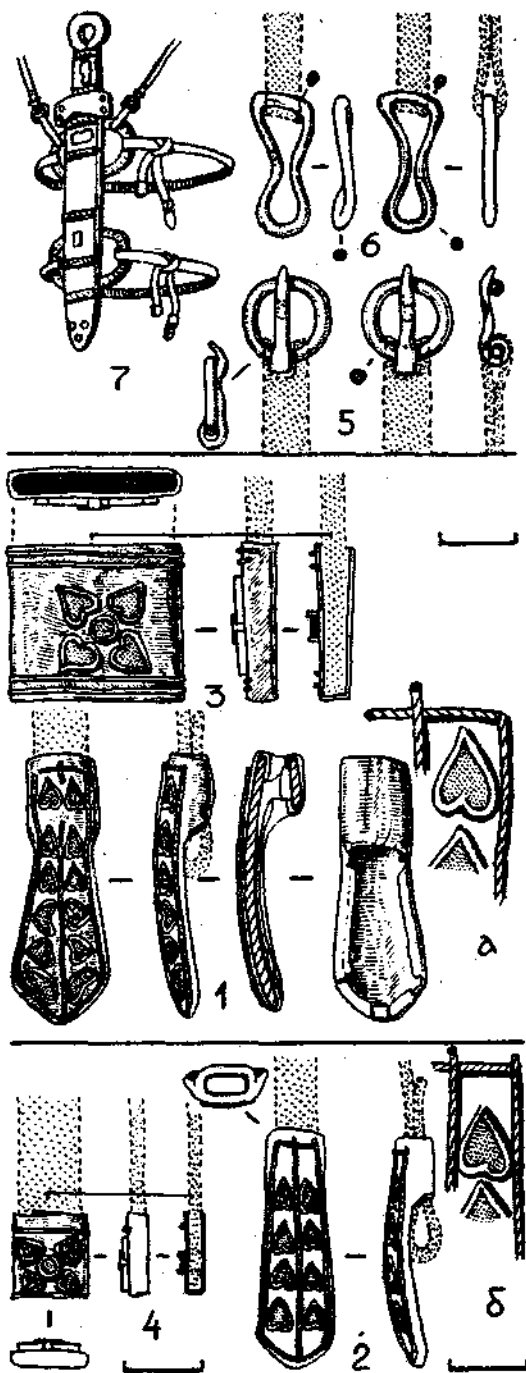

Рис. 13. Португейный набор

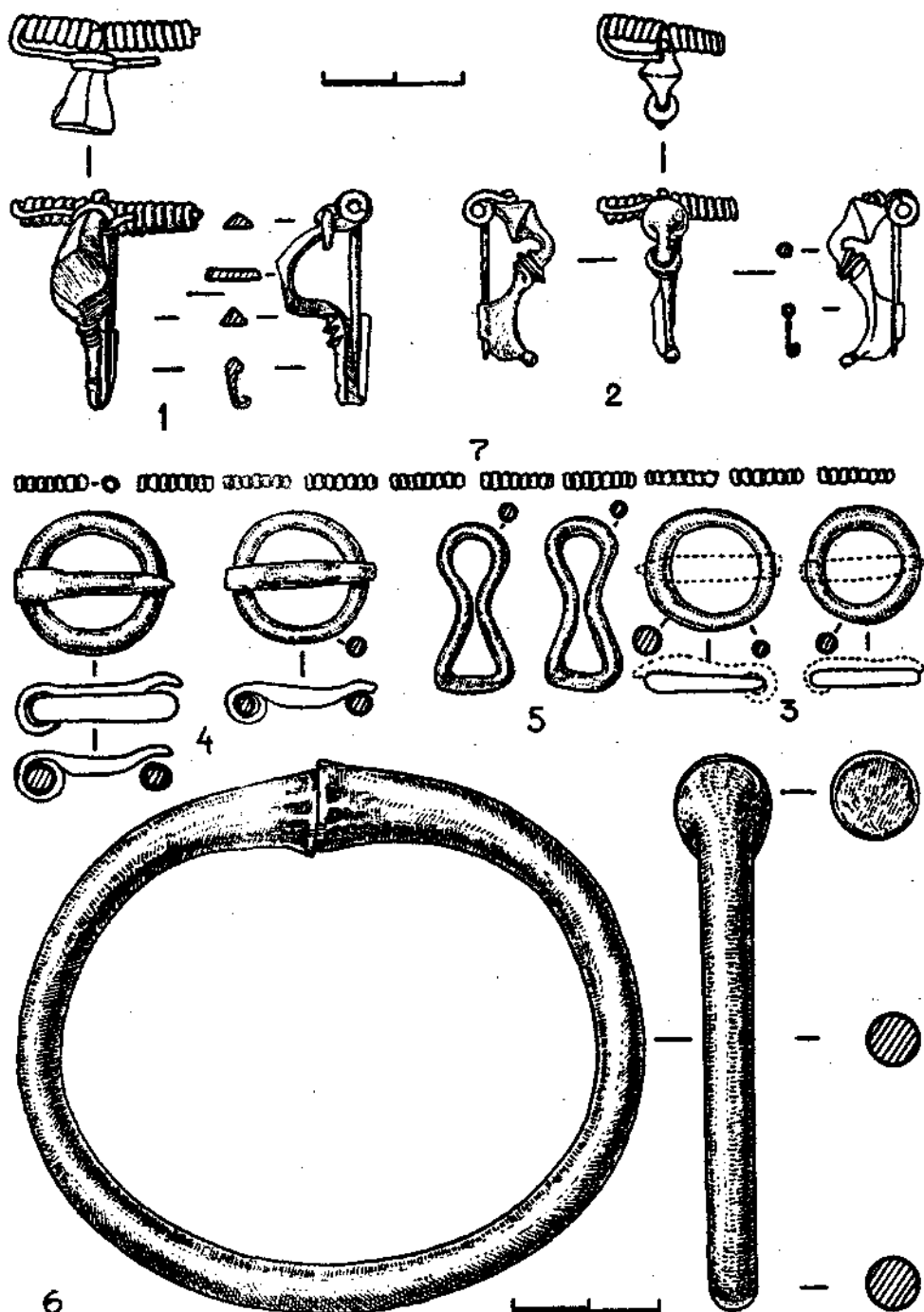

Рис. 14. Предметы личного убора из погребения 1:

1, 2 – фибулы; 3, 4 – обувные пряжки; 5 – обувные карабины; 6 – браслет; 7 – прониз

спинки, трапецевидной в плане, с плоской подтреугольной площадкой на лицевой поверхности, узкой ножки и пластинчатого подпрямоугольного приемника. Переход от спинки к ножке украшен двойным валиком (бусиной). Длина фибулы 2,6 см, ширина спинки 0,75 см (рис. 14, 1; ф.17, 1);

б) бронзовая фибула – сильно профилированная "причерноморского типа", одночленной конструкции. Пружина – длинная (12 витков) с верхней тетивой. Корпус фибулы состоит из маленькой расширенной круглой в плане головки, короткой дуговидной спинки, узкой ножки, прогнутой в профиле и украшенной сферической шишеч-

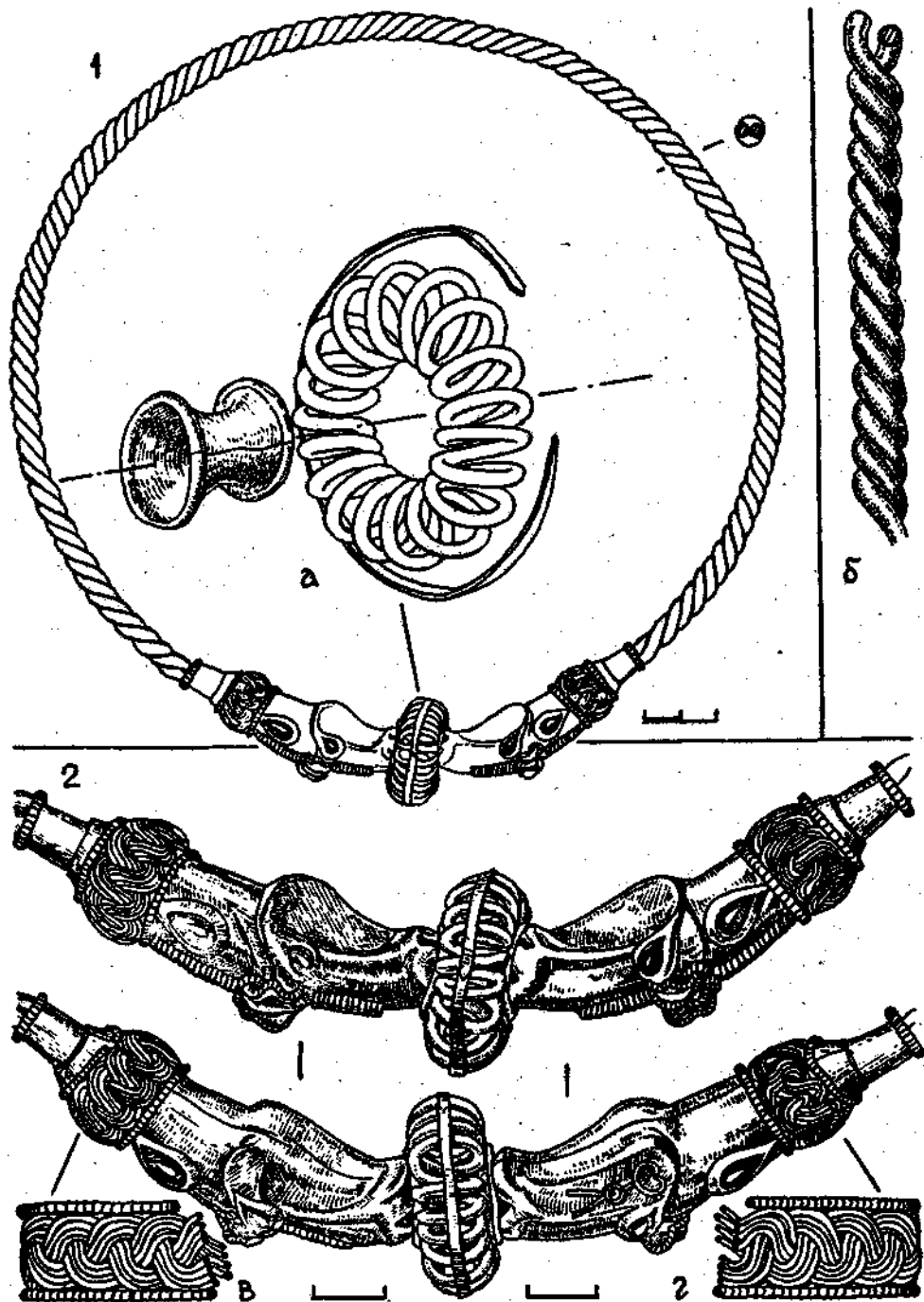

Рис. 15. Гризна

кой на конце, а также пластинчатого приемника. Спинка отделена от ножки рифленным тройным валиком-бусиной, округлым в плане. Длина 2,5 см (рис. 14, 2; ф.17, 2).

11. Пряжки обуви:

а) две серебряные пряжки с кольцевой рамкой и подвижным язычком (последние не сохранились). Рамки — из круглой в сечении проволоки. Диаметр одной 1,84 см, сечение 0,2 см, второй — соответственно 1,6 и 0,29 (рис. 14, 3; ф.18).

б) две серебряные пряжки с кольцевой рамкой и подвижным язычком. Рамки — из круглой в сечении проволоки. Диаметр одной 2,04 см, сечение 0,34 см, второй —

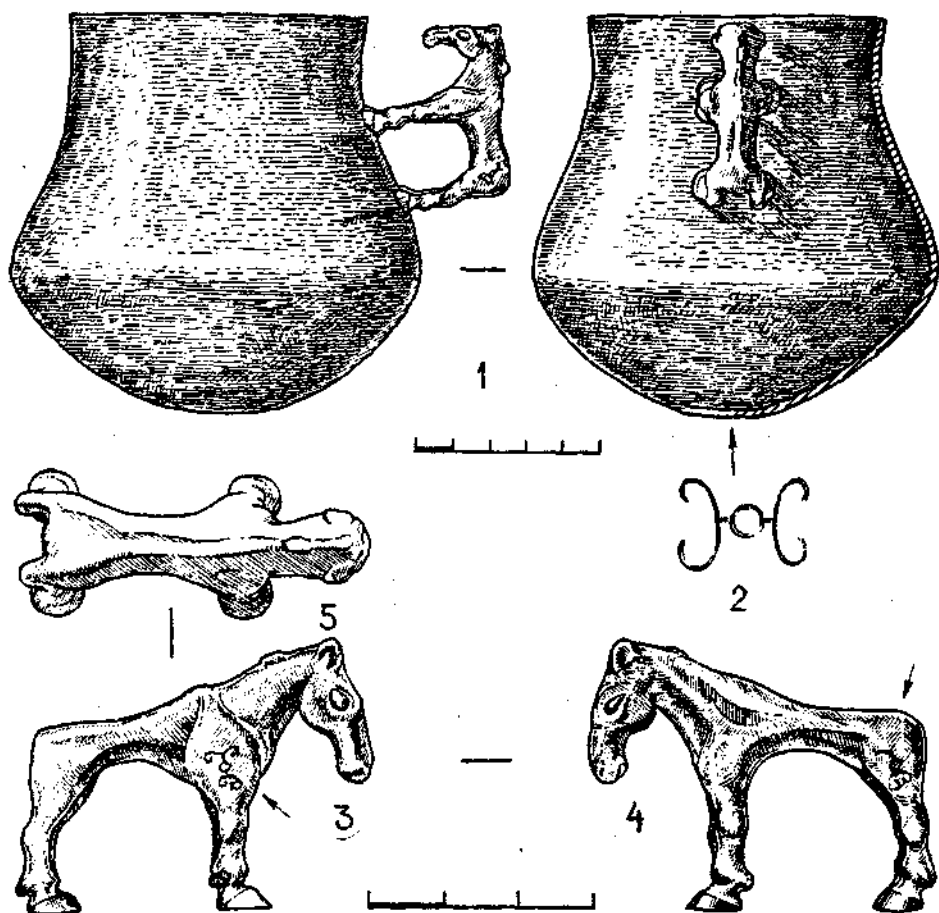

Рис. 16. Кубок:
1 — общий вид; 2 — тамга на днище; 3—5 — ручка

соответственно 1,93 и 0,3. Маленькая пряжка слегка уплощена изнутри, вследствие чего имеет почти линзовидное сечение и едва заметное ребро по верхней и нижней части. Подвижный язычок — из круглой в сечении проволоки, один конец которой заострен и изогнут по конфигурации рамки, второй уплощен и обернут петлей вокруг рамки. Длина язычка 2,22 см, ширина петли 0,45, сечение в средней части 0,3 см. Конец петли подвернут под язычок, смыкаясь с началом, и составляет таким образом полный оборот (рис. 14, 4; ф.18);

в) два серебряных восьмерковидных карабина. Верхняя часть округлая, нижняя (обойма) — подтреугольная, с плоским основанием и прямыми сторонами. Длина одного 2,45 см, диаметр верхней части 1,0, высота обоймы 1,21, ширина 1,06 см. Длина второго 2,42 см, диаметр верхней части 1,05, высота обоймы 1,18, ширина 1,12 см (рис. 14, 5; ф.18). Сделаны из круглой в сечении проволоки диаметром 0,26 см. Концы заготовки спаяны и образуют основание обоймы.

12. Золотые цилиндрические пронизи, покрытые поперечной нарезкой. Длина 0,8—1,2 см, диаметр 0,2 см (рис. 14, 7).

13. Золотой браслет с расширяющимися и сомкнутыми концами — овальный в плане, из массивного круглого в сечении прута. Размеры браслета 8,76x7,5 см, сечение 0,62, диаметр концов 1,14 см (рис. 14, 6; ф.21).

14. Золотая гривна с наконечниками в виде конских головок. Изготовлена из двух перевитых круглых в сечении проволок диаметром 0,25 см. На концы обруча надеты цилиндрические обоймы, обрамленные с нижнего конца проволокой с вертикальными насечками. На цилиндрах — наконечники в виде конских головок. Наконечники — полые внутри, отлиты из двух половин и соединены. Шов проходит по центру лба, морды и нижней части головки, где он особенно заметен. Обе головки отлиты в одной форме,

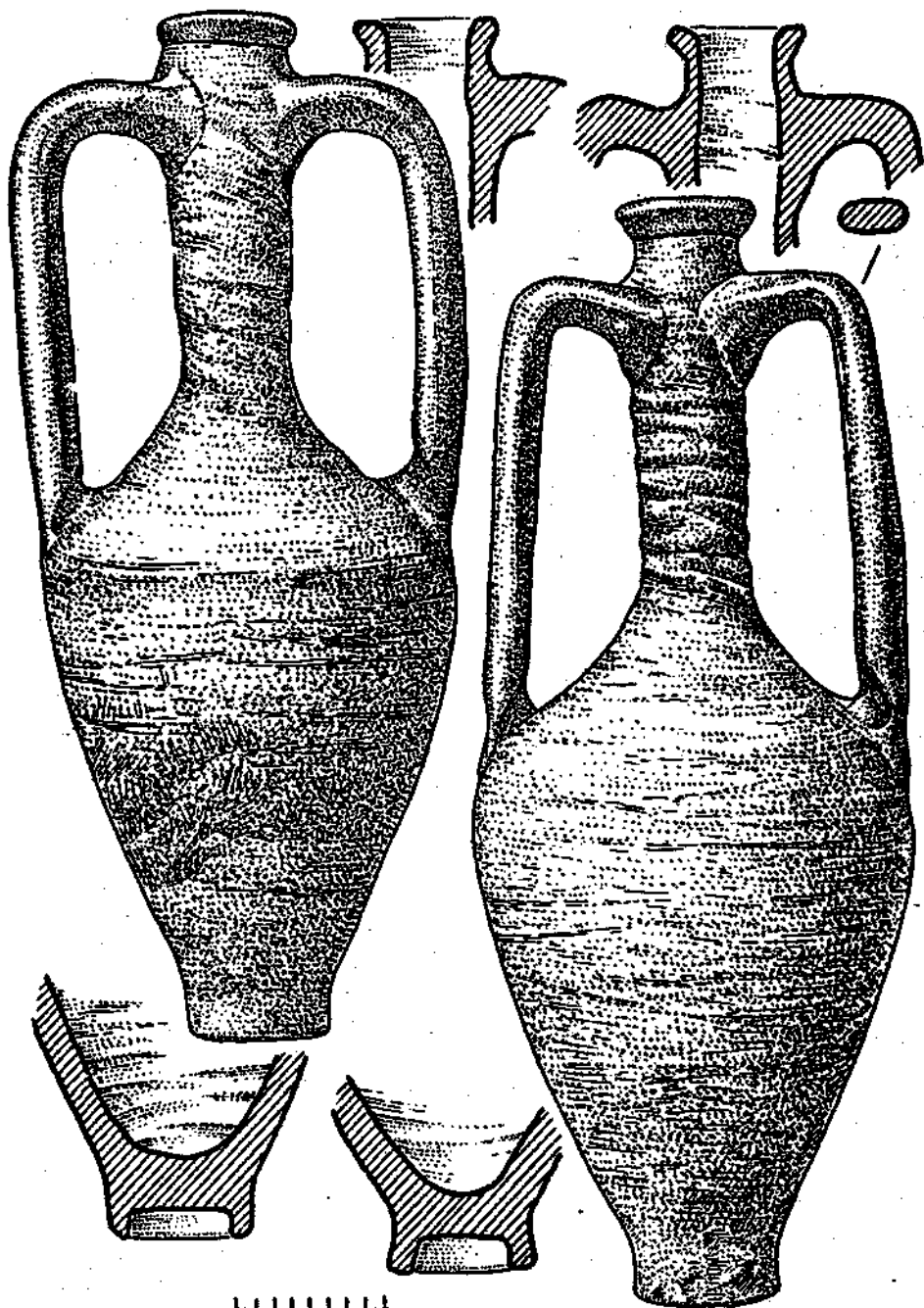

Рис. 17. Амфоры

что хорошо прослеживается при внимательном осмотре. Например, правая скула острая, а левая — более округлая на обеих головках. По шее, затылку и лбу до храпа проходит стоячая грива из проволочной спирали. Уши прижаты к шее, переданы каплевидными голубыми пастовыми вставками в напаянных гнездах. Глаза инкрустированы каплевидными вставками из белой пасты с коричневым зрачком в центре, в напаянных гнездах. Морда — горбоносая, хорошо смоделированы носовые каналы, ноздри, толстые губы. Скулы рельефно выделены. На правой скуле правого окончника — тамга. На лбу помещены маленькие рожки в виде загнутой вперед лопасти с тремя отростками. Основания рожек окружены псевдозернью. Основание шеи подчеркнуто двумя параллельными линиями псевдозерни из напаянной проволоки. Пространство между ними —

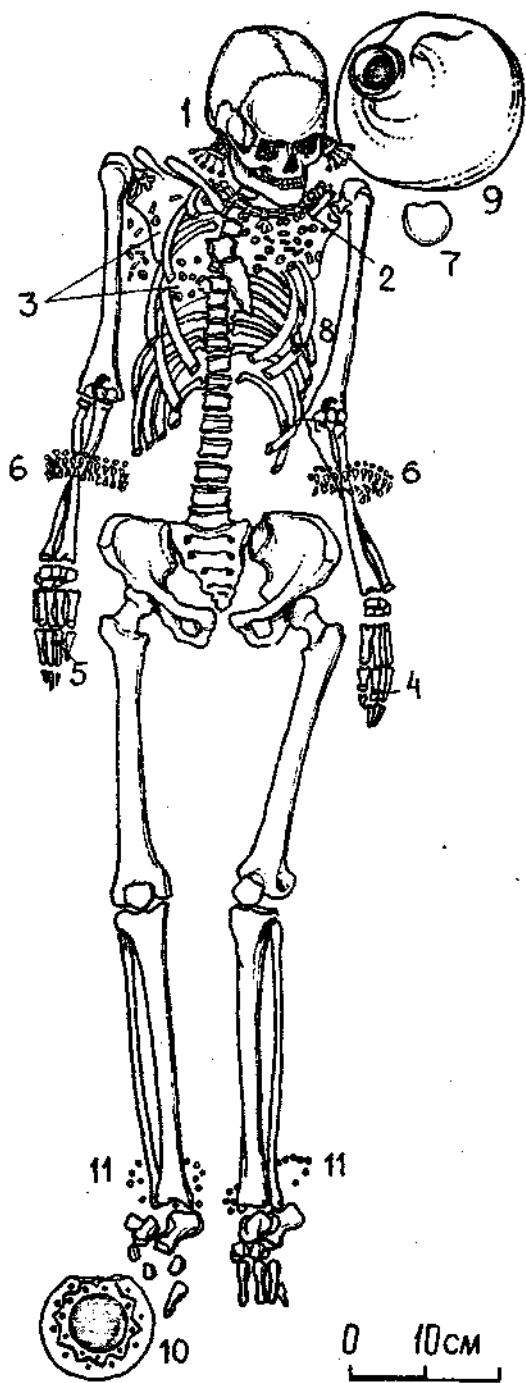

Рис. 18. Погребение 2 (план):

1 — серги; 2 — обшивка ворота платья; 3 — обшивка халата; 4, 5 — перстни; 6 — обшивка рукавов халата; 7 — зеркало; 8 — фибула; 9 — кувшина; 10 — курильница; 11 — бисер

шириной 0,85 см — заполнено витым орнаментом из четырех рядов проволоки, спаянной между собой в широкую полосу. Морды лошадей упираются в ажурный замок, состоящий из 20 золотых колец, спаянных одним краем. Они образуют круг, внешний край которого схвачен плоским золотым обручем. С полосов на кольца напаяны две круглые золотые пластинки, обрамленные проволокой, в которые и упираются морды лошадей. Диаметр гривны 20 см, сечение 2,85, длина головок лошадей 5,2, диаметр втулок наконечников 0,7 см (рис. 15; ф.19; 20).

15. Серебряный кубок с боковой ручкой в виде фигурки лошади. Венчик заостренный, прямой, внешний край слегка утолщен и отогнут. Корпус грушевидный, с максимальным расширением в нижней части, дно округлое. Фигурка лошади отлита отдельно, а затем припаяна к стенке в верхней части корпуса. Хорошо, хотя и несколько стилизованно, передан тип степной аборигенной лошади с большой горбоносой головой, короткой шеей, развитым плечевым поясом, на костистой короткой ноге. Подведенный живот образует в сочетании с линией стенки сосуда овальное отверстие для пальца. Высокая холка переходит в прямые спину и круп, хвост не воспроизведен. На ногах четко выделены запястья, скакательные и путовые суставы. Копыта с длинными зацепами, массивные. На дне сосуда, на правом плече и левом бедре лошади, нанесены тамги. Диаметр венчика 7,8 см, высота кубка 10, максимальный диаметр 11, длина фигурки лошади 3, высота в холке 3 см (рис. 16; ф.22).

16. Две светлоглиняные амфоры. Корпус яйцевидной формы, на кольцевом поддоне, у одной амфоры подчеркнутым линией. Горло высокое, узкое, несколько расширяется в месте прикрепления ручек. Венчик у одной амфоры прямой, по краю его проходит полукруглый в сечении валик, подчеркнутый линией снизу; у второй амфоры венчик слегка отогнут, внешний

край утолщен. Ручки профилированы двумя продольными углублениями. Высота амфор 59 и 61 см, диаметр венчиков 9 и 8 см, корпуса 24 см, поддонов 8 и 9 см (рис. 17; ф.23).

Погребение 2 (рис. 1, 2; 18) находилось в 2,1 м к юго-западу от погребения 1 (в 11 м юго-западнее репера). Могильная яма прямоугольная в плане, с закругленными

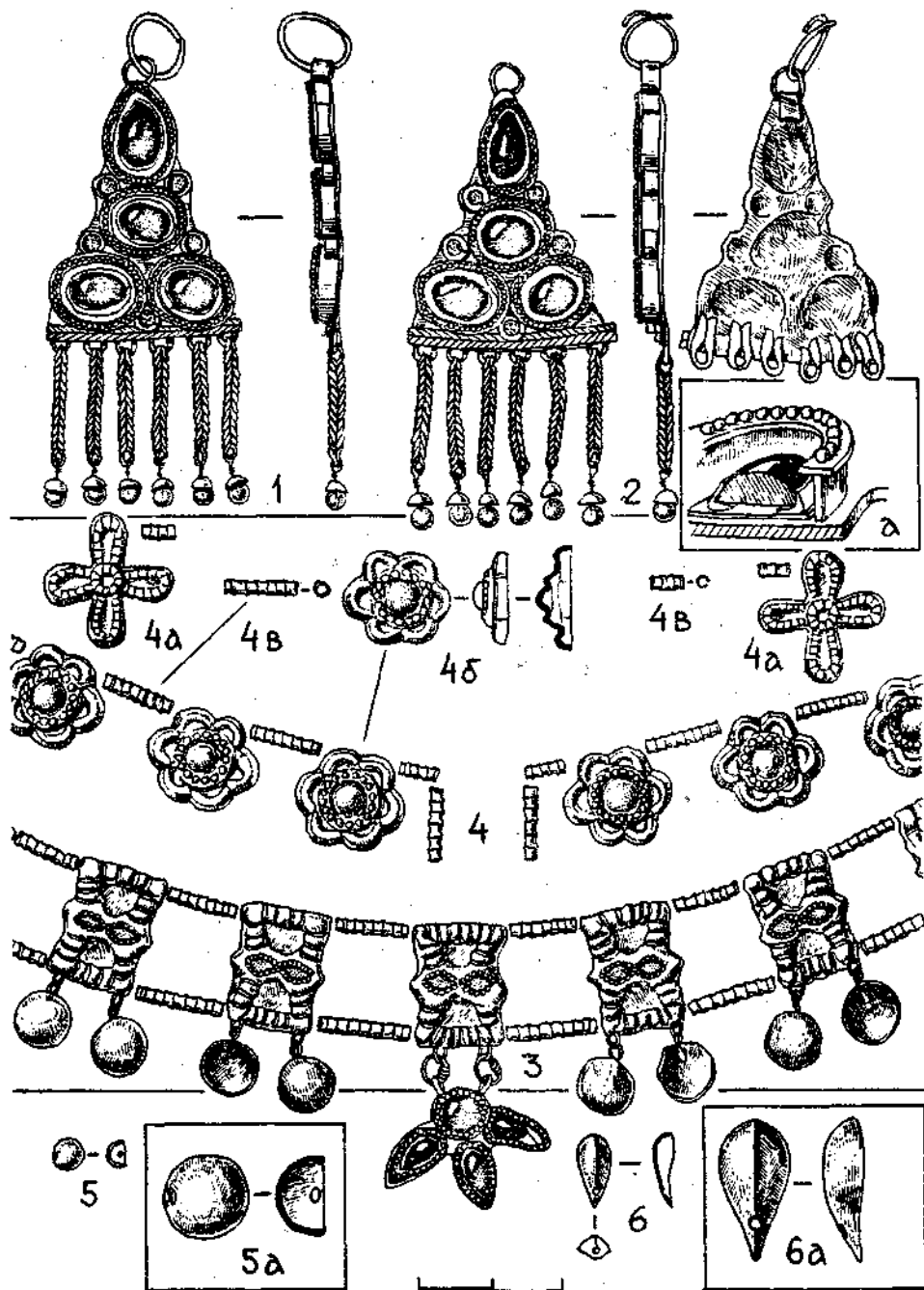

Рис. 19. Предметы личного убора из погребения 2:

1, 2 – серьги; 3 – бляшки обшивки ворота платья; 4а-в – бляшки обшивки халата; 5, 6 – бляшки обшивки рукавов халата

углами, ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Длина ямы 2,65 м, ширина 1,3 м, дно на уровне – 150 от репера. Если учесть, что высота насыпи в древности была значительно больше современной, то глубина ямы погребения 2 должна превышать 2 м от уровня впуска. Могильная яма была перекрыта деревом. Остатки лежавших по поперечной оси могилы деревянных плах прослеживались по краям ямы и в заполнении. Яма была заполнена однородным материковым суглинком. Вероятно, она была перекрыта деревом не по верху, а на определенной глубине. Поверх перекрытия яма была засыпана выкидом, который затем просел в нее. Эти соображения заставляют предпо-

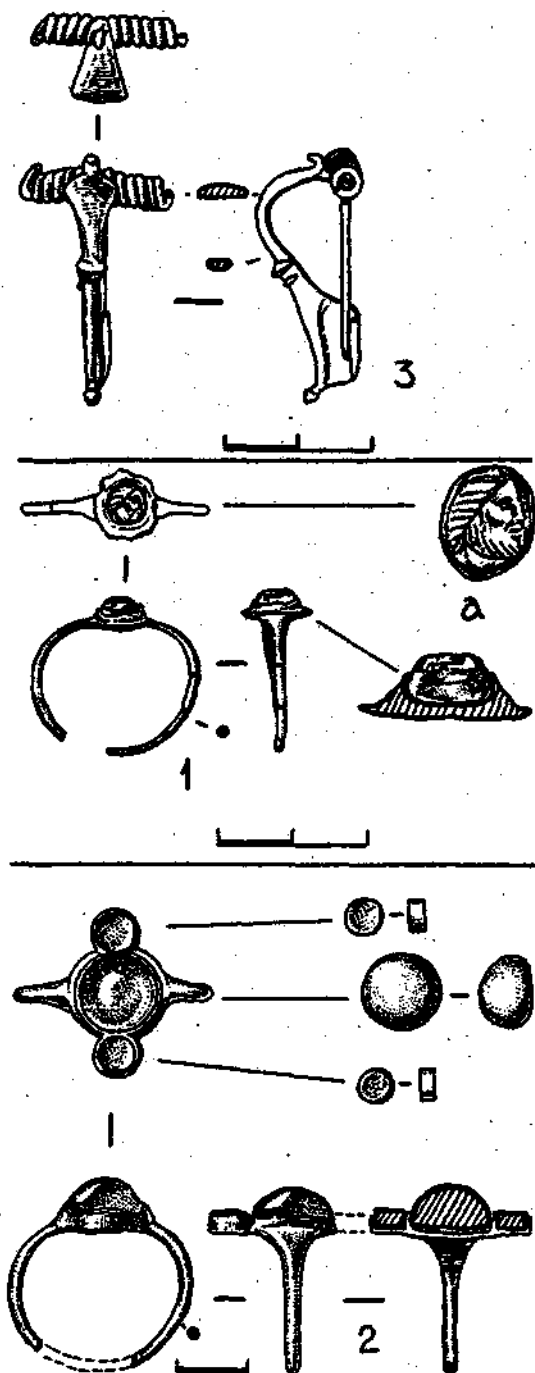

Рис. 20. Предметы личного убора из погребения 2:
1 — перстень с геммой; 1а — гемма (увелич.); 2 — перстень; 3 — фибула

расположены остальные три гнезда — одно в центре и два по основанию пластины. Гнезда овальные, напаяны по длинной оси. По краям композиции размещены маленькие круглые гнезда со вставками из голубовато-серой пасты: четыре между верхним и центральным гнездами и одно между двумя нижними. Большие гнезда выполнены из плоской, поставленной на ребро, золотой проволоки, по верхнему краю обрамлены одним рядом зерни. Внутри их помещены каплевидный (верхний) и овальные (центральный и нижние) глухие касты со вставками из голубого (верхний и нижний) и

лагать наличие уступа, на котором должны были лежать концы плах перекрытия. Уступ, вероятно, находился выше современного уровня насыпи кургана и был уничтожен при ее разрушении в 1969 г.

Скелет женщины лежал вытянуто на спине, черепом на северо-восток. Руки и ноги вытянуты вдоль туловища. За черепом находился лежащий на боку кувшин (10), у правого плеча — биплоновое зеркало (8). У стопы левой ноги стояли вставленные одна в другую две глиняные курильницы (11, 12). По бокам черепа, у височных костей находились две золотые подвески (1), украшенные зернью, полихромными вставками и связующими цепочками. На груди обнаружено золотое ожерелье (2) из чередовавшихся прямоугольных пластин с полихромными вставками и цилиндрических пронизей. Нагрудная часть платья была расшита золотыми шестилепестковыми розетками (5а), крестовидными бляшками (5б) и цилиндрическими пронизями. Рукава платья доходили до середины предплечий и были украшены золотыми бляшками в виде полусфер (6) и капель (7). На левой стороне грудной клетки лежала бронзовая фибула (9), скреплявшая ворот (?) платья. На указательном и безымянном пальцах правой руки находились два серебряных перстня с цветными вставками (3, 4). Вероятно, на покойной были надеты шаровары, расшитые у шиколоток мелким белым и голубым бисером.

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 2

1. Золотые височные подвески. Основу изделия составляет треугольная пластинка, на которую напаяны четыре гнезда для вставок. Верхнее гнездо каплевидное, расположено по вертикальной оси подвески. Ниже его, по всей площади пластины, треугольником расположены остальные три гнезда — одно в центре и два по основанию пластины.

молочно-белого (центральный) стекла. Основание подвески украшено двумя рядами витого орнамента, выполненного из тонких проволочек. К нему припаяны шесть петелек, в которых закреплены свободно свисающие цепочки, оканчивающиеся полусферами, заполненными голубовато-серой пастой. На верхний край подвески припаяна плоская петелька с подвижным кольцом из проволоки для крепления к головному убору. Длина каждой подвески 3,5 см, ширина по основанию 2,7 см. Размеры гнезд 1,3x0,9 см (верхнее), 1,1x0,9 (центральное), 1,2x1,0 (нижние), диаметр малых вставок 0,3, длина цепочек 1,9, диаметр кольца для подвешивания 1,1 см (рис. 19, 1, 2; ф.24).

2. Золотое ожерелье из чередующихся бляшек (13 экз.) и пронизей (24 экз.) (последние расположены в два ряда). Бляшки штампованные, подпрямоугольные с выступами по центру длинных сторон. Выпуклые края и центр образуют Н-образную фигуру, украшенную поперечными рельефными линиями. В центре

бляшки помещены каплевидные вставки из голубой пасты, обрамленные зернью. Бляшки состоят из двух спаянных торцами половин — штампованной лицевой и гладкой оборотной. К нижнему краю бляшки припаяны по две петельки, в которых подвижно закреплены две круглые плоские подвески. В центральной бляшке они заменены фигурной, состоящей из округлой центральной розетки и отходящих от нее трех каплевидных. Основа ее вырезана из плоской золотой пластины, на которую помещены напаянные гнезда со вставками из синего стекла, обрамленные по основанию зернью. Цилиндрические пронизи, соединяющие бляшки ожерелья, покрыты вертикальным рифлением. Размеры бляшек 1,0x0,7 см, длина центральной подвески 2,8, диаметр круглых подвесок 0,4, длина пронизей 1,1—1,4 см (рис. 19, 3; ф.25).

3. Серебряный перстень с жуковиной в виде полусферической вставки из синего стекла в круглом касте. С обеих сторон ее помещены два маленьких круглых гнезда для вставок. Шинка фрагментирована. Диаметр шинки 1,8 см, диаметр центральной вставки 1,2, малых 0,6 см (рис. 20, 2).

4. Серебряный перстень с круглой жуковиной, в которой помещено инта́льо на гранате — голова бородатого мужчины вправо. Диаметр шинки 1,6 см, диаметр жуковины 0,8 см (рис. 20, 1).

5. Золотые бляшки, штампованные из тонкой фольги, двух типов:

а) 6-лепестковые круглые розетки с выпуклым центром, окруженным рельефным кольцом псевдозерни. Края лепестков выпуклые, в виде арок. На бляшках по два отверстия для пришивания. Диаметр 1,5 см — 16 экз. (рис. 19, 4; ф.26).

б) две крестовидные с округлыми ветвями, выпуклым центром и краями, покрытыми поперечными черточками. На концах ветвей четыре отверстия для пришивания. Размер 1,7 см (рис. 19, 4а; ф.26).

6. Золотые полусферические бляшки с двумя отверстиями по краям. Диаметр 0,43 см, высота 0,15 — 50 экз. (рис. 19, 5; ф.26).

7. Золотые каплевидные бляшки с острым ребром по длинной оси, подтреугольные в сечении, с двумя отверстиями по краям, расположенными по длинной оси. Длина 1,12 см, максимальная ширина 0,41, высота 0,2 — 60 экз. Штампованные. На некоторых экземплярах нижний край отогнут — следы штамповки (рис. 19, 6; ф.26).

8. Серебряное круглое плоское зеркало с сегментовидной выемкой на нижней

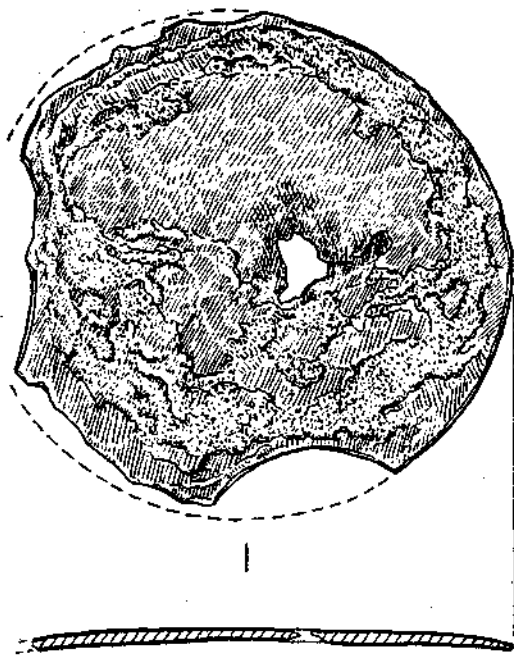

Рис. 21. Зеркало

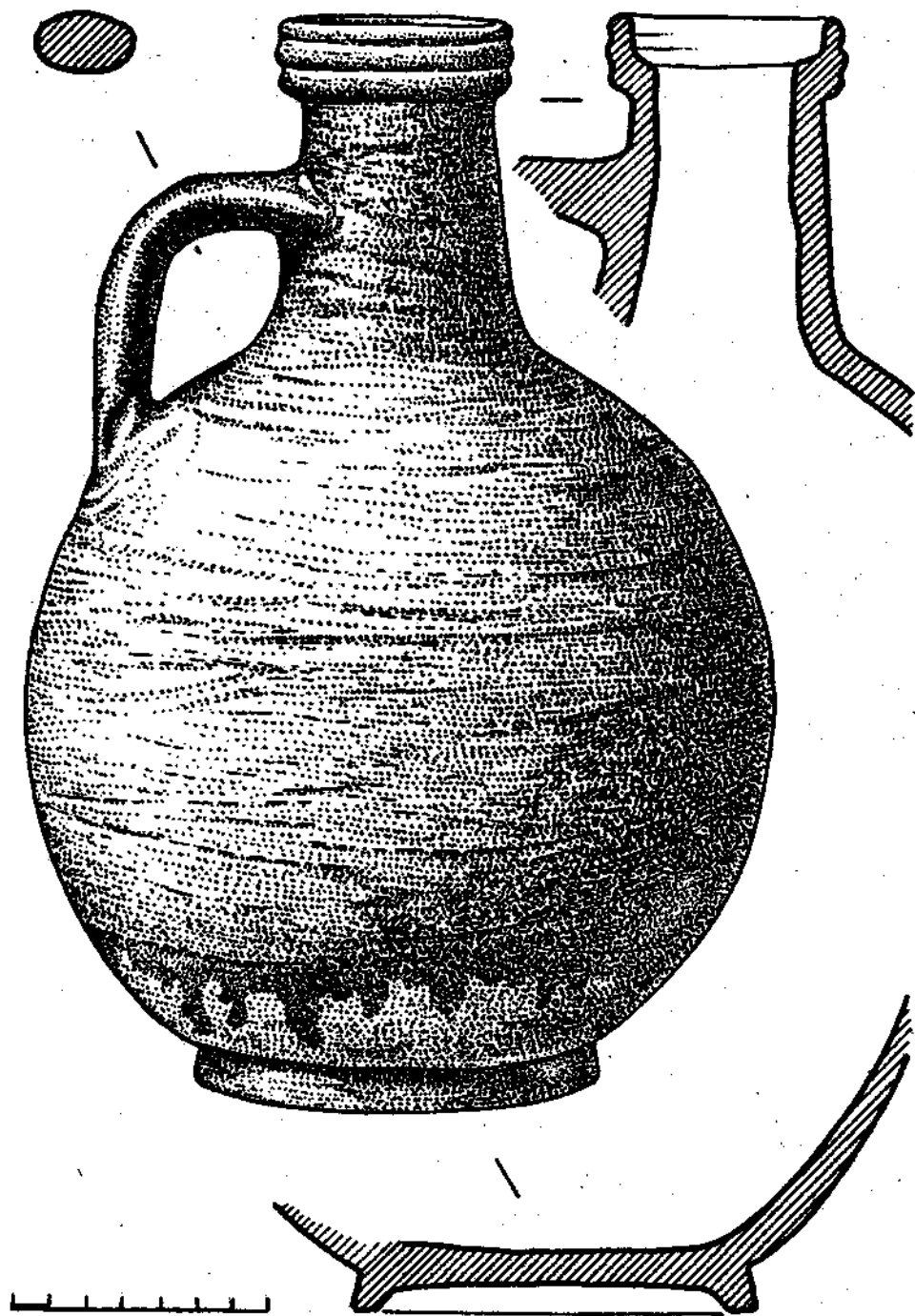

Рис. 22. Кувшины

части. Края неровные, по правому краю заметно уплощение, идущее примерно до середины диска. Вероятно, неровные края зеркала были скрыты футляром. Диаметр диска около 6,5 см, диаметр "рабочей" части 5,8, ширина вьемки 2,5, глубина 4,5 см. Местами покрыто окислами меди. Внешняя сторона полированная, внутренняя, прилегающая к футляру — нет. В центре диска — небольшой пролом (рис. 21; ф. 27).

9. Фибула бронзовая — сильно профилированная, одночленной конструкции. Пружина длинная (12 витков). Тетива — (верхняя) закреплена на головном крючке фибу-

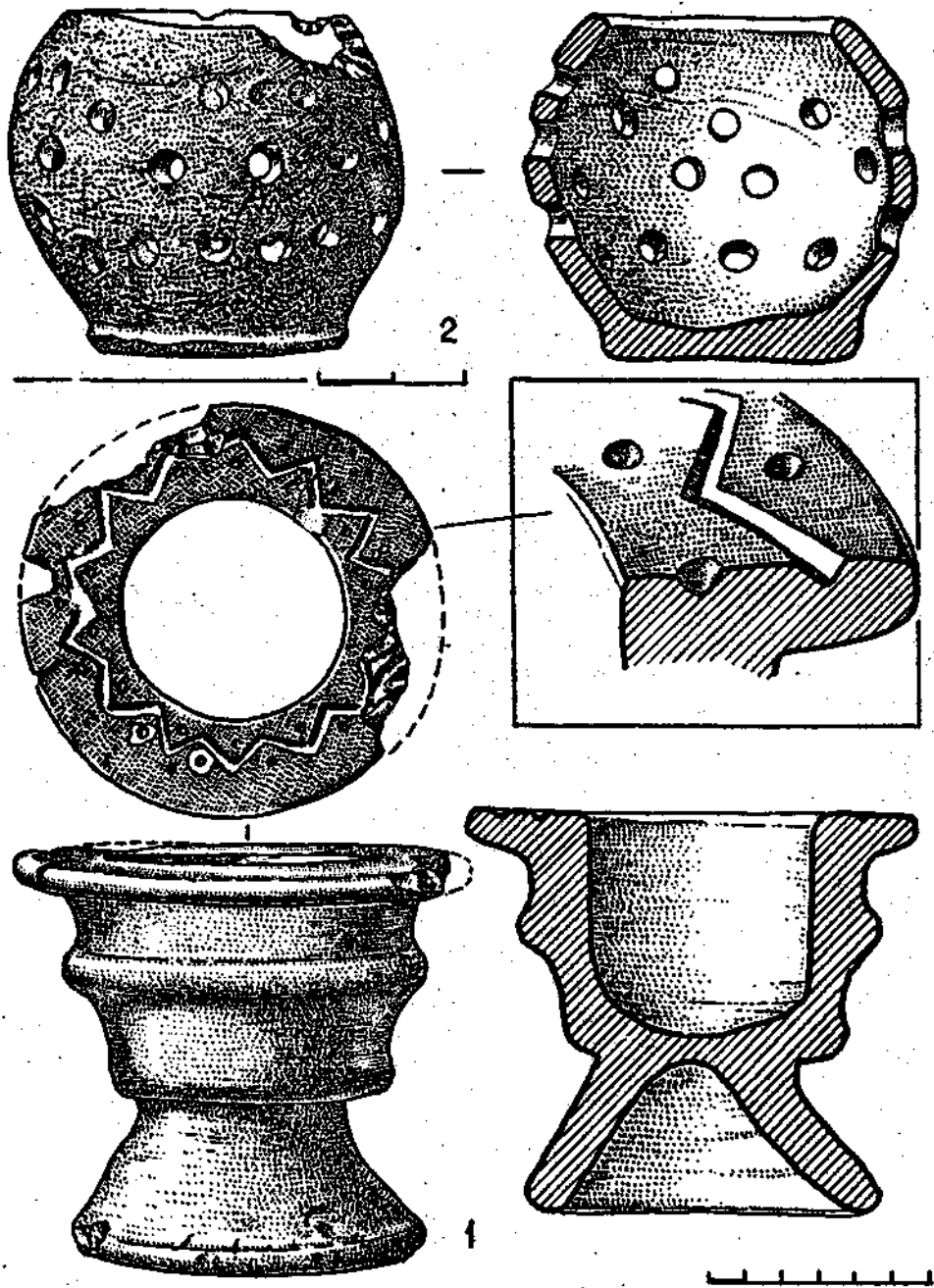

Рис. 23. Курьянцы:
1 – большая; 2 – малая

лы. Корпус состоит из расширенной головки, ромбической в плане, дуговидной в профиле, узкой ножки, украшенной на конце сферической шишечкой, и пластинчатого трапециевидного приемника. Ножка отделена от головки тройным рифленным валиком-бусиной – круглым в плане. Длина 0,31 см (рис. 20, 3; ф.28).

10. Гончарный светлоглиняный кувшин – высокое узкое горло, сферический корпус, вогнутое дно, в центре которого конический выступ, кольцевой поддон с закраиной. Венчик муфтовидный, профилирован двумя параллельными линиями. По плечикам прочерчена линия, верхняя часть корпуса покрыта оранжевым лаком. Руч-

ка прямая в перегибе, одним концом прикреплена на скате плечика, другим — на середине горла. Профилирована двумя продольными линиями. Диаметр венчика 5,2 см, диаметр поддона 11,5, высота кувшина 28 см (рис. 22; ф.29).

11. Лепная сероглиняная курильница — с плоским отогнутым перпендикулярно венчиком, двумя ребрами по корпусу, на коническом вогнутом поддоне. По плоскости венчика — орнамент из двух зигзагообразных врезных линий с точками в углублениях зигзага. Поверхность подлощена. Диаметр венчика 13 см, диаметр поддона 13, высота курильницы 10,5 см (рис. 23, 1; ф.30, 1; 31).

12. Малая лепная сероглиняная курильница бочонковидной формы — со слегка загнутым венчиком, на выделенном плоском дне. По стенкам — сквозные проколы в несколько неправильных рядов. Диаметр венчика 4 см, диаметр дна 4, высота курильницы 5 см (рис. 23, 2; ф.30, 2).

ГЛАВА II ЗАХОРОНЕНИЯ У с. ПОРОГИ В СИСТЕМЕ САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ I В. Н.Э.

Рассматриваемые погребения во многих отношениях являются ценнейшим источником по истории и культуре сарматских племен Северного Причерноморья в период их расцвета. Впервые на исследуемой территории найдено неповрежденное мужское захоронение представителя высшей племенной знати с инвентарем, отличающимся не только материальной ценностью, но и дающим выход на многие вопросы политической и социальной истории сарматов и их соседей. Исследования в течение многих лет сарматские памятники региона, в частности Северо-Западного Причерноморья, представляют собой материал для исторических реконструкций, пока практически отсутствующих. Поэтому целесообразно анализировать захоронения у с.Пороги на широком фоне однокультурных и синхронных им памятников, определяя, с одной стороны, место исследуемых погребений в системе сарматских памятников региона и, с другой — проецируя на них информацию из Порогов для реконструкции некоторых вопросов истории степей Северо-Западного Причерноморья в сарматское время.

I в. н.э. — период расцвета сарматской культуры. К этому времени относится большинство погребений, где широко представлены все категории материальной культуры. На Дону, в Поволжье, Прикубанье, Северном Причерноморье в это время сооружаются курганы сарматской знати, находки в которых отражают обширные связи сарматов — от Рима до Китая. Сарматы активно участвуют в бурных исторических событиях этого времени: междоусобном конфликте на Боспоре, войне в Закавказье за армянский трон, оказывают влияние на развитие античных полисов и позднескифской культуры, наконец, выходят на дунайские границы империи и надолго становятся ее опасными и беспокойными соседями.

В I в. н.э. сарматские памятники широко распространяются в Северо-Западном Причерноморье. В основном это курганные (реже грунтовые) погребения. Ареал их свидетельствует о полном освоении бассейнов Буга, Днестра, лесостепного междуречья Днестра и Прута, буджакских степей, т.е. практически всего региона. Вне территории СССР сарматские погребения этого времени известны в Румынии и Венгрии. Авторам известно более 50 погребений I в. н.э. на исследуемой территории. Следует отметить, что эта цифра может быть большей, так как она не учитывает часть памятников, датировка которых (I—II вв. н.э.) не уточняется, т.е. они в равной степени могли быть оставлены и в I, и во II в. н.э. Обращает на себя внимание топография погребений: часть из них сгруппирована в бассейнах Ингульца и Южного Буга, часть — в Днестро-Прутском междуречье и низовьях Дуная (рис. 24). В степи между Южным Бугом и Днестром сарматских памятников почти нет. Подобная ситуация может быть связана со степенью исследованности территорий, но не исключено, что она фиксирует границы определенных сарматских группировок (племен, орд?).

Захоронения у с.Пороги входят в массив сарматских памятников, расположенный в междуречье Днестра и Прута и в низовьях Дуная. Эта группа компактна в хронологическом отношении и, без сомнения, оставлена одной группой населения. С другой стороны, погребения расположены на самой границе региона распространения сарматских памятников I в. н.э., на его северо-восточной окраине. Правда, здесь к ним примыкает юго-западная граница ареала синхронных сарматских памятников Среднего Поднепровья, где, кстати, найдена тарелка с тамгой, аналогичной одной из порожских (подробнее см. гл. III). Не исключено, что памятники I в. н.э. в рассматриваемом регионе и в Среднем Поднепровье оставлены сарматами, входившими в одно политическое объединение.

Оба захоронения — впускные в курган эпохи бронзы. Это явление характерно для большинства сарматских памятников I в. н.э. на территории Северо-Западного Причерноморья. Примечательно, что в отличие от Нижнего Подонья, где в I в. н.э. погребения знати были, как правило, основными в курганах, на территории Северного Причерно-

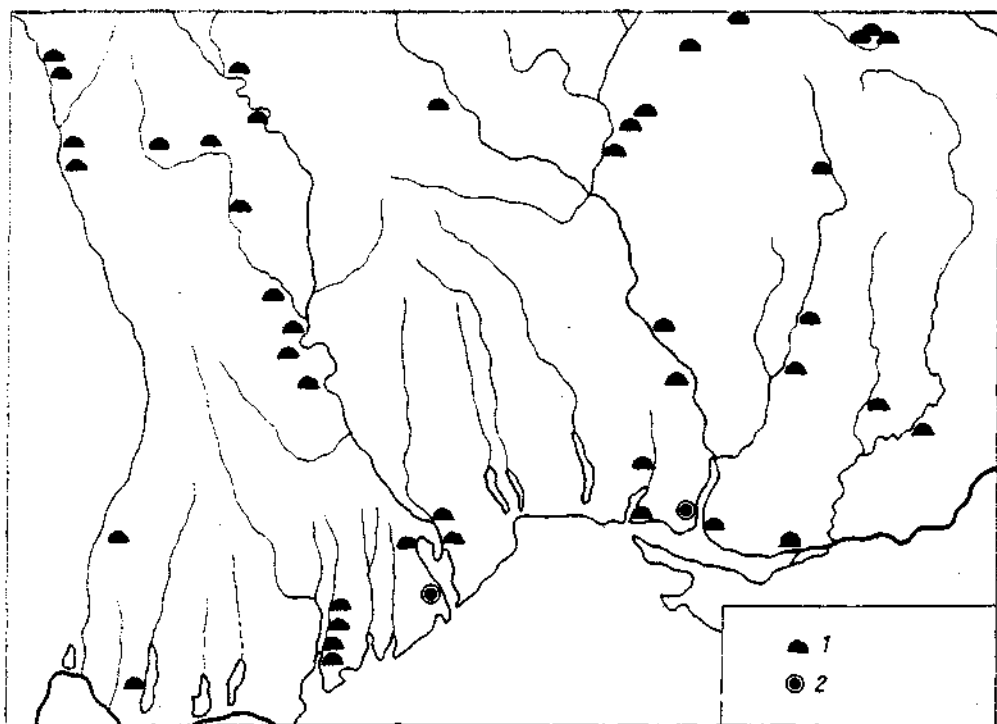

Рис. 24. Карта сарматских памятников I в. н.э. Северо-Западного Причерноморья:
1 — памятники I в. н.э.; 2 — античные города

морья самые богатые погребения этого времени — впускные (Ногайчинский курган, Соколова Могила, Цветна, Михайловка, Пороги). Исключение составляет лишь Запорожский курган. Могильники рядового населения с основными погребениями сосредоточены в Поднепровье-Приазовье (Молочанские, Подгороднянские, Усть-Каменка). На исследуемой территории известно лишь три кургана, сооруженных над основными сарматскими погребениями в низовьях Дуная (у сел Михайловка и Белолесье Саратовского р-на Одесской обл.). Возможно, над погребением у с.Холмское также была невысокая насыпь, впоследствии распаханная¹. Несколько особняком стоят грунтовые погребения Островецкого могильника, по инвентарю и обряду ничем не отличающиеся от синхронных им курганных. Однако М.Ю.Смишко отмечает, что часть из них совершенно в зольниках культуры Ноа, и предполагает на этом основании все же переживание курганного обряда². Учитывая, что грунтовые сарматские могилы на этой территории появляются позже и связаны прежде всего с социально-экономическими изменениями в сарматском обществе, следует согласиться с ним.

Причинам такого соотношения впускных и основных сарматских погребений должно быть посвящено отдельное исследование, здесь же трудно дать им определенное объяснение. Несомненно, что многочисленные и богатые основные захоронения волгодонских степей фиксируют политические центры сарматских объединений этих территорий. Как уже говорилось, захоронения сарматской знати причерноморских степей — впускные. В чем тут дело — покажут дальнейшие исследования.

Погребальные сооружения захоронений у с.Пороги двух типов — яма с заплечиками (женское) и катакомба (мужское). И тот, и другой типы относятся к числу наименее распространенных у сарматов. В Северо-Западном Причерноморье, как и на остальных сарматских территориях, основной тип погребального сооружения — прямоугольная яма. Известны два погребения I в. н.э. в яме с подбоем (Чапаевка, Большая Черноморка) и четыре могилы с заплечиками вдоль длинных сторон (Михайловка, Белолесье, Холмское, Турлаки). Последние являлись основными, и их конструкцию удалось зафиксировать. Не исключено, что заплечики для расположения плах перекрытия были и во впускных могилах, как мы предположили для женского погребения у с.Пороги, однако не прослеживались в черноземной насыпи.

Ямы с заплечиками — один из типов сарматских погребальных сооружений — известны в Самаро-Орельском междуречье³ и Приазовье⁴. Последние — впускные в курганы эпохи бронзы и, таким образом, подтверждают предположение о существовании заплечиков как конструктивного элемента в других могилах. Этот тип погребального сооружения нигде не является преобладающим, но встречается и на других территориях распространения сарматской культуры (Подонье, Поволжье). Скорее всего ямы с заплечиками — явление более стадияльное, нежели этническое. Для получения окончательных выводов необходимо более детальное исследование погребального обряда, что не входит в задачу данной работы.

Ямы с подбоем — один из наиболее распространенных типов сарматских погребальных сооружений, известный на всей территории распространения культуры. В разное время он составляет от 20 до 40 % от всего количества погребений. Подбой в Северо-Западном Причерноморье не имеет специфических черт.

Мужское захоронение у с.Пороги совершено в катакомбе. По расположению камеры и входной ямы на одной оси это сооружение относится к II типу сарматских катакомб, по схеме К.Ф.Смирнова, наиболее многочисленному⁵. Катакомба у с.Пороги — единственное погребальное сооружение такого типа как на исследуемой территории, так и вообще в Северном Причерноморье (имеются в виду сарматские памятники I в. н.э.). Следует сказать, что и на остальных территориях сарматской культуры этот тип погребального сооружения нигде и ни в один из периодов существования культуры не доминирует. Большинство сарматских катакомб II типа относятся к прохоровской культуре, спорадически они встречаются в средне- и позднесарматское время⁶. Единственный, пожалуй, пункт, где преобладают катакомбы — Золотое кладбище на Кубани. Могильник относится к I—III вв. н.э., и на протяжении всего периода его существования основным типом могилы являлась катакомба⁷.

Хотя полностью тождественную порожской катакомбу нам обнаружить не удалось, по многим морфологическим признакам близки ей погребальные сооружения второй половины II—I в. до н.э. у ст.Херской на Кубани⁸, а особенно — катакомба II в. н.э. в некрополе Танаиса⁹. У последней несколько иная конструкция входной ямы — она длиннее порожской и не имеет ступеньки, но камера ее также шире дромоса, прямоугольная в плане, вход, как и в Порогах, закрыт каменным закладом.

Один из главных вопросов, связанных с сарматскими катакомбами, — являются ли они этноопределяющим признаком. В литературе существует точка зрения об аланской принадлежности сарматских катакомб¹⁰, возникающая, главным образом, ретроспективным путем. Отталкиваясь от несомненной принадлежности северо-кавказских катакомб раннесредневековым аланам¹¹, исследователи в поисках их генетических корней приписывают сарматские катакомбы последних веков до н.э. — первых веков н.э. аланам этого времени. Попутно якобы получают решение вопросы о времени появления алан как самостоятельной этнической единицы, времени их выхода на историческую арену, проникновения на Северный Кавказ и в кубанско-донские степи и т.д. Между тем М.Г.Мошкова совершенно справедливо отмечает, что рассматривать погребальное сооружение (в т.ч. и катакомбу) как этноопределяющий признак в отрыве от комплекса остальных признаков методически неверно¹². Что касается существа вопроса, то именно спорадичность и разбросанность катакомб во времени и пространстве (с прохоровского по позднесарматское время) не подтверждает их аланскую принадлежность, как и то, что этот тип погребального сооружения может быть использован как этноопределяющий признак¹³. С другой стороны, сарматские катакомбные погребения, как правило, снабжены обильным и часто богатым инвентарем. Вероятно, катакомбные погребения отражают какие-то социальные различия в сарматском обществе. Лучшим подтверждением этому служат как курганы Золотого кладбища, оставленного знатью¹⁴, так и мужское захоронение в Порогах — единственная в Северо-Западном Причерноморье катакомба этого времени с захоронением знатного сармата. Будь катакомбы этническим признаком алан, пришлось бы признать, что захороненный у с.Пороги вождь был единственным аланом в Северном Причерноморье, что абсолютно нереально.

Уникальным является и деревянный саркофаг в мужском захоронении. Гробовища, колоды, дощатые гробы известны у сарматов. Например, в Беляевке (п.4а) и Михайловке (к.3, п.3) погребения совершены в долбленных колодах, а в Глубо-

ком прослежены остатки гробовища. Этот общесарматский обычай известен от Нижнего Поволжья¹⁵ до Среднего Поднепровья¹⁶. Погребения в колодах I в. до н.э. — III в. н.э. исследованы и в Крыму, где справедливо считаются признаком сарматского влияния¹⁷. Пожалуй, единственный саркофаг в сарматском погребении (кроме Порогов) найден в богатом захоронении Ногайчинского кургана в Крыму¹⁸, синхронном порожскому. Эти редкие находки, по нашему мнению, следует связывать с античным влиянием. Вероятно, саркофаг еще более подчеркивал высокое социальное и имущественное положение погребенного.

В торцевой стенке саркофага из Порогов прорезано круглое отверстие, закрытое пробкой. Ничего подобного в сарматских (да и не только в сарматских) древностях этого времени неизвестно. Конструктивное назначение этого отверстия объяснить трудно. Бесспорно, это проявление каких-то ритуалов, связанных с заупокойным культом. Подобные отверстия широко представлены в дольменах Предкавказья и Кавказа III—II тыс. до н.э.¹⁹ Исследователи склоняются к мысли о предназначении отверстий в дольменах для "выхода души" покойного²⁰. Вероятно, этот древний индоевропейский обычай сохранился и в сарматском погребальном ритуале.

Ориентация захоронений у с.Пороги — север (мужское) и северо-восток (женское). Характерно, что и в остальных сарматских памятниках исследуемой территории преобладает ориентация покойных в северном полуокружье. В пяти случаях (Соколова Могила, Ковалевка, Беляевка, Холмское) они ориентированы на юго-запад, в одном (Соколовка) — на юго-восток, в другом (Новогригоровка) — на восток. Как видим, преобладает типичная для среднесарматских погребений Северного Причерноморья северная (с отклонениями) ориентация. Ориентация в южном полуокружье — явление, в целом, более раннее в сарматском мире, северная же начинает преобладать в конце среднесарматского этапа и доминирует на позднесарматском. Интересно, что одно из погребений с южной ориентацией (Холмское, п.4) и наиболее раннее. Остальные (Лупарево, Ковалевка, Беляевка) не датируются уже, чем I в. н.э. Но, например, среди сарматских погребений у с.Ковалевка, сосредоточенных в одном могильнике, есть и погребение в Соколовой Могиле, надежно датируемое первой половиной I в. н.э.²¹ На наш взгляд, погребения у с.Ковалевка связаны между собой, и есть основания предполагать, что и остальные два (курганы 4,3) могут относиться в первой половине I в. н.э. Иными словами, возможно, что немногочисленные погребения Северо-Западного Причерноморья с ориентацией в южном полуокружье являются и наиболее ранними (во всяком случае, это документально подтверждается для погребений у с.Холмское и Соколовой Могилы).

Характерной особенностью сарматских погребений Правобережья (включая и исследуемую территорию) является отсутствие в могилах костей овцы — почти неизменного атрибута синхронных им памятников Левобережья и Подонья. В свое время это отмечалось в сарматских памятниках Среднего Поднепровья²². Среди исследуемых погребений только четыре (Холмское, Беляевка, п.18, Соколовка, п.8, Новогригорьевка, п.13) сопровождаются костями овцы. Заманчиво было бы связать эту разницу между правобережными и левобережными сарматскими памятниками с передвижениями сарматских племен во второй половине I в. н.э. (см. ниже) и предположить, что наиболее ранние погребения с жертвенной пищей оставлены первоначальными обитателями степей Северо-Западного Причерноморья — языгами, а основная масса памятников I в. н.э., без этой детали погребального обряда — передвинувшейся сюда частью аорсов-амаксобиев. Однако для такого предположения очень мало данных, и мы вынуждены ограничиться констатацией того, что специфической чертой правобережных сарматских памятников от Среднего Поднепровья до низовий Дуная является отсутствие обряда помещения в могилу жертвенной пищи.

Таким образом, захоронения у с.Пороги, с одной стороны, совершены по характерному для сарматов обряду — они впускные (типы погребальных сооружений обеих могил известны у сарматов этого времени), ориентация покойных также типично сарматская, некоторые детали обряда (отсутствие жертвенной пищи) ставят их в один ряд с остальными погребениями региона. С другой стороны, обряд мужского захоронения имеет ряд специфических черт. Это редкий для сарматских могил и уникальный для исследуемой территории тип погребального сооружения — катакомба, наличие саркофага, что, на наш взгляд, связано с высоким социальным статусом погребенного.

Как видим, погребальный обряд сарматов Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. практически не отличается от обряда синхронных сарматских памятников остальных территорий. Единственной специфической чертой его является отсутствие жертвенной пищи (не всегда, правда, имеющейся и восточнее). Эти наблюдения свидетельствуют об этнической однородности и общности культуры кочевых обитателей степей Северного Причерноморья. Признаки же погребального обряда, которые можно приписать тому или иному известному по источникам племени (роксоланы, аорсы, языги, аланы), выделить затруднительно, да и вряд ли возможно. Пожалуй, единственным успехом в этом направлении следует признать установленную В.Б.Виноградовым²³ и признанную большинством исследователей²⁴ связь сарматских захоронений с западной (и вообще широтной) ориентацией с сираками.

Инвентарь мужского и женского захоронений у с.Пороги богат и разнообразен. Его можно сгруппировать в несколько категорий вещей: оружие, предметы личного убора (пояса, фибулы, украшения одежды и обуви), украшения (гривна, браслет, серьги, ожерелье, перстни), предметы туалета (зеркало), металлическая и керамическая посуда. На наш взгляд, целесообразнее рассмотреть инвентарь погребений именно по этим группам, а не отдельно по каждому захоронению.

Оружие. Короткий меч с кольцевым навершием из мужского захоронения — типичный экземпляр холодного оружия среднесарматского времени²⁵. В Северном Причерноморье такие мечи и кинжалы появляются в конце II в. до н.э. и бытуют в целом до начала II в. н.э., хотя отдельные экземпляры встречаются и позже²⁶. Морфологические характеристики меча из Порогов настолько близки множеству стандартных экземпляров этого оружия, что нет смысла указывать ему прямые аналогии — они заняли бы слишком много места. Таким образом, само по себе оружие с кольцевым навершием не может служить точной датировкой сарматских памятников, а указывает лишь на довольно широкий хронологический диапазон.

Порожский меч — редкий экземпляр парадного сарматского оружия, рукоять и ножны его декорированы золотом. В отличие от скифских, сарматские мечи украшались драгоценными металлами гораздо реже, и находок их значительно меньше. Меч из Порогов — единственный экземпляр парадного сарматского оружия в Северном Причерноморье, если не считать найденного во фракийской могиле Рошава Драгана на территории Болгарии²⁷ сарматского меча, возможно, происходящего с исследуемой территории (см. гл. III). Обращает на себя внимание тонкий вкус и художественное чутье мастера. Декор меча состоит как-бы из двух основных контрастирующих мотивов — узкие изящные поперечные пластины рукояти и ножен, украшенные пастовыми вставками, и массивные широкие золотые поля фигурок львов — накладок на ручку и ножны. Миниатюрная золотая пластинка с тамгой и полусферические бляшки на перекрестье и окончании ножен несколько уравновешивают это противопоставление в пользу полихромных пластинок, заполняя пустоты между ними. Сколько-нибудь близкой аналогии декору меча из Порогов мы не знаем, хотя сама схема его у сарматов известна. Мы имеем в виду прежде всего вообще украшение оружия накладными пластинками (см. ниже). Далее, поперечные узкие накладные пластинки (правда, бронзовые) имеют ножны синхронного порожскому кинжала из Усть-Каменки²⁸. Железными поперечными скобами были схвачены деревянные ножны меча из Подгороднянского могильника²⁹. Золотые полихромные пластинки-скобы порожского меча, конечно, несут только декоративную нагрузку, но основой этого элемента декора служили, без сомнения, конструктивно оправданные поперечные скобы, скрепляющие ножны, типа подгороднянских. Расположенные треугольником золотые полусферические бляшки на окончании порожских ножен, подчеркивающие его, семантически близки, например, бронзовой накладке на окончание ножен из Мелочанского могильника³⁰. И там, и здесь цель декора — усилить впечатление остроты и стройности оружия.

Маленькая золотая пластинка с тамгой — также весьма примечательная деталь. Несмотря на ее уникальность в системе оформления сарматского оружия, аналогия (опять-таки, семантическая) ей известна. Это бронзовые ажурные пластинки с тамгами на ножах меча из упомянутого захоронения Рошава Драгана. (Подробнее этот вопрос см. в гл. III.)

В отличие от скифских парадных мечей и кинжалов, декор которых выполнялся по устойчивой традиционной схеме (обтяжка рукояти и лицевой стороны ножен золо-

той пластиной с оттиснутыми сюжетами), парадное оружие сарматского времени украшено более разнообразно и в целом скромнее. Специального исследования этого оружия нет, и поэтому предлагаемый этюдотнодь не претендующий на исчерпывающее решение проблемы, на наш взгляд, оправдан.

Мечи и кинжалы, отделанные драгоценными металлами и камнями, известны на всех трех этапах развития сарматской культуры. Наиболее ранние находки парадного сарматского оружия датируются III–II вв. до н.э. и относятся к прохоровской культуре (1 Прохоровский курган, Красногорский, Верхне-Погромное, Жutowo, Щукинская коллекция ГИМ, Терновский могильник)³¹. Общая схема их декора — обтяжка лицевой части ножен и рукоятки сплошной золотой пластиной — напоминает украшение скифских парадных мечей. Однако в эллинистическое время появляются новые элементы. Это геометрический орнамент вместо рельефных композиций в зверином стиле, наличие на конце ножен круглой или овальной бутероли с двумя отверстиями, появление двух симметричных выступов у устья ножен для подвешивания. Несколько особняком стоит в этом ряду парадный меч из Жutowского могильника. Нижняя половина его ножен украшена золотой пластиной с изображениями в зверином стиле. Сами ножны необычной для этого времени формы — прямоугольные в плане, без обычного сужения к концу, без выступов и бутероли. Они напоминают ножны дальневосточного оружия — китайского и корейского. С другой стороны, жutowский меч типично сарматский — с прямым перекрестьем и серповидным навершием. Мы ограничимся лишь констатацией своеобразия жutowского меча на фоне парадного оружия прохоровского времени.

В сусловское время облик сарматского парадного оружия меняется. Появляется новый тип ножен — с двойными симметричными выступами у устья и на конце — и навершия — сплошные круглые. Рукоять и ножны обтянуты золотой пластиной с сюжетами в зверином стиле. Однако это уже не классическая греко-скифская трактовка с ее реализмом в изображении фигур животных, а характерный восточный стиль, широко представленный на многочисленных изделиях этого времени. Такие кинжалы найдены в некрополе Тилля-Тепе³², в погребении знатного сармата на Нижнем Дону³³ (ф.32). И.П.Засецкая не без оснований считает, что такому же типу принадлежит кинжал из Zubовского кургана*.

Наряду с устойчивой схемой декора перечисленного оружия в среднесарматское время бытуют и иные решения. Прежде всего это меч из Порогов, прямые аналоги которого нам неизвестны. Оригинально и оформление зубовского кинжала — накладные золотые ажурные композиции. В разрушенном богатом погребении у с.Косика в Нижнем Поволжье найден "меч с прямым золотым перекрестьем, костяной рукоятью, в железных ножнах с инкрустированной маленькими золотыми бляшками и бирюзовыми вставками, и тонкими золотыми полосочками, образующими орнамент"³⁴. К сожалению, сам меч по ряду причин остался недоступным для исследования, однако и в описании прослеживается определенная близость схемы его декора порожскому и зубовскому оружию. Наконец, к сарматскому парадному оружию относится и меч из Рошава Драгана. У него дисковидное золотое навершие с тамгами по краю, на верхней части ножен — ажурные пластинки с такими же знаками, наконечник ножен исполнен в зверином стиле. На ножнах — китайская нефритовая скоба для крепления меча на португее. Этот меч конца I в. н.э. имеет все характерные признаки позднесарматского оружия, которое широко распространяется лишь в следующем столетии. Таким образом, меч из Рошава Драгана — один из самых древних экземпляров этого типа.

Характерной особенностью ножен оружия сарматского времени являются симметричные боковые выступы у устья и окончания. За них ножны крепились к португейному поясу и бедру. Ничего подобного мы не встречаем в скифском и савроматском оружии VI–IV вв. до н.э. Наиболее ранние находки ножен такого типа известны в Горном Алтае (могильники Боротал, Уландрык, Барбугазы), где обычны деревянные модели ножен кинжалов с четырьмя симметричными боковыми выступами. Без сомнения, они повторяют конструкцию реальных ножен, которые, увы, неизвестны. Памятники, содержащие эти модели, суммарно датируются III–II вв. до н.э.³⁵ Исследователи затрудняются определить этнический состав населения, оставившего эти могильники, но то, что оно не было сарматским, совершенно ясно. В этой связи чрезвычайно важно наблюдение Б.А.Раева о сходстве и возможной преемственности некоторых художест-

*Благодарим И.П.Засецкую за любезную консультацию.

венных приемов и особенностей стиля произведений прикладного искусства из Пазырыкских курганов и курганов сарматской знати³⁶. Оно усматривается в полихромии изображений, своеобразной трактовке туловищ животных ("вывернутый" круп), полисемантизме образов, в совпадении набора символов. Б.А.Раев предлагает видеть в населении, оставившем наиболее поздние из Пазырыкских курганов, предков алан, "бывших массагетов" античных авторов, и полагает, что можно говорить о продвижении народа, создавшего этот стиль, с востока на запад³⁷. Разумеется, это положение не более чем гипотеза, но гипотеза весьма интересная и плодотворная. На наш взгляд, ножны служат еще одним аргументом в ее пользу. В самом деле, появляясь у кочевников Горного Алтая в последние века до н.э., этот тип ножен постепенно "продвигается" на запад. Наиболее ранние обкладки ножен с симметричными выступами у сарматов известны в I Прохоровском кургане, погребениях у Красногорского и кургана 7 у Верхне-Погромного, датированных временем не позже II в. до н.э. Правда, они несколько видоизменены, вероятно, следуя эллинистической традиции — нижние выступы превращены в округлую бутероль с двумя отверстиями (кстати, модель ножен с такой бутеролью происходит из могильника Кокзель, т.е., опять-таки с востока³⁸). О знакомстве античных мастеров с новой формой ножен (а значит, и с ее носителями) свидетельствуют находки аналогичных обкладок в погребениях эллинизированной знати азиатской части Боспора — Буеровой Могиле, Анапе и Ак-Буруне³⁹. Несколько позже (вероятно, с новой волной кочевников) ножны рассматриваемого типа вновь появляются на западе. На сей раз они полностью повторяют схему горноалтайских, имея по два симметричных выступа у устья и ближе к концу. Парадные экземпляры таких ножен, как отмечалось, найдены в погребении 4 некрополя Тилля-Тепе⁴⁰, в сарматском кургане могильника Дачи на Нижнем Дону⁴¹, в Зубовском кургане. Эти памятники датируются I в. н.э. и отмечают уже устойчивое бытование ножен такого типа. Следует добавить, что подобные ножны известны позднее, в погребениях Горгипши⁴² и Армазно-хеви⁴³ II—III вв. н.э., т.е. вновь уже не в сарматских (в первом случае это захоронение представителя боспорской знати, во втором — иберийской). Иными словами, тип ножен с боковыми выступами, появившись где-то в степях Азии в эллинистическое время, распространился вплоть до Боспора, Кавказа и Бактрии. Мы считаем возможным связать это распространение с кочевыми племенами сарматского круга. Во всяком случае, у самих сарматов ножны такого типа известны сразу после их появления (Прохоровка, Красногорский). Не исключено, что и обычные деревянные ножны имели подобные выступы, но они не сохранились⁴⁴. Судя по системе крепления порожского меча (см. ниже), такие выступы на его ножнах должны были быть.

Парадное оружие позднесарматского времени также малочисленно. Кроме упомянутых кинжалов из Горгипши и Армазно-хеви, это экземпляр из кургана Барановского могильника в Поволжье⁴⁵. Его рукоять и ножны украшала тонкая золотая пластинка с геометрическим орнаментом, схема которого близка орнаментации золотой пластинки для защиты руки от удара тетивы из Порогов. С Кубани и Боспора происходят полихромные навершия мечей, выполненные из золота и различных минералов⁴⁶.

Таким образом, в парадном оружии сарматского времени наблюдаются, с одной стороны, определенные схемы (обкладки ножен раннесарматских мечей, боковые выступы, орнаментация), с другой — большая, нежели в скифо-сарматское время, переменчивость декора, наличие нестандартных и в настоящее время уникальных решений, определенная близость их традициям сопредельных территорий. Если орнаментика и исполнение подчиняются в определенной степени существовавшей в то или иное время моде, то общность морфологических признаков сарматского оружия и оружия их соседей отражают широкие и динамичные связи кочевого мира с оседло-земледельческими областями.

Длина клинка меча из Порогов 31,5 см. Такое оружие найдено в большинстве сарматских могил и оно количественно преобладает. Однако у сарматов в I в. н.э. известны и длинные мечи с клинком более 70 см. Один из таких мечей найден в исследуемом регионе (Рошава Драгана). О сарматском происхождении его говорилось выше. Известно свидетельство Корнелия Тацита о том, что сарматы, напавшие в 68/69 гг. н.э. на Мезию, были вооружены длинными мечами. Дион Хризостом, описывая ольвинопольита Каллистрата, говорит, что тот был вооружен длинным всадническим мечом — оружием явно сарматским, так как собственно эллинские длинные мечи неизвестны. Количе-

ственно длинные мечи уступают коротким в сарматских погребениях I в. н.э.; между тем, именно их находки и данные источников свидетельствуют о том, что длинные мечи состояли на вооружении сарматского войска в это время. Нам кажется, что находки в могилах преимущественно коротких клинков скорее обусловлены погребальным ритуалом, а не их преобладанием в составе вооружения. Короткий меч мог, помимо своей прямой функции, служить признаком принадлежности к воинскому сословию и помещаться в могилу прежде всего в этом качестве. Во всяком случае, контекст сообщения Корнелия Тацита (... "очень длинные мечи их, которые сарматы держат обеими руками...") предполагает более широкое распространение длинных мечей, чем это представляется по данным погребений.

Найденный в мужском захоронении боевой нож (или однолезвийный кинжал? — мы затрудняемся точно назвать его) совершенно уникален для сарматского оружия. По размерам его следует отнести к кинжалам, но однолезвийный клинок и слегка отогнутая рукоять сближают его с ножами. Однолезвийные мечи известны у скифов в IV в. до н.э.⁴⁷, один экземпляр найден в раннесарматском погребении III—II вв. до н.э.⁴⁸, однако, вряд ли они имеют какое-либо отношение к рассматриваемому экземпляру. Морфологически ему близки большие бронзовые и железные ножи из скифских и савроматских погребений эпохи архаики⁴⁹, но исследователи совершенно справедливо считают их ритуальными. До недавнего времени в сарматских памятниках подобные вещи не встречались, что могло бы служить еще одним аргументом в пользу мнения об отсутствии генетической связи между савроматами и сарматами. Однако в последние годы в ряде сарматских погребений рубежа — первых веков н.э. в Нижнем Поволжье и Подонье (Котлубань близ Волгограда, Ростов-на-Дону, могильники Высочино IV, Лебедевка VI, Чугуно-Крепинка)* были обнаружены длинные (до 40 см) однолезвийные клинки с черенком для деревянной рукояти, т.е. ножи. Примечательно, что они всегда лежали парами (как более ранние скифские и савроматские), в одном случае — на деревянном блюде. Эти обстоятельства предполагают и сходное (с более ранними) их назначение — ритуальные ножи. Следует оговорить, что, по нашему мнению, перечисленные находки не подтверждают генетической преемственности савроматов и сарматов — вероятно, мы имеем дело с общеиранской традицией.

Клинки этих ножей очень близки пороожскому — с прямой спинкой, лишь в конце загибающейся к острию, и почти прямым лезвием. Пороожский кинжал (или боевой нож) отличается от них рукоятью: она подквадратная в сечении, отчетливо отделена от клинка и обтянута кожей, следов дерева на ней нет. Таким образом, ножи хотя морфологически и сходны с пороожским, но в деталях отличаются от него. Других находок подобного вооружения в сарматских погребениях не обнаружено, несмотря на то что их количество уже превысило 3 тыс. Можно считать, что в сарматском оружии боевые ножи как тип вооружения практически отсутствуют. С другой стороны, именно боевые ножи разнообразных форм являются одним из популярных видов оружия у галльских и кельтских воинов вплоть до последних веков до н.э.⁵⁰ В дальнейшем они характерны для франкского оружия эпохи Меровингов, в VI—VII вв. широко распространены в Западной и Северо-Западной Европе под названием скрамасаксы, откуда позже отдельные экземпляры попадают на Русь⁵¹. Именно последние обнаруживают наибольшее сходство с пороожским боевым ножом — у них прямая спинка, закругленное к острию лезвие (правда, на нашем экземпляре конец клинка отломан), слегка отогнутая рукоять. В целом традиция боевых ножей характерна для западно- и средневропейского оружия. Думается, что даже при отсутствии прямых аналогов не будет ошибкой связать с ним и пороожский экземпляр, учитывая, с одной стороны, близость дако-гетского массива племен, с другой — практически полное отсутствие прототипов и аналогов в оружии евразийских кочевников этого времени. Скорее всего пороожский "скрамасакс" импортирован с запада.

В мужском захоронении найден лук с костяными накладками и колчан со стрелами. Кибить лука истлела и смешалась с деревом саркофага, поэтому ничего определенного о ней сказать нельзя. Без сомнения, это был сложносоставной лук. Судя по расположению накладок, длина его в спущенном положении была около 120 см. На одном конце кибити была укреплена концевая накладка с вырезом для тетивы и отверстием

* Материал не опубликован (раскопки А.С.Скрипкина, П.Н.Ларенка, Б.Ф.Железникова, А.А.Моруженко). Выражаем благодарность А.С.Скрипкину за предоставленную информацию.

для крепления на кибити. Рукоять была укреплена двумя боковыми срединными накладками.

Многочисленные аналогии порожским накладкам известны среди материалов из позднесарматских захоронений Поволжья и Калмыкии, и среди памятников рубежа — первых веков н.э. Монголии, Тувы, Минусинской котловины и Забайкалья, которые связываются с хунну (гуиннами)⁵². При общем типологическом однообразии костяные накладки на лук этого времени разнятся в основном по размерам и степени изогнутости. Довольно близки порожским длинные узкие слабоизогнутые накладки из Черемуховой и Ильмовой Падей и хуннских памятников Монголии⁵³. Правда, все они имеют вырез для тетивы, который не сохранился на двух аналогичных накладках из Порогов, хотя, несомненно, он на них был. Единственная концевая накладка с вырезом у этого лука короче двух других, несколько шире на конце и имеет круглое отверстие для крепления на кибити, чего нет ни на одном хуннском экземпляре. Накладки с отверстием происходят из материалов римского лагеря Бар Хилл (Шотландия)⁵⁴, где стоял отряд сирийских сагиттариев (рис. 5, 4—6).

Срединные накладки из Порогов также весьма распространенной для этого типа луков формы. Правда, одна из них фрагментирована и мы располагаем только реконструкцией. Тем не менее, можно уверенно говорить, что обе накладки разных вариантов — одна с заостренными, а вторая — с обрезанными под прямым углом концами. И те, и другие широко представлены в перечисленных восточных памятниках, хотя превалируют первые.

Фронтальные накладок на порожском луке не было. Если следовать классификации хуннских луков, предложенной Ю.С.Худяковым, то наше оружие относится к типу I (с концевыми и срединными боковыми накладками)⁵⁵, но с той разницей, что отсутствует одна концевая. Впрочем, не следует забывать, что мы имеем дело с погребением, и лук мог быть положен туда уже без накладки либо испорчен преднамеренно. Из этих же соображений мы осторожно относимся к классификации Ю.С.Худякова. Непонятно, почему хунну (либо другие народы, использовавшие такие луки) в одних случаях усиливали лук, применяя еще и фронтальные, и боковые накладки, а в других — намеренно ослабляли его, ограничиваясь лишь концевыми и срединными боковыми. Эта разница не может указывать на эволюцию, так как все типы луков одновременны. Настораживает также и немногочисленность экземпляров каждого типа: у хунну от 11 до 3, у племен кокзальской культуры (которую, впрочем, также отождествляют с хунну)⁵⁶ — от 15 до 2. В тангыкской культуре известны четыре экземпляра, в верхнеобской — один⁵⁷. Примечательно, что наибольшее количество составляют экземпляры первого типа, т.е. аналогичные порожскому. Не исключено, что разница в количестве накладок обусловлена спецификой погребального памятника, а не типом лука. Во всяком случае, трудно объяснить, отчего воины, знавшие наиболее удачный вариант оружия (с боковыми и фронтальными накладками), в большинстве случаев (судя по количеству находок) не использовали его.

Порожские накладки несколько отличаются от более восточных не только наличием отверстия. Если на последних внешняя поверхность всегда полированная, то на порожских она, как и внутренняя, покрыта насечками. Подющен лишь конец с вырезом для тетивы. Видимо, кибить порожского лука имела какую-то обкладку вплоть до самых концов (кожей? сухожилиями? берестой?). Несколько иное и сечение срединных боковых накладок — в то время, как большинство подобных им, судя по воспроизведению в печати, сегментовидные, порожские довольно круто изогнуты по продольной оси, а задний край их значительно загнут, повторяя круглую конфигурацию рукояти лука. Таким образом, при общей типологической близости восточным экземплярам порожский лук имеет некоторые специфические особенности.

Лук из Порогов — единственный экземпляр подобного оружия в Северном Причерноморье. Немногочисленны луки с костяными накладками и на остальных сарматских территориях.

Существует мнение, что до конца сусловского времени у сарматов на всей территории их обитания бытовали луки "скифского" типа, а с I—II вв. н.э. появляется более мощный, так называемый "гуиннский" лук, отличающийся от "скифского" костяными накладками на конце и середине кибити, большими размерами и соответственно большей дальностью и убойной силой⁵⁸. Однако при всех этих качествах "гуинские"

луки должны были иметь (и имели) соответствующие наконечники стрел — гораздо более тяжелые и массивные. Между тем на всем протяжении сарматской культуры наконечники стрел по длине головки и весу, как правило, соответствуют скифским.

Почти все костяные накладки на сарматские луки найдены в позднесарматских погребениях. Единственный экземпляр (кроме порожского) I в. н.э. происходит из кургана 29 у ст. Усть-Лабинской⁵⁹. Курган 26 в уроч. "Три брата"⁶⁰, судя по мечу и деформированному черепу погребенного, — позднесарматский. Погребение 1 кургана 7 Калиновского могильника датируется фибулой второй половины II — начала III в. н.э.⁶¹ Позднесарматские и остальные погребения Калиновского могильника, в которых найдены костяные накладки, — № 2 кургана 11 и № 1 кургана 36⁶². Погребение № 2 кургана 28 этого могильника вряд ли оставлено сарматами. Судя по западной ориентации, бронзовой бляшке и плоским ромбическим наконечникам стрел, оно средневековое. К позднесарматскому времени (II—III вв. н.э.) относятся костяные накладки из погребений у ст. Нижний Баскунчак, кургана 51 Суловского могильника, Харьковки, Абганер, Шипова и Покровска⁶³. И уж никак не "дает представление о внешнем виде сарматского лука", по словам Б.А. Литвинского⁶⁴, находка у хут. Авиловского⁶⁵, так как это погребение не сарматское, а более позднего времени (VIII—IX вв.), и оставлено, судя по всему, ранними тюрками. Лук из этого погребения не стоит "в самом конце типологического ряда описываемых (т.е. сарматских. — А.С., Б.Л.) луков"⁶⁶, а представляет собой один из ранних, если не развитой, типов средневекового лука.

Именно к ним, исходя из типологических признаков (костяные накладки, большие размеры, гибкие плечи и жесткие концы и середина кибити), и применяется термин "гуннский". Следует отметить, что сам термин очень условен, однако связь раннесредневековых луков с более поздними очевидна, и за неизменением другого термина обозначение луков этого типа как "гуннских" сохраняется в литературе. Исследователи верно отмечали, что неправомерно связывать почти одновременное появление нового типа лука на большой территории Евразии только с гуннами, тем более, что в момент его появления (конец II—I в. до н.э.) собственно гунны еще не обитали западнее Забайкалья⁶⁷. Термин "гуннский лук" введен А.Алфельди и И.Вернером на основании изучения костяных накладок эпохи Великого переселения народов из памятников Центральной Европы⁶⁸. Однако их материалы представляли собой остатки совершенно иного оружия — больших рефлексирующих луков типа Авиловского, т.е. средневековых. В литературе было высказано верное предположение, что луки с костяными накладками рубежа — первых веков н.э. представляют собой дальнейшее развитие на широкой территории "скифских" луков, и костяные накладки в лучшем случае могли быть заимствованы у обитателей южно-сибирских степей (не обязательно только у гуннов), где эта традиция более древняя⁶⁹. Действительно, костяные накладки на лук представлены не только в сарматских памятниках I—III вв. н.э., но и широко известны в Средней Азии, Центральной и Западной Европе⁷⁰. Последние являются остатками луков воинов из римских вспомогательных частей, вербовавшихся на востоке, преимущественно в Сирии, и никак не могут быть связаны с гуннами. Выше уже говорилось о соответствии по размерам и весу скифских и сарматских наконечников стрел. Лук же "гуннского" типа прежде всего отличается большими размерами (120—160 см)⁷¹ и соответственно стрелы к нему имеют мощные наконечники с головкой длиной от 5 до 10 см. Примечательно, что в тех сарматских погребениях с "гуннскими" луками, где сохранились наконечники стрел (Суслы, к.51, Усть-Лабинская, к.29, Калиновский могильник, к.7,36 и др.), они гораздо крупнее типичных сарматских, с головкой длиной от 5 до 8 см, при обычной длине сарматских наконечников стрел 3—3,5 см. Не составляет исключения и колчаный набор из Порогов (см. ниже). Иными словами, луки с костяными накладками у сарматов, в с е г д а имели комплектные к ним стрелы — с крупными мощными наконечниками.

Редкость в сарматских погребениях этого оружия, с одной стороны, и преобладание мелких наконечников — с другой, говорят о том, что у сарматов вплоть до конца III в. н.э. бытовали луки двух типов. Наиболее популярным оставался лук "скифского" типа. Однако начиная с I в. н.э. к сарматским воинам sporadически попадали и новые "гуннские" луки, причем всегда с калиберными для них стрелами. Сосредоточение таких находок на восточных сарматских территориях неудивительно — ведь именно их обитатели граничили со среднеазиатско-хуннским миром, где подобное оружие было

массовым уже с последних веков до н.э. Относительная редкость "гуннских" луков в сарматских погребениях объясняется тем, что они попадали к сарматам как трофеи или подарки, но не производились ими. Ниже мы увидим, сколь интересна в этом смысле судьба порожского лука.

Следует заметить, что луки из Порогов и ст. Усть-Лабинской, датирующиеся I в. н.э., — наиболее ранние не только для Восточной Европы, но и вообще для этого типа. Сосредоточенные восточнее, в Поволжье и Зсволжье, остальные находки таких луков или их частей в сарматских могилах минимум на 50 лет моложе, хотя логичнее было бы предположить наиболее ранние находки именно на востоке, ближе к гуннской территории. Ближайшие аналогии порожским — накладки из римского лагеря Бар Хилл в Шотландии — не позднее конца II в. н.э. (скорее всего, более ранние), так как лагерь был оставлен в это время. В римских лагерях Западной Европы есть и более древние накладки — в Оберадине (рубеж н.э.), Виндониссе (вторая половина I в. н.э.)⁷².

Редкость находок луков и в скифских, и в сарматских могилах находится в полном противоречии с данными источников, подчеркивающих особую популярность лука у тех и других. Здесь мы опять сталкиваемся со спецификой погребального памятника. Е.В. Черненко, объясняя отсутствие луков в скифских могилах⁷³, обратил внимание на то, что лук фигурирует в генеалогической легенде как сакральный предмет, и на этом основании полагает, что он мог передаваться по наследству. Возможно и сходство воинских ритуалов у скифов и сарматов применительно к этому случаю⁷⁴. Соглашаясь с Е.В. Черненко, следует добавить, что передача по наследству — не единственная причина отсутствия луков в могиле. Могли быть и иные соображения, но также идеологического порядка, по которым их не помещали с покойным. Во всяком случае, на основании редкости луков в могилах сомневаться в их использовании не приходится.

Совершенно уникален колчаный набор из Порогов. Представленные в нем типы наконечников стрел практически не встречаются в сарматских могилах. Лишь один из них — трехлопастный, с треугольной головкой и прямым углом атаки (рис. 7, 2) — можно считать сарматским. Правда, они гораздо крупнее обычных, что обусловлено типом лука. Известен в сарматском комплексе и другой тип — с округлыми гранями и муфтой-упором при переходе в черенок (рис. 7, 4). Такой наконечник найден в составе набора близ поселка Стеблева (Черкасская обл.). Однако в сарматском оружии ни прототипов, ни более или менее представительного количества их нет. Скорее всего, как и остальные (см. ниже), этот тип наконечников происходит с Востока. Такие наконечники представлены в памятниках Средней Азии рубежа — первых веков н.э. (Пенджикент, Карамазар-Сайский и Бодомакский могильники)⁷⁵. Остальные наконечники из порожского набора относятся к иным, не сарматским типам.

Прежде всего это ярусный наконечник (рис. 7, 5). Подобные наконечники считаются характерными для хунно-гуннского оружия⁷⁶. Они появляются в хуннских памятниках Монголии (Ноин-Ула), и Забайкалья (Ильмовая Падь и др.) в конце II—I вв. до н.э. и надолго остаются одним из ведущих типов наконечников гуннских стрел. Подобные наконечники практически неизвестны западнее Казахстана вплоть до IV в. н.э., когда они появляются в Европе в результате гуннских походов. Форма бойка и лопастей таких наконечников варьирует в направлении изменения угла перехода бойка в лопасти и очертаний самого бойка. Наш экземпляр — с пламевидным бойком и отходящими от него под прямым углом лопастями — близок некоторым экземплярам Тувы и Забайкалья⁷⁷, отличаясь от них несколько меньшими размерами. Не вдаваясь в подробный анализ ярусных наконечников (что уже сделано рядом авторов), следует отметить, что такие наконечники характерны именно для гуннов и в рассматриваемое время нигде, кроме южно-сибирских и монгольских степей, неизвестны.

Количественно преобладают в порожском колчане два типа наконечников — трехлопастные с острым углом атаки и четырехгранные с пирамидальной головкой (рис. 7, 3, 6). Первые встречаются у сарматов⁷⁸, но редко. Наиболее характерны эти наконечники для оружия Средней Азии, где они появляются в III—II вв. до н.э. и широко распространены вплоть до III в. н.э.⁷⁹ Подобные порожским крупные наконечники появляются на вооружении среднеазиатских кочевников на рубеже — в I в. н.э. и в первых веках н.э. становятся массовым оружием. Они известны в Тулхарском, Лявандакском и Кую-Мазарском могильниках⁸⁰ в Тилля-Теле, а у сарматов — в кургане 51 Суловского могильника, на восточный характер вооружения которого правильно обратила

внимание И.П.Засецкая⁸¹. Четырехгранные наконечники с пирамидальной головкой (рис. 7, б) также не относятся к традиционному сарматским типам. Такие наконечники в целом редко встречаются в памятниках рубежа — первых веков н.э. И у хунну, и в Средней Азии преобладают трехгранные. Б.А.Литвинский и И.П.Засецкая единодушно считают трех- и четырехгранные наконечники традиционными для Средней Азии. Уникален плоский наконечник из пороожского набора. При всем разнообразии такого типа наконечников полную аналогию ему найти не удалось. Вероятно, это решника костяных наконечников стрел, известных на широкой территории Евразии.

Таким образом, колчанный набор из мужского захоронения в Порогах носит ярко выраженный восточный характер. В сочетании с восточным луком он подсказывает весьма интересные выводы, которые подробнее изложены в гл. III.

Рядом со стрелами — трудно сказать, в колчане или вне его — найден втульчатый маленький наконечник дротика (рис. 7, 8). Такое оружие практически не имело распространения у сарматов. Нам известен лишь один подобный наконечник из кургана 10 у ст.Тифлисской, датированный I в. н.э.⁸² Хотя он несколько больше пороожского, однако для наконечника копья все же очень мал, и относится к тому же классу оружия, что и пороожский наконечник. Подобные дротики не имеют ничего общего с более ранними скифскими, а гораздо ближе средневековым сулицам. А.Н.Кирпичников очень удачно охарактеризовал последние как "нечто среднее между копьём и стрелой"⁸³. Длина их 15—20 см, длина пера 8—12, диаметр втулки 1,5—2 см, т.е. параметры практически те же, что и у пороожского наконечника. А.Н.Кирпичников считает, что различные виды таких дротиков были популярны в эпоху Великого переселения народов⁸⁴. Вероятно, их возникновение следует отнести к сарматскому времени. К сожалению, малочисленные находки их не дают нам пока оснований для более или менее определенных выводов.

Если, как уже отмечалось, луки чрезвычайно редко встречаются в сарматских погребениях, то наконечники стрел, напротив, очень часты и в целом у сарматов, и на исследуемой территории. Из десяти погребений с оружием I в. н.э. в Северо-Западном Причерноморье в четырех они найдены совместно с мечами. Все наконечники железные черешковые, трехлопастные с прямым углом атаки — наиболее распространенного у сарматов типа. Длина головки от 4 до 2 см. Во всех случаях они лежали компактными группами у левой ноги и, очевидно, первоначально находились в колчане.

Овидий неоднократно упоминает о том, что сарматы смазывали наконечники стрел ядом. "Синеватые от змеиного яда стрелы", "летучее железо пропитано ядом", "стрелы с ядом", "стрелы, влажные от змеиной крови" и другие выражения, возможно, являются не только поэтическими метафорами, но и отражают истинное положение дел. Впрочем, достоверно установить это уже невозможно.

В мужском захоронении у с.Пороги найдено более 30 наконечников, лежавших компактной группой остриями к ногам, т.е. они также находились в колчане. Остатки его в виде пластинок красной краски прослеживались слева от голени левой ноги скелета и вокруг наконечников. Древки стрел истлели и смешались с тленом саркофага. Судя по фрагментам, колчан изготовлен из кожи, имел форму цилиндра и был окрашен в красный цвет. Более существенные детали конструкции установить невозможно.

Пороожский колчан близок синхронным ему немногочисленным колчанам в Северном Причерноморье. В Молочанском могильнике в 1947 г. найден берестяной колчан красного цвета в виде цилиндра с закругленным нижним краем. Фрагменты колчана из Новолуганского также красного цвета. Колчан из коры найден в Молочанском могильнике в 1951 г. Он тоже был окрашен в красный цвет. Относительно неплохо сохранился наиболее ранний в Северном Причерноморье колчан из Виноградного Запорожской обл.⁸⁵, относящийся к I в. до н.э. Он кожаный, в виде узкого прямоугольного футляра размерами около 50x10 см. Верхняя часть украшена квадратными бронзовыми бляшками с полусферической выпуклостью в центре, расположенными в шахматном порядке. В верхней части колчана зафиксированы остатки древков с яблочками для тетивы.

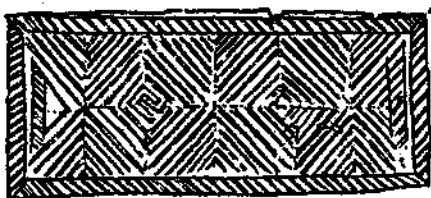
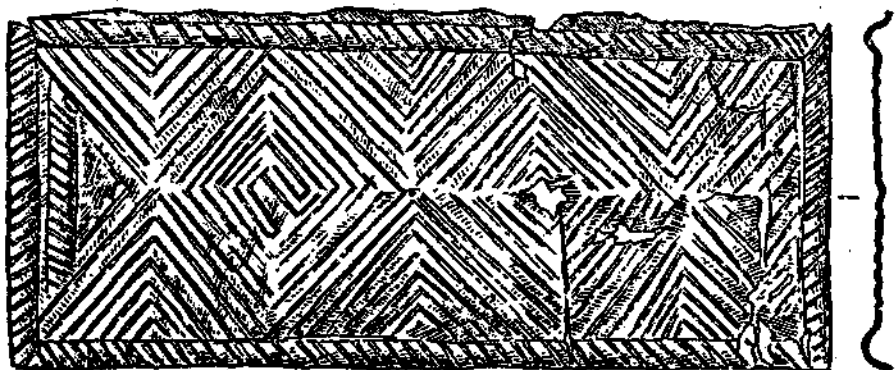
Колчаны и на других территориях обитания сарматов лишь изредка встречаются в погребениях всех трех периодов сарматской культуры. В Жutowском могильнике (Поволжье) в прохоровском погребении найден деревянный обтянутый кожей колчан, прошитый по краям золотой лентой; там же в сусловском захоронении встречен берестяной колчан, украшенный бронзовыми полукольцами. Берестяные колчаны, дати-

рующиеся II в. до н.э. — I в. н.э., обнаружены у хут.Алитуб, на Бузулуке, в Андреевском кургане, в Суловском и Бережновском могильниках⁸⁶. Эти немногочисленные, но довольно характерные находки позволяют в общих чертах наметить основные принципы конструкции сарматских колчанов. Они имели форму цилиндра с округлым или прямым дном. Основой служили береста или дерево. Часто колчаны обтягивали кожей, которая декорировалась моно- (чаще красной) или полихромной росписью, накладными украшениями из бронзы. Все колчаны зафиксированы слева от скелета, очевидно, с этой стороны они носились при жизни.

К предметам вооружения из мужского захоронения в Порогах следует отнести и золотую пластину, найденную на запястье правой руки. Она была прикреплена на кожаную основу, надетую на запястье (типа напульсника) и, судя по ее положению *in situ*, носилась на внутренней стороне руки. В этом случае пластина является ничем иным, как щитком для защиты руки от удара тетивы, правда, отделанным, как и весь костюм, роскошно. Подобные пластины, изготовленные из бронзы, известны у савроматов⁸⁷. У скифов, однако, это приспособление, по мнению Е.В.Черненко, не использовалось⁸⁸. Следует сказать, что порожская находка уникальна и для сарматов. Кстати, она подчеркивает, может быть, несущественную, но интересную деталь — судя по расположению пластины на правой руке, покойный был левшой. Геометрический орнамент на ней близок, как уже отмечалось, декору пластины ножен позднесарматской кинжала из Барановки (Поволжье) — членение поля пластины вертикальной линией и заполнение зигзагообразной штриховкой свободного пространства. Предохранительные щитки для запястья известны у различных народов с глубокой древности. Под названием "гастагна" (*gastagna*) они упоминаются в Ригведе, где в одном из гимнов, прославляющих оружие, им посвящен стих 14: "Подобно змею, он (гастагна) обвивает руку извирами, отражая удар тетивы..."⁸⁹ Д.Н.Анучин приводит примеры употребления предохранительных щитков у многих народов — от древних египтян до современных ему эскимосов, эвенков, манси, монголов⁹⁰. Средневековые щитки исследованы А.Ф.Медведевым. Отмечает их у савроматов и К.Ф.Смирнов.

Находка из Порогов обратила наше внимание на несколько предметов из сарматских погребений, традиционно атрибутируемых как пряжки. Одна из них — бронзовая позолоченная пластина прямоугольной формы с двумя невысокими валиками вдоль длинных сторон, круглыми отверстиями по периметру и арочным вырезом у одной из коротких сторон. Размеры пластины 13,4 x 3,8 см, толщина 0,1 см (рис. 25, 3). Найдена в богатом прохоровском погребении у с.Верхне-Погромное на левом крыле тазовой кости⁹¹, и известна как пряжка⁹². Правда, М.Г.Мошкова отмечает уникальность такой находки и затрудняется определить, как такая пряжка "работала". Это неслучайно. Кроме того что принцип работы такой пряжки действительно загадочен, толщина ее также не подтверждает атрибуции пластины как пряжки. Судя по отверстиям, она нашивалась на какую-то (скорее всего кожаную) основу. Положение вещи на левом крыле таза еще ни о чем не говорит — она могла сползти туда с левого запястья, либо вообще не была одета на руку покойного. Как видим, безоговорочно признать пластину из Верхне-Погромного пряжкой трудно. Размеры ее, близкие размерам порожской пластины, а главное незначительная толщина и кожаная подкладка говорят о том, что эта вещь вполне могла быть предохранительным щитком. Не исключено, что такое же назначение имела костяная прямоугольная пластина из сарматского погребения у с.Альт-Веймар⁹³. Ее размеры (около 83,5 см, толщина 0,4 см), расположение отверстий у коротких сторон (рис. 25, 7) удивительно близки предохранительным щиткам из Порогов и более поздним средневековым (рис. 25, 5, 6). Разумеется, категорически настаивать на этом мы не можем из-за малого количества таких находок и отсутствия их *in situ* на руке, как в Порогах. Однако трактовать их однозначно как пряжки вряд ли верно — как мы убедились, принцип работы такой пряжки непонятен.

Таким образом, оружие из Порогов, наряду с типично сарматскими образцами (меч с кольцевым навершием, некоторые типы наконечников стрел), включает и явно восточные (лук с костяными накладками, наконечники стрел), и редкие для сарматов экземпляры ("скрамасаки", дрогик), происхождение которых пока установить трудно. Точной даты это оружие не дает, поскольку подобные предметы вооружения бытовали длительное время — с конца II в. до н.э. по II—III вв. н.э., — практически не изменяясь. Однако в эти хронологические рамки погребение из Порогов, точно датированное фи-

2

3

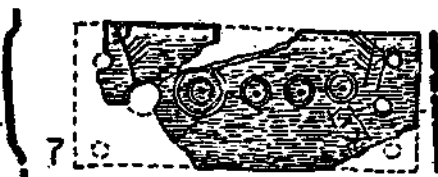
4

5

6

7

Рис. 25. Гастагны из сарматских и средневековых погребений:

1, 2 - Пороги; 3 - Верхне-Погрешное; 4 - савроматские гастагны (по К.Ф.Смирнову);
5, 6 - средневековые гастагны (по А.Ф.Машвелеву); 7 - Альз-Веймар (по П.Рай)

булами и амфорами (см. ниже), укладывается. Оформление оружия золотом подчеркивает высокий социальный статус погребенного.

У нас нет точных данных распределения сарматских погребений Северо-Западного Причерноморья I в. н.э. по полу (антропологический анализ в большинстве случаев не проводился); но если исходить из инвентаря, то погребения с оружием составляют около 20 % от общего их количества в регионе, т.е. примерно 1/5 часть. Это соответствует реальному количеству боеспособного населения у кочевников, и, что немаловажно, такое соотношение сохраняется в целом по Северному Причерноморью.

Предметы личного убора. Парадный пояс из мужского погребения — одна из редких находок в сарматских погребениях. Типология такого вида личного убора сарматов практически не разработана (сделанную в свое время попытку⁹⁴ теперь нельзя назвать удачной). Однако появившиеся за последние годы находки, в свою очередь обратившие внимание на найденные ранее вещи этого круга, позволяют сделать некоторые обобщения. Так, намечается схема декора поясного ремня металлической (золотой, серебряной или бронзовой) гарнитурой в виде вертикально расположенных узких пластин. Кроме экземпляра из Порогов, это богатые пояса из некоторых среднесарматских погребений Нижнего Поволжья⁹⁵. В одном из них, у с.Киляковка, пояс с золотой пряжкой украшали вертикальные бронзовые пластины, почти аналогичные по форме и размеру порожским (рис. 27, 4). На ремне пояса из Первомайского (к нему мы вернемся ниже, при анализе португейного набора) тот же мотив поперечных пластин получил несколько иное воплощение — узкие серебряные пластинки чередовались с полусферическими заклепками (рис. 27, 3)⁹⁶. К сожалению, этими данными пока исчерпывается наша информация о парадных поясах среднесарматского времени, к которым можно еще добавить совершенно уникальный золотой пояс из погребения 4 некрополя Тилля-Тепе⁹⁷.

Бляхи-застежки порожского пояса представляют собой типичный образец полихромного стиля сарматской эпохи. Они выполнены в широко распространенной в это время технике — плакировка железной (иногда бронзовой) основы золотой пластиной с чеканными рельефами и цветными вставками⁹⁸. Полностью аналогичная система застежки — прямоугольная прорезь на краю бляхи и вертикальный щпенек на ней — имеется на поясной бляхе (кстати, аналогичной техники) из погребения 1 кургана 12 Никольского могильника⁹⁹. Забегая вперед, отметим, что стилистика ее (например, трактовка крыла грифона) также близка порожским. И.П.Засецкая датирует это погребение второй половиной I — началом II в. н.э.¹⁰⁰

Сюжет блях парадного пояса — терзающие друг друга грифоны — довольно популярен на ювелирных изделиях среднесарматского времени. Мы затрудняемся назвать полную аналогию порожским бляхам (хотя "фалар" из погребения 4 Тилля-Тепе с изображением свернувшегося в кольцо грифона близок этой композиции)¹⁰¹, но сюжетно

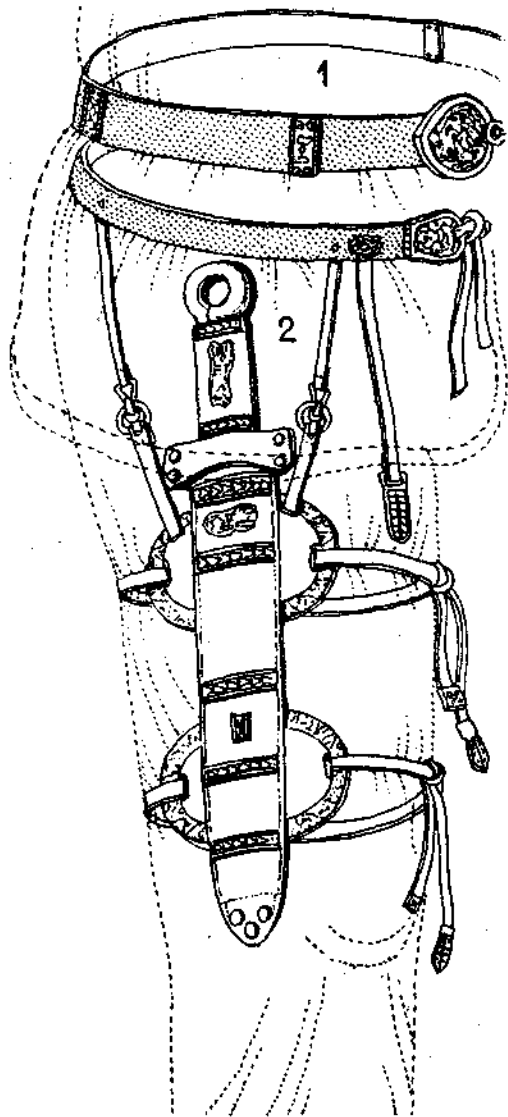

Рис. 26. Реконструкция поясов из погребения 1:
1 — парадный, 2 — португейный пояса

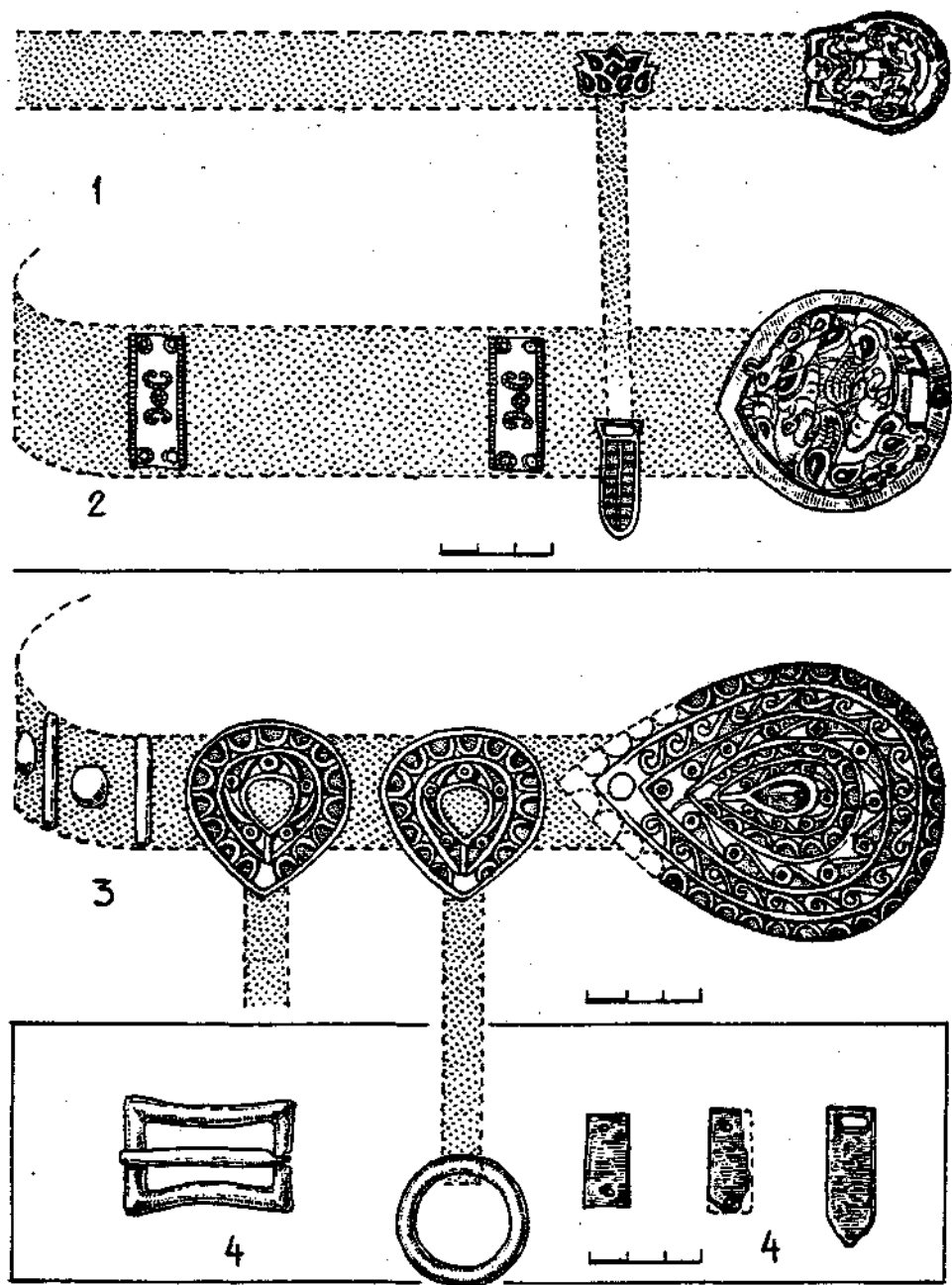
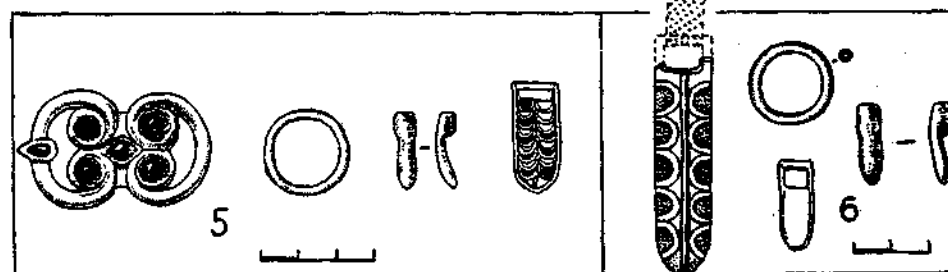
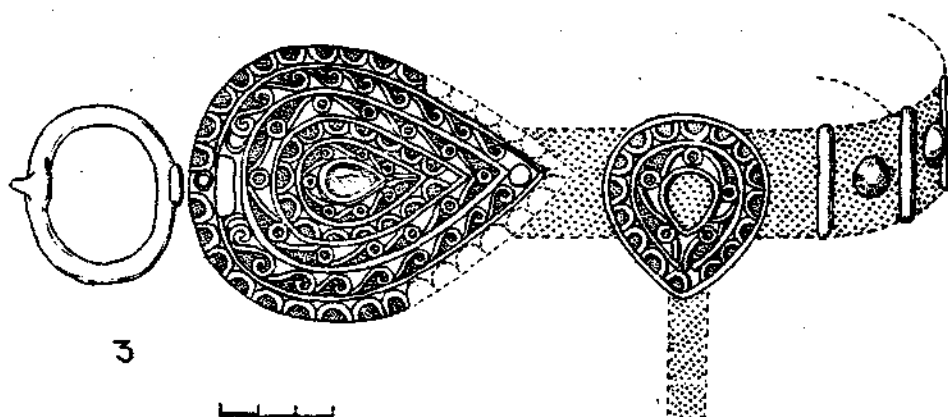
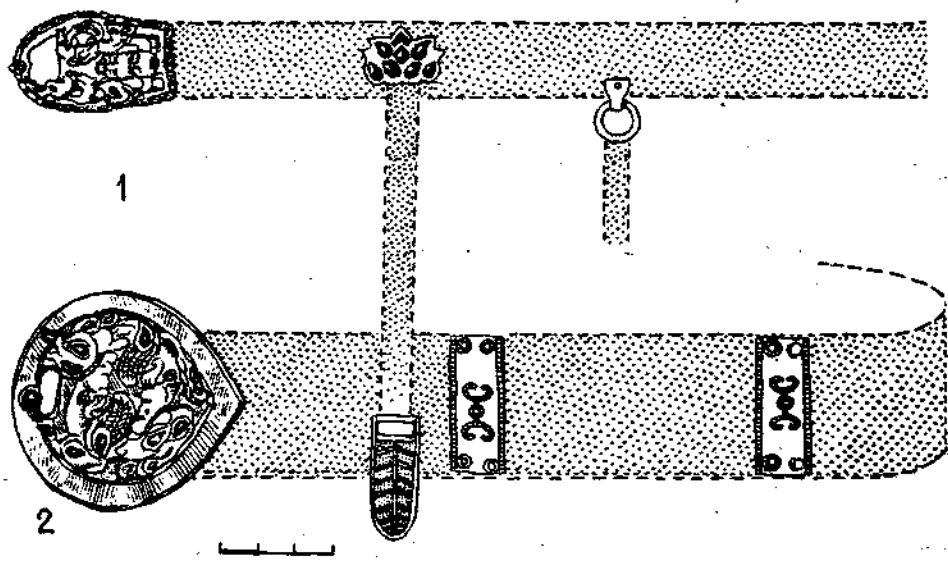

Рис. 27. Поясные наборы из
 1, 2 – Пороги; 3, 6 – Первомайское; 4 –

и стилистически они входят в круг таких изделий, как золотой туалетный флакон из Хохлача¹⁰², обкладка ножен из погребения 4 Тилля-Теле¹⁰³. Иконография грифона на первом практически идентична порожским (ф.33) и, несомненно, их объединяет общий центр. В.И.Сарианиди полагает, что им являлась Бактрия, где с эпохи поздней бронзы был популярен сюжет единоборства драконов¹⁰⁴. Находки в последние годы богатых сарматских погребений на Нижнем Дону, на Украине и в Поволжье и сопоставление их с золотом Тилля-Теле вполне допускает такое предположение. Не исключено и влияние китайского искусства, где еще в эпоху Хань наблюдается почти тождественная иконография дракона¹⁰⁵. Все перечисленные аналогии датируются I – началом II в. н.э.

сарматских погребений:
Киляковка; 5 – Цветна

Портупейный пояс из Порогов представляет собой великолепный и, пожалуй, единственный (во всяком случае, на исследуемой территории) экземпляр, где полностью прослеживается система крепления меча. Существование такого снаряжения у сарматских воинов уже отмечалось в литературе¹⁰⁶, но археологический материал ограничивал возможности для исследования. Судя по расположению остатков ремней и золотой гарнитуры, портупейный пояс из Порогов имел следующую конструкцию.

По обе стороны от пряжек-застежек на ремень были набиты две полихромные бляшки в виде цветка лотоса. На их уровне с нижнего края пояса свисали два ремешка, оканчивающихся полихромными наконечниками, на обороте одного из которых помещена

тамга. Справа к поясу крепились два ремня, идущие наискось к бедру. Они оканчивались золотыми пряжками (рис. 13, 5). Ножны (имевшие скорее всего боковые лопасти подобно тилля-тепинским и др.) к этим ремням пристегивались с помощью двух ремешков, оканчивающихся миниатюрными 8-видными золотыми карабинами (рис. 13, 6), в которые продевались язычки пряжек. Дополнительно на бедре ножны фиксировались двумя парами ремней, оканчивающихся прямоугольными обоймами и наконечниками (рис. 13, 1-4). Судя по тому, что и наконечники, и обоймы глухие, ремни просто завязывались. С левой стороны на поясе крепилось золотое кольцо для подвешивания каких-то предметов (не исключено, что священной чаши, найденной в погребении). (Реконструкцию портупейного ремня см. на рис. 26). Следует отметить, что при всей уникальности порожской портупей подобная схема известна в среднесарматских древностях, например, набор из Первомайского (рис. 27, 3). Правда, о нем нельзя с уверенностью сказать, что это была действительно портупей, но наличие в могиле *in situ* кинжала и портупейной пряжки (по определению автора¹⁰⁷) скорее всего говорит в пользу этого предположения. Несмотря на различия в декоре, близость порожского и первомайского поясов очевидна. Это и схема застежки, и наличие по обе стороны от пряжек набивной гарнитуры, и наконечники свисающих ремней (в первомайском наборе — один), наконец, наличие в обоих наборах кольца для подвешивания предметов снаряжения. Необходимо также отметить совпадение таких деталей, как скобы для крепления к ремню на обороте поясных застежек, система застежки (прямоугольное отверстие и шпенец, как на паралном поясе из Порогов), форма и стиль орнаментации свисающего ремня — они, естественно, не доказывают, что первомайский пояс именно портупейный, но говорят о типологической и морфологической близости обеих схем. Кстати, у правой голени погребенного в Первомайском найдена металлическая наременная гарнитура: обойма, наконечник ремня, — подобная порожской (рис. 27, 6). Не исключено, что это остатки крепления ножен к бедру, по каким-то причинам переместившиеся в могиле позднее.

Детали наременной гарнитуры порожского портупейного пояса имеют аналогии среди древностей среднесарматского времени как на исследуемой территории, так и за ее пределами. Прежде всего это касается наконечников свисающих ремней. Подобные вещи, видимо, были довольно популярны у сарматов. Очень близкий порожскому наконечник найден в разрушенном богатом сарматском комплексе у с.Цветна (рис. 27, 5). В погребении 4 некрополя Тилля-Тепе наконечники такой формы (но по-другому орнаментированные) украшали ремни обуви¹⁰⁸. Выше уже говорилось о поясах из Первомайского и Киялковки, в составе гарнитуры которых имеются подобные наконечники (рис. 27, 3, 4). Достаточно известны и обоймы ремней, подобные порожским. Обоймы такой схемы (рис. 13, 1, 2) найдены в Цветне, в Первомайском, в Никольском¹⁰⁹ и Жutowском могильниках¹¹⁰ (последний в составе уздечного набора). Набивные инкрустированные бляшки в виде цветка лотоса из Порогов близки некоторым типам тиллятепинских. Практически аналогичны порожским кольца с обоймами из III Кирсановского могильника (правда, нет уверенности, что они именно поясные)¹¹¹. Перечисленные памятники датируются I — началом II в. н.э.

Совершенно уникальны застежки портупейного пояса. Прямые аналогии им указать затруднительно. По своим технологическим и типологическим характеристикам они стоят в одном ряду с ажурными бляхами-застежками из некоторых погребений Тилля-Тепе¹¹². Близок и стиль этих украшений — литье, ажурный монтаж, ромбовидные, заполненные голубой эмалью, гнезда по краю рамки. Некоторые параллели с тиллятепинским золотом усматриваются и в сюжете: на бляхах из погребения 2 этого некрополя представлен герой (по В.И.Сарианиди), держащий за лапы двух драконов. В.И.Сарианиди полагает, что он является отражением героических преданий, восходящих в эпоху бронзы, ко временам индоиранской общности, но в сарматское время воплотивший образ государя¹¹³. Оставляя вопрос о семантике этих изображений открытым, все же следует подчеркнуть несомненную связь их сюжетов и общность происхождения.

Фибулы найдены в обоих захоронениях*. Наиболее интересны фибулы из мужского погребения. Тожественную одной из них (рис. 14, 1) в доступной нам литературе найти не удалось. Довольно близка по морфологическим признакам форма 102 из 4 серии V группы, по классификации О.Альмгрена, имеющая аналогичную пружину, расширен-

* Авторы благодарят Е.Л.Гороховского за консультацию.

ную дуговидную спинку и относительно узкую ножку¹¹⁴. Вместе с тем прослеживается стилистическое сходство фибулы с западноевропейскими Kragenfibeln.

Датировка исследуемой фибулы сложна. Ее можно лишь предварительно наметить по стилистическим признакам. Стилистическая близость Крагенфибулам указывает на позднелатенские прототипы, так как их различные модификации датируются от середины I в. до н.э. до первых десятилетий н.э.¹¹⁵ С другой стороны, типологическое сходство с формой Альмгрен 102 свидетельствует, скорее, о принадлежности нашей фибулы к римскому времени. У О.Альмгрена есть указание на то, что одна из форм 4 серии найдена в комплексе с фибулами II группы Альмгрен 26–28¹¹⁶. Последние датируются I в. н.э., в основном его серединой и второй половиной¹¹⁷. Таким образом, можно предположительно отнести фибулу ко второй половине I в. н.э.

Вторая фибула из мужского погребения (рис. 14, 2) и фибула из женского (рис. 20, 3) близки между собой. Они аналогичны фибулам, найденным на территории доримской Дакии, изредка встречаются на территории Украины и Молдовы¹¹⁸, на Дону, в Поволжье и т.д. Эти формы отличаются от прочих сильнопрофилированных фибул причерноморского типа маленькими размерами, очень короткой спинкой и другими признаками. Они представляют собой уменьшенные копии "классических" провинциально-римских фибул Альмгрен 67–69. Судя по форме приемника, фибулы можно рассматривать как подражание форме Альмгрен 69, характерной для середины и второй половины I в. н.э.¹¹⁹ Вероятно, это дакийский импорт.

Следует сказать, что, как и на остальных сарматских территориях, в Северо-Западном Причерноморье фибулы — одна из наиболее распространенных категорий находок. Типы их многообразны: скрепленная среднелатенская (Холмское), фибула "бойев" (Островец), шарнирные провинциально-римские (Костешты), с завитком на конце приемника (Селиште). В Соколовой Могиле найдены золотая ложковидная фибула с ажурным приемником и полихромная фибула-брошь в виде скарабея. Такие изделия для исследуемой территории уникальны. Находки фибул не только демонстрируют сходство сарматских памятников региона с более восточными, но и неопеченными для их датировки.

Нашивные бляшки, украшавшие костюмы погребенных, также относятся к предметам личного убора. Все типы нашивных украшений, найденные в Порогах, широко распространены в сарматской среде. Пронизи и полусферические бляшки, например, найдены в ряде погребений Золотого кладбища¹²⁰, каплевидные бляшки, подобные порожским, — в богатом погребении у с.Орловец¹²¹. В целом, нашивные бляшки исследуемого региона (Соколова Могила, Михайловка, Белолесье, Грушки) представлены формами, популярными в это время на обширной территории — от Бактрии до Паннонии. Это крестовидные с гостовыми вставками, полусферические, ромбические, других геометрических форм, "городки" и т.п.

Пряжки обуви из мужского погребения относятся к широко распространенному в сарматское время типу кольцевых с подвижным язычком. Аналогии им столь многочисленны, что нет смысла приводить их. Гораздо реже встречаются 8-видные карабины, подобные золотым, найденным в этом же погребении на портупейном поясе. Мы затрудняемся назвать им прямую аналогию.

Обувные пряжки в Порогах — наиболее ранние для исследуемой территории. Мода на обувь с пряжками, которые застегивали ремни, охватывавшие голеностопный сустав, широко распространяется в позднесарматское (II–III вв. н.э.) время, бытует и в средневековье. Металлическая гарнитура обувных ремней широко представлена в ряде позднесарматских памятников Паннонии¹²².

Расположение нашивных украшений и других аксессуаров дает возможность реконструировать костюм погребенных.

Судя по остаткам органических веществ, мужчина был одет в красную кожаную куртку и такие же штаны, заправленные в короткие сапоги из красной кожи. Верхняя наплечная одежда — куртка — украшена золотыми пронизями. По их расположению можно воссоздать облик наплечного одеяния. Декоративные средства оформления древних костюмов — вышивка, аппликация — размещались по краю ворота, рукавов, подола, вдоль швов. В погребении № 1 на определенных участках зафиксированы золотые пронизи: вдоль костей рук (по внешней стороне, до локтя), на грудной клетке, в области таза. Они вырисовывают силуэт наплечной одежды — короткой куртки с длинными рукавами. Пронизи в области таза — декор по нижнему краю куртки; украшения

Рис. 28. Реконструкция костюма из погребения 1

вдоль костей рук — орнаментальное оформление рукавов. Пронизьями, видимо, был обшит ворот куртки и ее борта. Они крепились по краю одного борта (второй был закрыт запахом), а также вдоль швов, которые, очевидно, формировали силуэт куртки. Это дает основание предполагать так называемый туникообразный крой: стан одежды шили, соединяя одно центральное полотнище, перекинутое через плечи, с боковыми вставками.

Декор реконструируемой куртки в общих чертах соответствует оформлению одежды персонажа, изображенного на пряжках портупейного пояса. На груди куртка застегивалась двумя фибулами и подпоясывалась красным парадным поясом. Портупейный

пояс с прикрепленным к нему мечом носился на бедрах. Мягкие сапожки ("скифики") стягивались в голеностопе ремешками, застегнутыми серебряными пряжками (рис. 28). Костюм дополняли гривна и браслет.

Золотой декор костюма женщины не очень обилен, но все же позволяет предположить, что им оформлялись два вида наплечной одежды — распашная и накладная. Распашная одежда — халат, верхнее одеяние, для которого нам удалось реконструировать украшение ворота: на плечах женщины были закреплены крестовидные бляшки, от них, по краю ворота нашивались пронизы, чередовавшиеся с многолепестковыми розетками. Размеры ворота (довольно большие) можно определить по аппликациям — 32 см спереди. Это характерно для верхней одежды сарматов¹²³. Расположение нарукавного шитья определяет длину рукава халата — до середины предплечья. Хотя, по мнению исследователей, наиболее распространены у сарматов длинные рукава¹²⁴, подобный крой известен в материалах Золотой Балки¹²⁵ и могильника Тузуки¹²⁶. Рукава халата, вероятно, были довольно широкими. По краю они орнаментированы выпуклыми бляшками подтреугольной формы и круглыми "пуговками". Эти предметы составляли декоративную полосу, располагаясь в определенном ритме: треугольники вершинами вверх и вниз (схема расположения очень древняя, и означала она соединение мужского и женского начал). Эту полосу сверху обрамляли круглые бляшки. Силуэт халата определить нельзя, но предположительно, он мало чем отличался от халатов подобного фасона, реконструированных по материалам из сарматских погребений.

Халат, вероятно, был надет поверх длинного платья с узкими рукавами. Судя по расположению золотого шитья, оно имело глухой ворот, украшенный нашитыми на него фигурными инкрустированными бляшками, чередовавшимися с парами пронизей. В центре композиции вместо свисающих дисков помещался полихромный трилистник. Рукава были узкими и более длинными, чем у халата — такой покроем зафиксирован, например, в Соколовой Могиле¹²⁷.

На левой стороне грудной клетки сарматки из погребения у с.Пороги обнаружена фибула. Функциональное ее назначение — скрепление ворота халата, композиционно же она служила завершением его декоративного оформления. Ширина ворота позволяла

Рис. 29. Реконструкция костюма из погребения 2

видеть золотое шитье платья. Единый стиль и изящество бляшек обоих одеяний делают этот скромный ансамбль весьма изысканным (рис. 29).

Вокруг шиколоток погребенной найдены мелкий кольцевой белый и голубой бисер. Вероятно, это декор манжет шаровар — подобные случаи неоднократно отмечены в женских сарматских могилах. Дополняли убранство женщины полихромные золотые подвески и серебряные перстни на правой руке*.

Украшения. Гривна из Порогов прямых аналогов не имеет. По технике исполнения и ряду конструктивных особенностей ей близок браслет, найденный случайно на берегу Бугского лимана¹²⁸, и браслет из богатого комплекса у с.Петрик¹²⁹. С первым гривну сближает иконография окончаний в виде конских головок** (кстати, как и на гривне, на скуле одной из головок браслета тамга схемы Фарзоя, см. гл. III) и витое тело изделия; на браслете из с.Петрик, подобно порожской гривне, место перехода конских головок в обруч оформлено плетенкой из плоских многожильных золотых лент. В целом при оригинальности гривны (это единственная находка в Северо-Западном Причерноморье) она производит впечатление типичного изделия в зверином стиле среднесарматского времени; благодаря характерной трактовке изображений и упомянутым аналогиям.

Браслет с расширяющимися концами с левой руки погребенного мужчины — также весьма редкая в сарматских могилах находка. До недавнего времени такие браслеты считались характерными для раннего средневековья, что и подчеркнула И.П.Засецкая, впервые обнаружив подобный браслет в сарматском погребении конца I в. н.э. в Нижнем Поволжье¹³⁰. Затем, в некрополе Тилля-Теле во всех погребениях (кроме погребения 1) были найдены как гладкие (типа Порогов и Никольского), так и граненые браслеты на руках и на ногах погребенных¹³¹. На исследуемой территории граненые браслеты типа тилля-тепинских обнаружены в погребении знатной сарматки I в. н.э.¹³² Таким образом, бытование браслетов такого типа удревняется до I в. н.э. Кроме того, на территории Северо-Западного Причерноморья найдены полихромные золотые браслеты (Соколова Могила) и простые бронзовые (Холмское) — последние достаточно распространены во всем сарматском мире.

Близкие аналогии золотым полихромным подвескам имеются в сарматских погребениях на Среднем и Нижнем Дону. Это изделия из Чертовицкого могильника и кургана у хут.Алитуб¹³³, относящиеся ко второй половине — последней четверти I в. н.э. При незначительных отличиях (меньшее количество вставок, наличие напускных бусин на цепочках) их сближает общая схема — пирамидально расположенные вставки, чередование больших и малых гнезд, система крепления, свисающие цепочки — и единство технологических приемов. В этом случае применен редкий вид монтажа: стеклянные вставки заключены в глухие касты, которые затем наклеены внутрь гнезд, в свою очередь напаянных на пластину, являющуюся основой изделия.

В аристократических погребениях найдены и серьги иных типов: с хрустальными амфоровидными подвесками (Соколова Могила), украшенные зернью (Михайловка). В рядовых погребениях I в. н.э. (Соколовка, Беляевка) обнаружены характерные для сарматов простые проволочные бронзовые серьги в виде колец.

Ожерелье (обшивка ворота) также несколько необычно. С одной стороны, в нем есть традиционно сарматские элементы — трубчатые пронизи, подвесные диски. Прямоугольные бляшки, составляющие его, имеют близкие аналогии среди золотых изделий Тилля-Теле (погребение 1)¹³⁴. С другой стороны, центральная подвеска в виде стилизованной бабочки сближает его с известными античными ожерельями I—II вв. из Михайловки, Пантикапея, Херсонеса, Ольвии¹³⁵. Форма ожерелья, для сарматов неха-

* Реконструкция костюмов Л.С.Ключко.

** И.П.Засецкая в личной беседе высказала мнение, что это головки сайтаков. Основанием для этого ей послужили горбоносые морды, а главное, миниатюрные рожки на темени. Однако у степных лошадей морды, как правило, именно горбоносые (ср. изображение несомненно лошади на ручке чаши из Порогов); кроме того, на наконечниках отчетливо промоделирована стоячая грива, чего, как известно, у сайтаков нет. Что касается рожек, то они напоминают скорее лосиные либо оленьи, чем сайтачьи. Уместно вспомнить оленьи маски с рогами на лошадях из Пазырыка, небольшие роговидные выступы на несомненно конских головках браслета из Запорожского кургана — вероятно, как и в перечисленных случаях, на гривне из Порогов все же изображены головки коней, наделенные из магических соображений чертами оленей.

рактерная, почти полностью соответствует ожерелью VIII в. до н.э. из могилы 3 некрополя Спаты (Аттика)¹³⁶, т.е. весьма древняя и географически широко распространенная. Учитывая сочетание таких признаков, мы склонны рассматривать это украшение как изделие античных мастеров с использованием сарматских мотивов (на вкус заказчика).

Следует отметить, что немногочисленные ожерелья, происходящие с исследуемой территории (Михайловка, Соколова Могила), являются продукцией античных мастеров. Это неудивительно, если учесть близость к сарматским кочевьям Северо-Западного Причерноморья таких центров, как Тира, Ольвия, Херсонес. (О путях проникновения к сарматам античных импортов см. гл. IV.)

Хотя практически в каждом сарматском женском погребении обнаружены бусы, в Порогах их нет (если не считать мелкий кольцевой бисер в ногах погребенной). Бусы из Северо-Западного Причерноморья по материалу и форме разнообразны — от изделий из полудрагоценных камней, оправленных в золото (Соколова Могила) до простых пастовых, широко распространенных в сарматских погребениях и некрополях античных городов. Пожалуй, несколько реже, чем на востоке, здесь встречаются плакетки со скарабейми, львами, лягушками (Селиште, Соколова Могила).

Перстни из женского погребения обычного для римского времени типа — с несомкнутыми концами и расширяющейся в жуковину шинкой. В центре жуковин — вставки из глухого синего стекла и гемма на гранате.

В I в. н.э. такие перстни — изделия античных мастеров — встречаются, помимо сарматских погребений, в некрополях античных городов. Часто в жуковину вставлена гемма. Известны и роскошные уникальные модели, например, ажурный золотой перстень из Соколовой Могилы с атрибутами богини Исиды¹³⁷.

Предметы туалета в Порогах представлены биллоновым зеркалом, найденным в женской могиле. Оно типично для среднесарматской культуры — плоское, круглое, неорнаментированное. В Северо-Западном Причерноморье известны и некоторые другие формы, также встречающиеся в I в. н.э. — с валиком по краю и ручкой-штырем (Траяны), зеркало-подвеска с центральным выступом, валиком по краю и боковой петлей (Лупарево). Первое относится к типу, распространенному на Дону, в Прикубанье и Поволжье и, как и весь комплекс, указывает на восточное происхождение погребения из Траян. Зеркала-подвески хорошо представлены в памятниках Степного Левобережья и Приазовья. В аристократических погребениях у Михайловки и в Соколовой Могиле найдены зеркала редких форм. Первое — прямоугольное, в деревянном футляре, снаружи покрытом гипсом. На нем стиснут растительный орнамент. Подобные зеркала известны в сарматских погребениях Среднего Поднепровья (Кагарлык, Журовка) и Поволжья. Они античного (северо-италийского либо боспорского) происхождения¹³⁸. Уникально для нашей территории зеркало из Соколовой Могилы — бронзовый диск с валиком по краю и ручкой-штырем, на которую насажена серебряная позолоченная фигурка сидящего мужчины. Стилистически она близка произведениям бактрийского искусства. Характерно, что зеркала такой схемы найдены в некрополе Тидля-Тепе. Форма зеркала типична для сарматов, однако оформление ручки местное, бактрийское. Зеркало из Соколовой Могилы, без сомнения, является импортом с Востока.

Зеркала встречены почти в каждом третьем погребении, и практически в каждом женском. Подобная картина наблюдается и в сарматских погребениях более восточных территорий.

Предметы культа — курильницы из женского погребения. Это традиционный сарматский набор из двух сосудов, вложенных один в другой. Формы их также типично сарматские. Большая курильница входит в серию курильниц с ребристой поверхностью. Почти тождественная ей курильница I в. н.э.¹³⁹ из Среднего Поднепровья отличается лишь тем, что на ней три ребра, тогда как на порожской — два. Орнамент по верхнему краю сосуда характерен для многих сарматских курильниц. Весьма традиционна и малая курильница — с бочковидным корпусом и рядом сквозных отверстий в стенках. Следует отметить, что курильницы подобных форм преобладают до II в. н.э., когда их сменяют прямоугольные, господствующие в позднесарматской культуре¹⁴⁰.

Бытование у сарматов курильниц — одно из проявлений широко распространенного в их среде культа огня. На многих из них следы закопченности или нагара на стенках.

Вероятно, в большей курильнице разводился огонь, а во вставленную в нее меньшую помещались ароматические (возможно, и дурмящие) вещества. Судя по тому, что большинство курильниц найдено в женских погребениях, а также учитывая, что при общей схожести форм каждая из них имеет индивидуальные черты, отправлением культа занимались женщины — хранительницы домашнего очага, изготавливавшие себе эти предметы сами.

Посуда. Серебряный кубок с ручкой в виде фигурки лошади из мужского погребения входит в круг сосудов из драгоценных металлов, найденных в разное время в сарматских аристократических погребениях. Это известные золотые кубки из кургана Хохлач и станицы Мигулинской, а также серебряный кубок из могильника Высочино¹⁴¹ (рис. 30; ф. 35, 36).

Сосуды этой серии объединяет ряд признаков: единство формы (шаровидный или грушевидный корпус), вертикальный или слегка отогнутый невысокий венчик, круглое или несколько уплощенное дно, ручка в виде фигурки стоящего животного на скате плечика, более или менее одинаковые размеры*, наконец, исполнение из драгоценных металлов. Сосуды неорнаментированы, кроме кубка из Мигулинской — по верхней части его корпуса нанесен геометрический полихромный орнамент, а под венчиком помещена греческая надпись. Все они синхронны и относятся к I в. н.э.

Ручки сосудов выполнены в виде различных животных: лошади (Пороги), оленя (Хохлач), кошачьего хищника — скорее всего, пантеры (Мигулинская, Высочино). В отличие от порожского кубка, фигурки животных на остальных сосудах выполнены в полихромном стиле. На высочинском и хохлачском кубках гнезда для вставок расположены на плечах и крупе животных, фигурка мигулинского кубка полностью покрыта вставками. Как видим, при общей близости сосудов порожский кубок несколько отличается своей формой (рис. 30, 1) и отсутствием полихромии. Вероятно, канон изготовления таких сосудов допускал вариации.

Греческая надпись на мигулинском кубке указывает на то, что он был изготовлен античным гонимцем. Исследованию этой надписи, которая переводится: "Ксебанок, сын (?) Таруласа сделал меня золотую", посвящен этюд М.И.Ростовцева¹⁴². По мнению исследователя, это имена фракийских мастеров, работавших на Боспоре. Таким образом, центр производства хотя бы одного из сосудов серии известен. Учитывая ярко выраженный восточный характер драгоценных вещей из Порогов, можно предположить, что и кубок, несколько отличающийся от остальных, сделан где-то в Средней Азии, т.е. там, где были исполнены и остальные вещи комплекса (см. ниже). Сходство же хохлачского и высочинского кубков с мигулинским, а также наличие в первых двух комплексах типично античных вещей, наводит на мысль о производстве этих сосудов в причерноморских античных центрах. В этой связи следует отметить высокое мастерство античных гонимцев и хорошее знание ими специфики варварского звериного стиля — ведь фигурки животных совершенно не имеют реалистических черт, присущих классическому эллинскому или римскому искусству. Кубки всегда рассматривались не иначе как драгоценные сосуды — показатель высокого имущественного и социального положения погребенных. Однако некоторые общеиранские (прослеженные на примере скифской культуры) параллели привели нас к мысли и о сакральном характере таких вещей. (Подробнее см. в гл. III.)

Красноглиняный кувшин из женского погребения античного производства принадлежит к разряду тонкостенной столовой керамики, места изготовления которой не установлены. Такому же типу принадлежат некоторые кувшины из некрополя Танаиса и Тиритаки¹⁴³, наиболее близок порожскому кувшину из гробницы VII Артеховского кургана¹⁴⁴. Характерное оформление горла рифленным манжетом и внутренним уступом имеется на подобных сосудах на Эмоны¹⁴⁵; датируются I в. н.э. Следует, пожалуй, отметить, что подобные кувшины в сарматских памятниках Северо-Западного Причерноморья встречаются редко.

Амфоры из мужского погребения относятся к типу, широко представленному в античных памятниках Причерноморья, есть они и в сарматских погребениях¹⁴⁶. Исследователи единодушно датируют их I в. н.э.¹⁴⁷ и склонны относить к малоазийской продукции (по Д.Б.Шелову, синопской¹⁴⁸).

* Пороги — 10 см; Высочино — 9,4; Мигулинская — 11,5, Хохлач — 8 см.

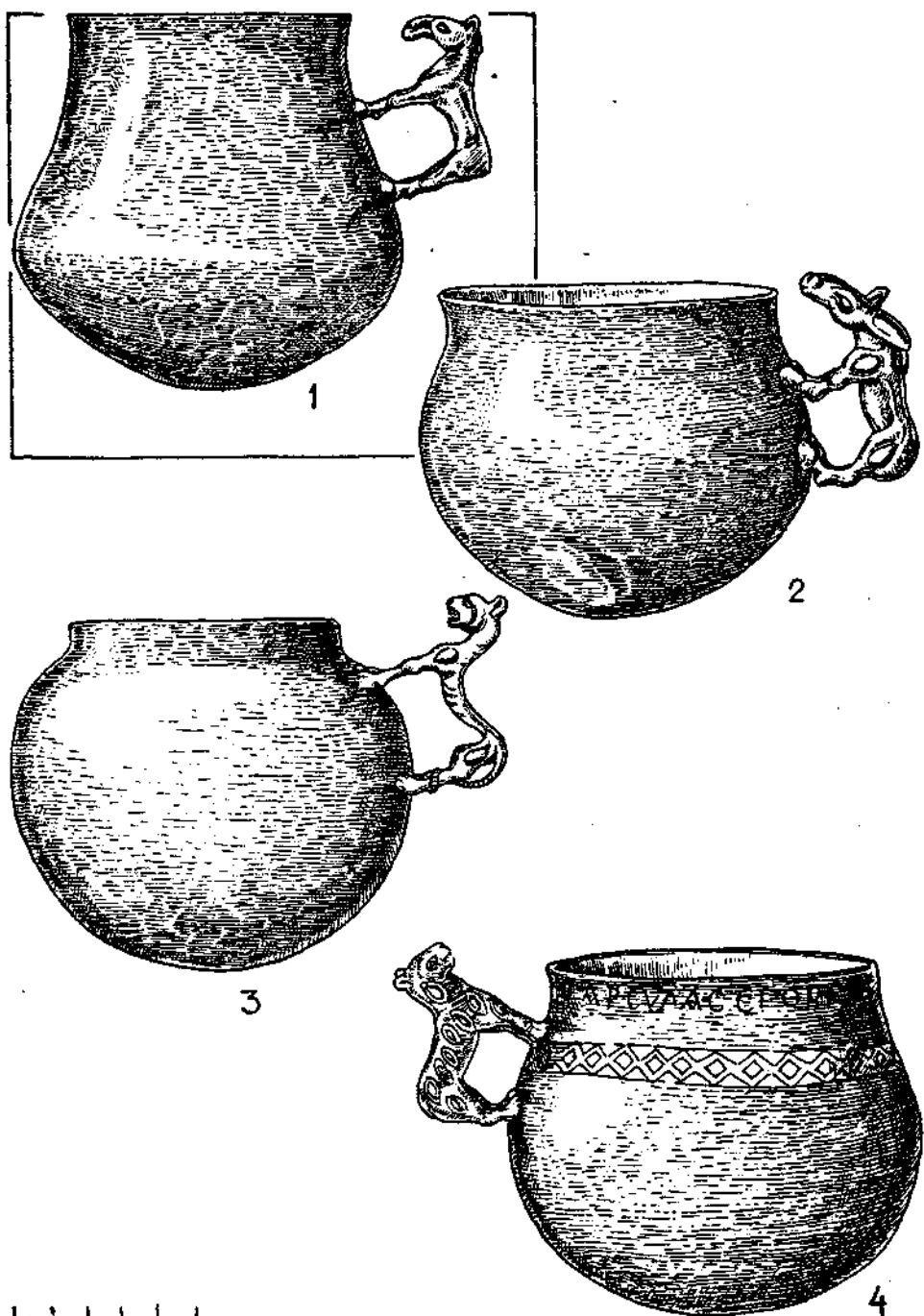

Рис. 30. Кубки из сарматских погребений:
1 - Пороги; 2 - Хохляк; 3 - Высочино; 4 - Мигулицкая

Характерной чертой сарматских погребений региона является обилие античных импортных изделий. Они найдены почти в 70 % захоронений. Помимо амфор и других керамических сосудов, а также украшений, это металлическая и стеклянная посуда римского производства.

В Новопетровке найден бронзовый римский солдатский ковш-котелок с...

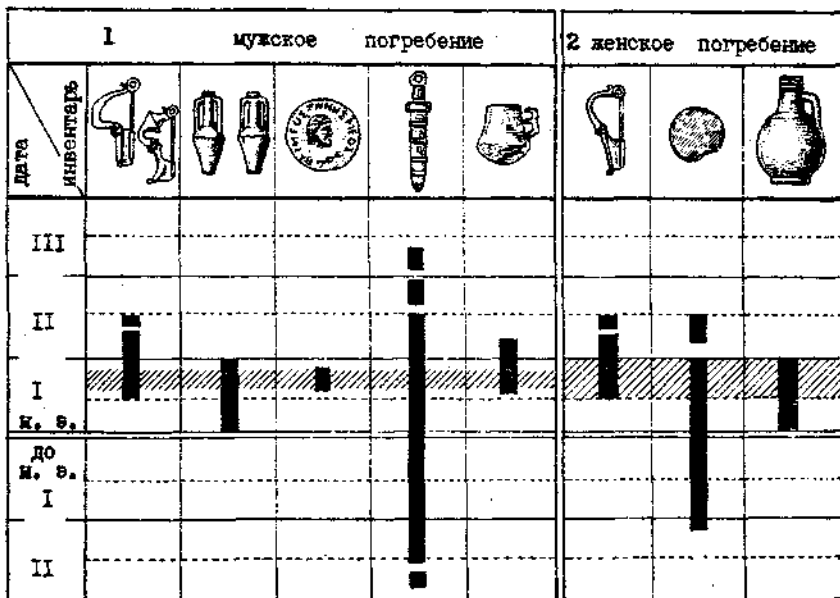

Рис. 31. Хронологические позиции погребений из Порогов:
1 — погребение 1; 2 — погребение 2

Цилия Полибия, датирующийся второй половиной I в. н.э. Более широко (I—II вв. н.э.) датируются подобные ковши из Траян и Старых Куконешт (Эггерс 144)¹⁴⁹.

В Соколовой Могиле обнаружены серебряные сосуды — ойнохоя и канфар. Ойнохоя довольно широко распространенного типа — с высоко поднятой ручкой, нижний атташ которой выполнен в виде головы Силеня, на кольцевом поддоне. Уникально оформление корпуса. Горло сосуда, плечики и корпус украшены гравированным растительным орнаментом, по корпусу ниже плечиков расположены двенадцать ложковидных выступов, а по придонной части — восемь таких же выступов. Г.Т.Ковпаненко, отмечая своеобразие изделия, справедливо причисляет его к кругу южноиталийских изделий (Эггерс 124) первой половины I в. н.э.¹⁵⁰

Цилиндрический серебряный канфар с вертикальными уплощенными сверху ручками, припаянными к венчику, из Соколовой Могилы — изделие, обычное для аристократических сарматских захоронений (Хохлач, Жутовский могильник). Предполагается, что подобные сосуды изготовлялись во фракийских мастерских¹⁵¹.

В этом же погребении найдено бронзовое ведерко с железной дужкой. Такие ведрки наряду с ковшами входили в состав снаряжения римского легионера. Они известны в некоторых сарматских погребениях Поволжья и Прикубанья¹⁵².

Демонстрируя географию связей сарматов, импортные изделия служат хорошим датирующим материалом. Наличие большого числа импортных изделий в сарматских погребениях региона неудивительно, учитывая близость лимеса и античных центров Северо-Западного Причерноморья: Тире, Никония, Ольвии. Сопоставляя эти данные с современными источниками, мы получаем картину оживленных связей сарматов с античным миром. Примечательно, что восточные импорты отмечают непрерывающиеся контакты с далекими областями азиатской Сарматии.

Решая вопрос о дате захоронений из Порогов, следует обратить внимание на сочетание в составе их инвентаря вещей с относительно широким диапазоном бытования и вещей, время бытования которых ограничено довольно узким промежутком времени. Так, в мужском погребении меч с кольцевым навершием, наконечники стрел, лук с костяными накладками относятся к вещам с широкой (конец II в. до н.э. — II—IV вв. н.э.) датой. Несколько уже дата некоторых украшений и сосудов: браслета (I — начало II в. н.э.), поясной гарнитуры (аналогии в основном I в. н.э.), серебряного кубка и фибул (вторая половина I — первая половина II в. н.э.), амфор (I в. н.э.). Следовательно, в один комплекс эти вещи могли попасть не ранее второй половины I в. н.э.

Terminus ante quem, в таком случае, определяют амфоры (не позднее 100 г. н.э.). Однако, на наш взгляд, есть возможность еще более сузить дату мужского захоронения. Серебряные монеты царя Инисмея, на которых помещена тамга, идентичная порожским (см. гл. III), датируются 70–80-ми гг. н.э. Меч из Рошава Драгана с такими же тамгами относится, по мнению Х.Буюклиева, к концу I в. н.э., т.е. практически к тому же времени. Поэтому, вероятно, не будет ошибкой отнести мужское захоронение из Порогов к последней четверти I в. н.э. (рис. 31, 1).

В женском захоронении датирующими вещами являются зеркало (в основном I в. до н.э. – I в. н.э., отдельные экземпляры встречаются в первой половине II в. н.э.), фибула (вторая половина I – первая половина II в. н.э.), кувшин (I в. н.э.). Таким образом, наиболее вероятная дата совершения этого захоронения – вторая половина I в. н.э. (рис. 31, 2), т.е. в целом оно синхронно мужскому погребению.

ГЛАВА III
ТАМГИ ИЗ ПОРОГОВ
И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ФАРЗОЯ И ИНИСМЕЯ

На пластинках парадного и наконечнике портупейного поясов, на золотой пластине, украшавшей ножны меча, на скуле лошадиной головки наконечника гривны, а также на днище и ручке серебряного кубка из мужского погребения помещены семь тамг.

1. Знак в виде двух волют, соединенных прямой линией. В центре линии находится кольцо (ф. 37, 1-3). Тамга нанесена на пластины парадного пояса с лицевой (золотой) стороны, а также на обратную сторону одного из наконечников портупейного пояса и днище кубка.

Знаки на золотых пластинках парадного пояса занимают их центральную часть. Они выполнены в технике псевдозерни. Золотая круглая в сечении проволока покрыта поперечными насечками, имитирующими шарики зерна. Отходящие от кольца к волютам вертикальные линии переданы двумя шариками. Концы волют загнуты внутрь на пол-оборота, на одной из пластин — несколько меньше. Длина знаков 15 мм, ширина волют от 7 до 8, диаметр центрального кольца 3 мм (ф. 37, 2).

Знак на наконечнике портупейного пояса выполнен из утолщенной золотой проволоки, напаянной на внутреннюю сторону наконечника. Концы волют загнуты на пол-оборота. Знак монтировался по частям — волюты, центральное кольцо и вертикальные перемычки между ними изготовлены отдельно, а затем последовательно напаяны. Высота знака 15 мм, ширина волют 8-9, диаметр кольца 4 мм (ф. 37, 3).

Знак на днище сосуда выполнен резцом. Волюты его более растянуты, чем у знаков на поясных пластинках, вертикальные линии, соединяющие центральное кольцо с волютами, более длинные. Знак явно нанесен позже, а не при изготовлении кубка. Высота знака 20 мм, ширина 11-13, диаметр кольца 5 мм (ф. 37, 4).

2. Знак с аналогичными нижней (волюты) и средней (кольцо) частями. Верхняя часть сделана в виде горизонтальной перекладины. Помещен на золотой пластине, украшавшей центральную часть ножен меча. Выполнен, как и знак на наконечниках портупейного пояса, из утолщенной золотой проволоки по частям. Высота знака 12 мм, ширина волюты 7, длина верхней перекладины 7, диаметр кольца 5 мм (ф. 37, 5).

3. Знак аналогичной схемы. Верхняя часть в виде острого угла вершиной вниз. Волюты нижней части сходятся под углом, придавая ей сердцевидную форму. Концы волют слегка загнуты. Помещен на левой скуле головки лошади — наконечника гривны. Выполнен, как и предыдущий, из утолщенной золотой проволоки по частям. Высота знака 12 мм, ширина волют 7, диаметр кольца 5 мм (ф. 37, 4).

4. Знак аналогичной схемы. Волюты нижней части более растянуты, верхняя часть — в виде острого угла вершиной вниз, от правой стороны его вниз отходит отросток. Знак выполнен резцом на правом бедре лошадки — ручки кубка. Он сильно потерт — не сохранилась часть центрального кольца и средние части волют. Концы их загнуты на пол-оборота. Высота знака 5 мм, ширина волют 5, диаметр кольца 1 мм (ф. 37, 7).

5. Знак аналогичной схемы. Волюты нижней части асимметричны — правая более короткая, чем левая. Вероятно, из-за миниатюрности знака выполнить его аккуратно было трудно. Об этом же говорит и слегка разомкнутое центральное кольцо, концы которого заходят один за другой. Верхняя часть — в виде расходящихся под острым углом волют. Концы волют нижней и верхней части лишь слегка загнуты. Знак выполнен резцом на левом плече лошадки — ручки кубка. Высота знака 5 мм, ширина волют нижней части 4, верхней 5, диаметр кольца 1 мм (ф. 37, 6).

Тамги относятся к широко известным сарматским знакам Северного Причерноморья. История изучения тамгообразных знаков, вопросы их происхождения и семантики изложены в работах Э.И. Соломоник и В.С. Драчука¹, поэтому нет необходимости возвращаться к ним. Следует лишь подчеркнуть, что неизменяющаяся нижняя часть знаков свидетельствует об их принадлежности к царским, на семантике которых ниже мы остановимся более подробно.

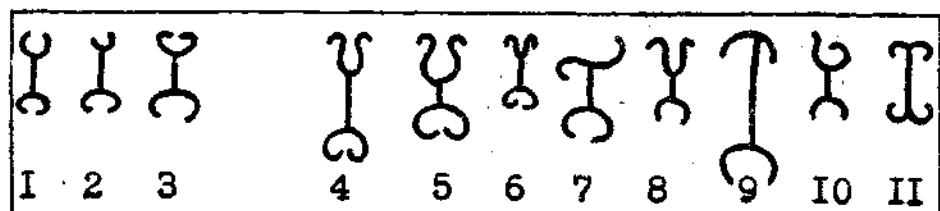

Рис. 32. Тамги схемы Фарзюв.

1-3 — монеты; 4 — флакон из Ольвии; 5 — блюдо из Воронежской обл.; 6 — браслет с Бугского лимана; 7 — Хытажукский аул; 8 — котел из Пензенской обл.; 9 — Приморское; 10 — Грушка; 11 — Косижа

Тамги на поясах и днище кубка — знаки "царя" Инисмея. Они известны на его монетах², чеканенных в Ольвии в конце 70-х — начале 80-х гг. н.э.³

Аналогичные знаки имеются на сарматском мече, найденном в гробнице 2 кургана Рошава Драгана в Болгарии⁴. Тамга Инисмея нанесена на золотое дисковидное навершие этого меча (ф. 38, 1). Ножны его украшали пять ажурных пластин, две из которых — прямоугольная и круглая — сохранились полностью, остальные фрагментированы*. Внутреннюю часть первой составляют две помещенные рядом тамги Инисмея (ф. 38, 2), начертание тамги на второй пластине несколько изменено в соответствии с формой самой вещи. Здесь центр круга занимает кольцо тамги, от которого в трех направлениях — вверх и в стороны — отходят прямые линии, оканчивающиеся волютами (ф. 38, 3). Таким образом, схема тамги сохранена, но для единства композиции пластины трактованы не канонично.

Тамга, аналогичная пластине ножен из Порогов, есть на навершии меча из Рошава Драгана (рис. 33, 2). Подобный знак, хотя и несколько поврежденный (рис. 33, 3), прочерчен на доньшке краснолаковой тарелки из сарматского погребения в Среднем Поднепровье у с. Баштечки Черкасской обл., относящегося к I или рубежу I—II вв. н.э.⁵

Знаки на гривне и фигурке коня полных соответствий не имеют. Верхняя часть тамги на гривне, правда, близка верхней части тамги на золотом браслете, найденном на Бугском лимане и хранящегося в Государственном Эрмитаже⁶, с тем отличием, что ветви последней почти параллельны и оканчиваются завитками. Впрочем, и верхняя, и нижняя тамги гривны передают довольно распространенные элементы сарматских тамг — угол вершинной вниз и волюты. Однако в нашем случае они трактованы несколько нетрадиционно — угол закруглен, а волюты, наоборот, сходятся под более острым углом. Эти незначительные отличия, вероятно, чисто декоративные, поэтому нельзя сказать, что тамга на гривне относится к иной схеме.

Весьма распространены в сарматских знаках и верхние фигуры тамг на плече и крупе лошади — ручки кубка. Разогнутые волюты (плечо) имеются, хотя и несколько видоизмененно, на ряде тамг Северо-Западного Причерноморья, а угол вершинной вниз со сломаной стороной — и на боспорских тамгах (рис. 33, 4).

Характерно для сарматов и размещение исследуемых знаков. Выше уже говорилось об украшении ножен меча пластинками с тамгами в Рошава Драгана. На скуле лошадиной головки — наконечнике браслета, найденного на Бугском лимане, как и на нашей гривне, помещена тамга. Известны и знаки, нанесенные на днище сосудов из драгоценных металлов. Это тамги на серебряном блюде из богатого сарматского захоронения в Воронежской обл.⁷, на золотом туалетном флаконе из Ольвии, найденном в 1868 г.⁸ Поясные пряжки, украшенные тамгами, широко известны на Боспоре и в Ольвии в I—III вв. н.э.⁹ Весьма интересно размещение тамг на фигурке лошади. Их пропорциональность размерам фигурки и помещение на плече и крупе говорят о том, что эти знаки изображают тавро. Подобный стилистический прием зафиксирован на нескольких находках первых веков н.э. в Северном Причерноморье. Тамги нанесены на плечо и круп коня, изображенного на плите II в. н.э., найденной на Феодосийском шоссе¹⁰. На крупе коня с плиты из Малой Козырки и на плече бычка — игрушки из Керчи также имеются тамги¹¹. Э.И.Соломонович справедливо полагает, что эти знаки передают тавро — знак собственности на скот¹². Семантически "таверные" фигурки животных

* В публикациях Х.Буяюклева говорится лишь о двух пластинках. Б.А.Раев, изучавший комплекс, обнаружил фрагменты остальных трех. Благодарим его за любезную консультацию и предоставленные материалы.

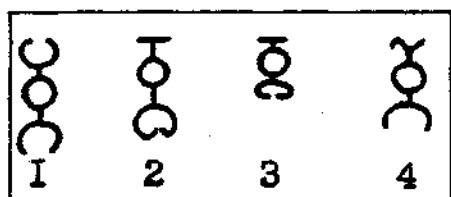

Рис. 33. Тамги схемы Инисмея:
1, 2 - Рошава Драгана; 3 - Башгечки;
4 - Пантикапей

несут двойную нагрузку — как фиксация "своего" коня, быка и т.д., и как вещь, представляющая своего владельца.

Итак, тамги на поясах и днищах кубка полностью тождественны тамге Инисмея. Остальные знаки, имея общую для всех нижнюю часть, различны в верхней. В одном случае это горизонтальная перекладина (меч), в другом — угол вершинной вниз (гривна, круп лошади), в третьем — волюты, расходящиеся под острым углом (плечо лошади).

Установлено, что одинаковая нижняя часть сложных сарматских знаков символизировала правящую династию¹³. В этом случае на тамгах Инисмея, помещенных и на монетах, и на предметах из погребения, неизменяющаяся нижняя часть является скорее всего родовым символом. Изменяющаяся верхняя часть знака в этом случае служит именным символом. На тамгах из погребения у с.Пороги помещен родовый знак династии Инисмея, но именная часть всех знаков различна. В одном случае (пояса, кубок) она полностью соответствует тамге на монетах Инисмея, в других (меч, гривна, ручка кубка) отлична от них. Иными словами, знаки на поясах пластинок и кубке устанавливают принадлежность этих предметов Инисмею, знаки на мече и гривне говорят о том, что их владельцы принадлежат к роду Инисмея, но носят другие имена. Разумеется, эта гипотеза соответствует истине лишь в том случае, если принять трактовку частей знаков по В.С.Драчуку.

Обратимся к самим предметам, на которых помещены тамги. Их набор, на наш взгляд, не случаен.

Общеизвестна сакральная и инвеститурная роль меча в идеологии древних иранцев. Ни у кого не вызывает возражений обожествление меча и его культовая функция у скифов¹⁴. Кроме того, по мнению исследователей, меч у скифов выполнял роль социального символа, указывавшего на принадлежность к высшему слою касты воинов¹⁵. К сожалению, в отношении роли меча у сарматов источники более чем скудны. Однако, учитывая близость происхождения и иранскую принадлежность обоих народов, можно и должно предполагать определенную близость их идеологических воззрений. Немногочисленные исторические свидетельства подтверждают правомочность такого допущения. Это, например, сообщение Климента Александрийского о почитании меча савроматами¹⁶. Есть и более позднее свидетельство Аммиана Марцеллина: "У аланов голый меч вонзают в землю и поклоняются ему как Марсу..."¹⁷. Таким образом, сообщения о почитании сарматами* меча укладываются в хронологический диапазон со II в. до н.э. (Эвдокс, информатор Климента Александрийского) по IV в. н.э.

Эта точка зрения подтверждается и археологически. Так, на позднескифском Усть-Альминском городище найдена плита с изображением меча¹⁸. Отмечены находки сарматских мечей на перекрытиях могил прохоровского времени в Днепропетровской и Запорожской обл.¹⁹, в насыпи кургана в Донецкой обл.²⁰ Известно, что положение любой вещи в могиле строго обусловлено погребальным ритуалом и элементы случайности здесь исключены. Вероятно, эти находки также являются каким-то отражением культа меча, существовавшего у сарматов.

Мечи из погребений II в. до н.э. — обычные экземпляры прохоровского оружия — с серповидным навершием и прямым перекрестьем. На плите с Усть-Альминского городища также изображен характерный для первых веков н.э. меч — с длинным клинком, прямым перекрестьем и рукоятью без выделенного навершия. Иными словами, воплощением божества у сарматов служил любой меч. У скифов же, возможно, объектом поклонения были образцы древнего оружия. Геродот специально подчеркивает, что скифы поклоняются "ΑΡΧΑΙΚΟΣ ΑΚΙΝΑΚΟΣ". В этой связи интересно наблюдение Ю.В.Болтрика²¹. В уроч. Носаки в Запорожской обл. на скифском курганном могильнике IV в. до н.э. найден воткнутый в перемычку между двумя курганами эпохи бронзы (вокруг которых затем сформировался скифский могильник) меч VI в. до н.э. Автор прямо связывает эту находку с описанным Геродотом святилищем Ароя.

* Термин "савроматы", употребленный Климентом Александрийским, обычный для грекоязычных авторов архаизм. Судя по дате источника, речь, конечно же, идет о сарматах.

Отличались, вероятно, и формы оправления культа меча у сарматов и скифов. Первые, согласно Аммиану Марцелину, просто вонзали меч в землю. На плите из Усть-Альминского могильника острие меча не изображено, да и сама плита, будучи в вертикальном положении, символизировала вонзенный в землю клинок. Скифы же сооружали мечу большие жертвенники из хвороста: "В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка: три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постепенно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса"⁴².

В целом, обнаруживается определенное сходство в культовых представлениях скифов и сарматов о мече и божествах войны. И неудивительно. Помимо общности происхождения этих народов, сходство обусловлено еще и тем, что культ бога войны и его воплощения — меча — вполне закономерен для обществ, где война, военные действия, воинская доблесть и храбрость, беспощадность к врагам и т.д. являются главными и наиболее почитаемыми качествами члена общества, где "война и организация для войны... становятся регулярными функциями народной жизни"²³.

Не менее показателен и второй предмет, на котором помещена тамга, — гривна. И у персов, и у скифов она являлась не столько предметом материальной ценности, сколько символом принадлежности к определенной социальной группе²⁴. Доказательством того, что гривна обозначала принадлежность к высокому социальному рангу является, например, наличие в царском женском погребении Толстой Могилы гривен и у царицы, и у ее ребенка. Без сомнения, такую же социальную нагрузку несли и сарматские гривны.

Следующие предметы с тамгой (причем тамгой Инисмея) — парадный и портупейный пояса. И здесь она не случайна. Инвестирующая роль пояса в иранском мире отражена во многих источниках. Опоясывание носило характер посвятельного акта (например, обряд Упанаяна в ведическом ритуале)²⁵. По одной из версий Геродота о происхождении скифов Геракл оставляет змееной богине лук и п о я с с условием, что царем скифов станет тот из его сыновей, который сумеет натянуть лук и опоясаться поясом с золотой чашей на конце пряжки²⁶. По данным А.И.Мелюковой, в греческом оригинале употреблен термин, обозначающий боевой панцирный пояс²⁷, т.е. опять-таки вещь, имеющую отношение к сословию воинов — одному из высших в иранском обществе. У сарматов панцирные пояса как вид вооружения не имели распространения, поэтому в культовой и обрядовой практике мог фигурировать богато украшенный (или выделенный каким-либо другим образом) пояс. Тем не менее, если один из найденных в погребении парадных поясов не имеет отношения к оружию, то второй — портупейный, и система крепления на нем меча прослеживается достаточно четко. Сам он украшен золотой набивной гарнитурой, у него характерные свисающие по обе стороны пряжек ремешки с золотыми наконечниками (на одном из них тамга), подобно более поздним аланским и тюркским поясам. Показательно, что в последующее время (VI—VIII вв.) наборные пояса у степных кочевников также были знаком социальной принадлежности²⁸.

Наконец, последний предмет из погребения с тамгами — серебряный кубок с зооморфной ручкой. Культовая роль подобных сосудов в иранском мире бесспорна. Чаша фигурирует среди священных даров, полученных скифами, в обоих вариантах этногонической легенды Геродота. Она же упоминается в числе священных предметов среднеазиатских саксов²⁹. Исследователи полагают, что чаша символизировала жреческие функции³⁰.

Чаши из драгоценных металлов, а также деревянные, отделанные золотом, довольно широко представлены в скифских и савроматских древностях. Безусловно, у родственных скифам ираноязычных сарматов были сходные идеологические представления, восходящие еще к эпохе поздней бронзы, ко времени индо-иранской общности. В этой связи показательны немногочисленные аналогии кубку из Порогов — золотые сосуды из ст.Мигулинской, Хохлача и могильника Высочино. Если первый найден случайно, то остальные два — в погребении царского ранга.

К этой группе сосудов семантически примыкает и небольшой деревянный кубок из Соколовой Могилы, устье которого отделано золотом. По технике изготовления

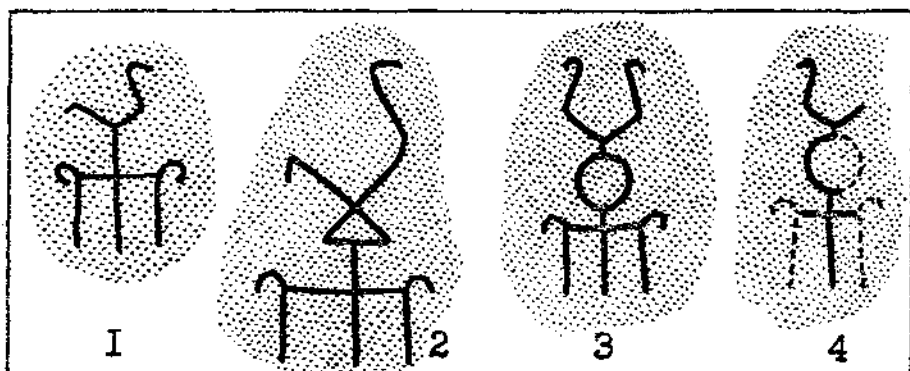

Рис. 34. Тамги боспорских царей:
1 — Реметалк; 2 — Тиберий Евпатор; 3 — Савромат II; 4 — Рескупорид III

и стилю он очень близок деревянным чашам, украшенным золотыми пластинками, из скифских и савроматских погребений V—IV вв. до н.э. Г.Т.Ковпаненко совершенно справедливо отмечает, что этот кубок относится к числу предметов, свидетельствующих о выполнении сарматкой жреческих функций⁵¹.

В свете этих наблюдений захоронение у с.Пороги — важный источник для реконструкции идеологических и мифологических представлений сарматских племен. Несмотря на почти полное отсутствие письменных источников, каковыми в достаточной мере снабжены, например, исследователи скифской истории и культуры, столь очевидное совпадение семантики сарматских предметов со "священными" скифскими позволяет предполагать, что в идеологии и мифологии сарматов они играли сходную роль.

Таким образом, царские тамги на предметах из рассматриваемого погребения явно указывают на высокое социальное положение покойного, а собственно тамга Инисмея (или рода Инисмея) — на прямую связь захоронения с этим лицом. Заманчиво было бы предположить, что в погребении у с.Пороги захоронен сам Инисмей (ведь дата его — последняя четверть I в. н.э. — согласуется с датами правления Инисмея). Для получения более или менее определенных выводов следует проанализировать связи между тамгами и отношение их к тому или иному предмету из погребения.

Отправной точкой этого анализа послужило предположение В.С.Драчука о семантике сарматских царских тамг. Правомочность его допущения доказывает сравнение тамг боспорских царей Реметалка, Тиберия Евпатора, Савромата II, Рескупорида III. Действительно, нижняя часть их остается неизменной, варьирует лишь верхняя (рис. 34), как и на тамгах из рассматриваемого погребения.

Согласно предложенной нами гипотезе, знаки на поясах и кубке могут свидетельствовать о принадлежности этих вещей Инисмею. В таком случае меч и гривна принадлежали лицам его рода, но носившим другие имена. Кто были их владельцы и в каких отношениях они находились с Инисмеем, при настоящем состоянии источников утверждать трудно. Для этого необходимо хотя бы знать, могли ли такие вещи, как гривна и меч, быть подарены или пожалованы их владельцам, могли ли они носить меч и гривну, помеченные чужими знаками и что эти знаки в таком случае означали и т.д.

На днище кубка из Порогов нанесена тамга Инисмея. На плече и крупе лошади, в виде которой исполнена ручка, — тамги с аналогичной нижней частью; верхние же их части различны. То есть, все знаки имеют общую родовую часть и разную именную. На первый взгляд, наличие трех разных знаков на кубке вызывает недоумение — какой же из них означает владельца? Ведь принадлежность кубка одному лицу, а ручки — двум другим абсурдна. Но, во-первых, нет уверенности, что мы адекватно трактуем термин "именная часть", т.е. вполне может быть, что он не несет информацию об имени в современном смысле этого слова, а обозначает некую группу (клан? колено?). Во-вторых, кубок как священный предмет мог поочередно принадлежать разным лицам и передаваться по наследству либо при сложении ими своих полномочий. Судя по общей нижней части всех знаков, предпочтительнее принять гипотезу о наследственности. Интересно, что степень сохранности всех трех знаков различна. Более других изношен и потерт знак на крупе лошади, несколько лучше сохранился знак на плече и совсем

не пострадал знак на днеще. Так ли они соотносятся и хронологически — сказать трудно, ведь потертость ручки можно объяснять и тем, что за нее постоянно брались. Мы затрудняемся однозначно трактовать такое распределение тамг на сакральных предметах из погребения. Предполагается несколько толкований: Инисмей имел несколько имен (или титулов), и тогда знаки с разной верхней частью воспроизводят их; меч, кубок и гривна были переданы по наследству либо вручены как дары, и тогда это знаки родственников либо предшественников Инисмея; знаки с иной верхней частью означают како-то подчиненное Инисмею положение их носителей, и в таком случае меч и гривна выражали главенство Инисмея над носителями знаков на этих вещах.

Присвоение нескольких имен (родового, тронного, воинского и т.д.) практиковалось у древних кочевников. Так, у ранних тюрок хан имел несколько имен, менявшихся в зависимости от занимаемой им должности³². Первоначальное тотемное ("звериное", по Л.Н.Гумилеву) имя хан менял, становясь удельным князем; став клганом, он принимал еще одно имя и т.д. Тюркютский хан Шету, став князем восточной части державы в середине VI в., принял имя Эрфухана. Позднее, будучи каганом, он носил титул Илигюйлу Ше Мохэ Шабло-хан. Его брат Кушу, захватив власть, принял титул Мугань-хана. Как еще один пример следует упомянуть нойона Тэмучина, ставшего Чингис-ханом.

Примечательно, что основатель сарматской по происхождению династии Аспург, став в 10/11 гг. н.э. царем Боспора, принял имя Рескупорида³³. В дальнейшем некоторые боспорские цари, выражая свой пиетет по отношению к Риму, принимали имя Тиберий Юлий, добавляя его к своему династическому имени (Тиберий Юлий Евпатор, Тиберий Юлий Савромат и т.д.).

Выше уже говорилось о том, что, судя по состоянию знаков на кубке, он мог передаваться по наследству. Не исключено, что гривна и парадный меч также унаследованы лицом, погребенным у с.Пороги, вероятнее всего, от его родственников, чем и объясняется общая нижняя часть знаков.

Наконец, возможно еще одно объяснение такого сочетания знаков: неизменяющаяся нижняя часть тамги была племенным символом. Тогда верхняя ее часть означала принадлежность к определенному роду. В этом случае знаки с различной верхней частью на сакральных вещах из Порогов могли обозначать главенство их обладателя над всеми родами данного племени.

Разумеется, в силу ограниченности источника, высказанные положения не более чем гипотезы, которые могут быть как подтверждены, так и опровергнуты дальнейшими исследованиями. Несомненно одно — все исследованные тамги связаны между собой, а документальная атрибуция одной из них как тамги Инисмея указывает на принадлежность их его роду или племени.

Имена Инисмея и его предшественника Фарзоя известны лишь из одного источника — ольвийских монет. Традиционно оба эти правителя считались позднескифскими царями, от которых в той или иной мере зависела Ольвия в конце I в. н.э., что и отразилось в чеканке ею монет с именем сюзерена. Эта точка зрения, восходящая к А.С.Уварову и Б.В.Кене³⁴, в дальнейшем была расширена М.И.Ростовцевым, полагавшим, что Ольвия подчинялась поздним скифам³⁵. Позднескифскими царями считали Фарзоя и Инисмея А.В.Орешников, А.Н.Зограф, Н.П.Розанова, Т.Н.Высотская³⁶. Д.С.Раевский посвятил Фарзоя и Инисмею специальное исследование, в котором не только наметил основные политические события, связанные с этими царями, но и реконструировал позднескифскую династию, восходящую к царю Ходарзу³⁷. Согласно Д.С.Раевскому, в I в. н.э., точнее — в первой его половине, позднескифское объединение (мы намеренно избегаем ко многому обязывающему термину "государство") попало в зависимость от Боспора. Как союзники боспорян в конфликте с Римом (речь идет о борьбе Митридата VIII и Котиса за боспорский престол) скифы Фарзоя захватывают Ольвию, и лишь вмешательство римских войск под командованием Плавтия Сильвана освобождают город от власти скифских царей. Поход Фарзоя на Ольвию рассматривается Д.С.Раевским как санкционированная Боспором акция в уплату за поддержку боспорских интересов в конфликте с Херсонесом (?! — А.С., Б.Л.).

П.О.Карышковский, скрупулезно проанализировав точку зрения Д.С.Раевского, на основе хронологических несоответствий и произвольных построений блестяще, на наш взгляд, показал ее несостоятельность и искусственность³⁸. В основе всех рассуждений Д.С.Раевского лежит ничем не аргументированный взгляд его предшественников

на Фарзоя как царя крымских скифов. Между тем П.О.Карышковский предложил иную точку зрения на этническую принадлежность Фарзоя и Инисмея³⁹. Он полагал, что эти лица не скифские, а сарматские властители. Позднее его поддержал Д.Б.Шелов⁴⁰, подобных взглядов придерживается и М.Б.Шукин⁴¹. Наиболее полную и развернутую аргументацию этого положения П.О.Карышковский привел в своих последних работах, посвященных рассматриваемой проблеме⁴². Не повторяя его убедительных и логичных доказательств, напомним лишь выводы. И Фарзой, и Инисмеем, согласно П.О.Карышковскому, являлись предводителями сарматских группировок (племен? племенных объединений?), обитавших к западу от Ольвии, в днестро-дунайских степях.

Одним из основных и, на наш взгляд, весьма весомых аргументов П.О.Карышковского является наличие на монетах Фарзоя и Инисмея тамгообразных знаков. Действительно, тамги этого времени широко известны и характерны именно для сарматов, в то время как достоверно позднескифские неизвестны. Кроме того, очень странен тот факт, что имена позднескифских царей, да еще и каким-то образом влиявших на политику Ольвии, не встречаются ни среди эпиграфических памятников города, ни среди материалов Неаполя — столицы позднескифского государства, ни в исторических свидетельствах (довольно многочисленных) этого времени.

Тамги Фарзоя, известные по его монетам, двух типов. Одна из них очень близка тамге Инисмея. Воллуты ее соединяются прямой линией, без центрального кольца, как на инисмеевых тамгах (рис. 32, 1). Тамга второго типа отличается от первой тем, что на ней воллуты заменены углами вершиной вниз (рис. 32, 3). Нам кажется, что это просто схематизированный вариант первой тамги. Это тем более вероятно, что тамга второго типа помещена на монетах более поздней эмиссии первой (по П.О.Карышковскому) группы и на монетах второй группы, т.е. геометризация тамги связана с общими изменениями в оформлении монет. Это объясняется тем, что первые монеты Фарзоя чеканились по эллинистическим нормам и являлись статерами, а последующие — ауреусами римской системы⁴³. Изменение в оформлении монеты отразилось и на изображении тамги.

Исследования тамг монет Фарзоя (полностью тождественные им имеются на мраморных львах из Ольвии⁴⁴) позволили установить, что и они, подобно инисмеевым, образуют схему, причем среди них также есть знаки с измененной верхней частью (рис. 32). Тамга, состоящая из вертикальной линии, воллут с загнутыми концами в нижней части (неизменяющаяся родовая часть) и с отогнутыми концами в верхней части (изменяющаяся именная часть), известна на нескольких предметах из сарматских погребений и найденных случайно. Это золотой флакон из Ольвии, браслет, найденный на берегу Бугского лимана*, серебряное блюдо из сарматского погребения в Воронежской обл.⁴⁵, бронзовый сарматский котел из Пензенской обл.⁴⁶ Еще один вариант верхней части тамги схемы Фарзоя — воллута, один конец которой загнут, а второй отогнут — обнаружен на серебряной бляхе подперся из богатой могилы у с.Грушки в Молдавии. Автор исследования В.И.Гросу совершенно справедливо связывает эту тамгу с Фарзоем⁴⁷. Тамга схемы Фарзоя, но с верхней частью в виде горизонтально расположенного S-видного знака нанесена на котел из сарматского погребения на Кубани⁴⁸. На сосуде из сарматского погребения у с.Приозерное близ Херсона** тамга схемы Фарзоя, верхняя часть которой представляет собой воллуту, но перевернутую ветвями вниз. Подобная тамга, по устному сообщению В.П.Шилова***, на сосуде из сарматского погребения в Калмыкии. Наконец, в богатом сарматском погребении у с.Косика в Нижнем Поволжье имеется тамга той же схемы, но обе воллуты перевернуты.

Таким образом, на тамгах Фарзоя мы наблюдаем ту же картину, что и на тамгах Инисмея: неизменяющаяся нижняя часть и варьирующая верхняя. Нет смысла повторять изложенные выше соображения по этому вопросу. Без сомнения, перед нами явление того же порядка: символизирование тамгой общего признака (родового? племенного?) с уточнением принадлежности тамги в каждом конкретном случае.

Обратимся теперь к связи Фарзоя и Инисмея. Судя по датам монет, первый был

* Примечательно, что оба предмета найдены на территории Ольвийского государства, т.е. там же, где чеканились монеты Фарзоя.

** Раскопки Я.П.Гершковича 1985 г. Выражаем ему благодарность за предоставленную возможность воспользоваться неопубликованным материалом.

*** Выражаем благодарность В.П.Шиллову за предоставленную информацию.

чепосредственным предшественником второго. Тамга на монетах Фарзоя также говорит о его сарматской этнической принадлежности. Сама схема обоих знаков в принципе одина, в тамге Инисмея лишь центральный круг отличает ее от некоторых тамг Фарзоя. Без сомнения, семантика и смысловая нагрузка обеих тамг связаны между собой. Это предполагает не только однотипность Фарзоя и Инисмея, но и их родственные отношения.

Интересные результаты в этом плане дают тамги боспорских царей Реметалка, Тиберия Евпатора, Савромата II и Рескупорида III. Все они имеют общую нижнюю часть и изменяющуюся верхнюю. Как известно, Реметалку наследовал не его сын Савромат, а Тиберий Евпатор. Последний, как полагают, оспаривал право Реметалка на боспорский трон, и императору Антонину Пию пришлось вызывать Реметалка в Рим для решения вопроса⁴⁹. Он был решен в пользу Реметалка, но, вероятно, с условием, что Евпатор будет наследовать ему. Судя по общей части тамги, Реметалк и Евпатор были родственниками. Трудно с уверенностью сказать, какие причины нарушили обычный закон престолонаследия, но в 154/155 гг. боспорский трон перешел не к сыну Реметалка Савромату II, а к Тиберию Евпатору. Лишь спустя 16 лет Савромат II занял трон своего отца. Возможно, эти осложнения вызваны тем, что ни Реметалк, ни Евпатор не были непосредственными наследниками Котиса II, а принадлежали к какой-то боковой ветви царской семьи и имели равные права на престол (как полагают, Котис II не оставил законного наследника)⁵⁰.

Впрочем, этот краткий исторический экскурс не является целью нашего исследования. Для нас важно другое: особенности тамг перечисленных царей. Тамга Реметалка (рис. 34, 1) состоит из трех вертикальных линий, соединенных по верху горизонтальной, а выступающие верхние концы боковых линий отогнуты в виде крючков (нижняя часть); центральная вертикальная линия нижней части продолжается вверх и оканчивается углом вершиной вниз, от левой ветви которого отходят С-видный завиток, от правой — свисающий отросток (верхняя часть). Тамга его сына Савромата II имеет идентичную нижнюю часть, но центральная вертикальная линия в середине разорвана кольцом; правый свисающий отросток заменен симметричным левому С-видным завитком (рис. 34, 3). Тамга Рескупорида III, сына Савромата II и внука Реметалка полностью аналогична тамге отца, но верхняя часть знака повторяет тамгу деда (рис. 34, 4). Характерно, что знак Тиберия Евпатора, не состоявшего в прямом родстве с Реметалком, Савроматом II и Рескупоридом III, повторяет знак Реметалка (его ближайшего родственника), но центральная прямая разорвана не кольцом, а треугольником (рис. 34, 2). Иными словами, не являлось ли добавление кольца к тамге знаком сыновей принадлежности? Ведь формирование тамги Савромата II идет именно таким путем: к тамге отца добавляется кольцо и свисающий отросток в верхней части заменяется С-видным завитком. А в тамге Рескупорида III, сына Савромата II, наличествует то же центральное кольцо (знак сыновей принадлежности?), но С-видный завиток сменяется свисающим отростком, как в тамге деда. Если же Реметалк и Евпатор были ближайшими родственниками (братьями?), то тогда понятно почти полное сходство их тамг, где лишь центральный треугольник в тамге Евпатора указывает на степень родства.

Обратившись к тамгам Фарзоя и Инисмея, видим ту же схему. К тамге Фарзоя (волюты, соединенные прямой линией) добавлено центральное кольцо — и появляется тамга Инисмея. Монеты Фарзоя непосредственно предшествуют по времени монетам Инисмея. Если это явление отражает исторические события, т.е., если сам Инисмей был непосредственным наследником Фарзоя (скорее всего, так и было), то не был ли он его сыном?

К сожалению, изложенное выше нельзя проверить на материалах знаков других боспорских царей, состоящих в прямом нисходящем родстве. Так, мы не знаем тамги Котиса III, бывшего сыном Рескупорида III. С другой стороны, зная тамги Ининфимия, Фофорса, Радамсада или Рескупорида VI, мы не имеем образцов тамг их ближайших родственников. Предложенная гипотеза, впрочем, не претендует на категоричность, но, как мы видим, сходство отдельных формирующих признаков тамг боспорских царей и Фарзоя и Инисмея говорит о том, что поиск в этом направлении возможен. В.С.Драчук приводит способ формирования тамги вогульского (мансийского) рода Кукиных⁵¹. Петр Кукин, старший в роду, имел тамгу отца (стилизованная лапа филина, рис. 35, 1, 2). Его младший брат прибавил отходящий вверх отросток (рис. 35, 3).

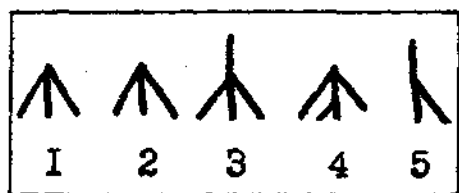

Рис. 35. Тамги рода Кукиных

Сын Петра Кукина добавил отросток в нижней части тамги (рис. 35, 4). В другой линии Кукиных отросток исчезает, и тамга, в основе имевшая папу филина (род "филина"), уже приобретает совершенно иной вид (рис. 35, 5). Таким образом, формирование тамг прямых родственников на основе изменения деталей в тамге родоначальника подтверждается документально.

Если наша гипотеза верна, то это первое свидетельство существования у сарматов наследственной верховной власти, и соответственно зачатков государственности.

Таким образом, погребение у с.Пороги является неоспоримым археологическим доказательством сарматской принадлежности Фарзоя и Инимея. В связи с этим неизбежно встает вопрос — к какому из известных нам сарматских племен они принадлежали? Ответ на него и на ряд других, не менее важных вопросов истории и культуры сарматов региона, содержится в уникальном, без преувеличения, материальном комплексе мужского захоронения из Порогов.

Первое, что бросается в глаза при его изучении — сочетание местных, общесарматских и ярких восточных элементов в обряде и инвентаре. К первым могут быть отнесены северная ориентация, отсутствие заупокойной пищи, то, что оба захоронения впускные (большинство захоронений знати на восточных сарматских территориях основные). Ко вторым — типичный для всех сарматских территорий набор украшений из женского погребения (это обычные ювелирные изделия античных мастерских), к широко распространенным вещам относятся меч с кольцевым навершием, курительницы, зеркало. И наконец, совершенно новое явление для исследуемой территории — катакомба мужского захоронения, золотые поясные гарнитуры, стиль исполнения гривны и кубка, а в особенности лук с костяными накладками и колчаный набор.

Как уже говорилось, порожская катакомба — единственное захоронение этого типа среди сарматских памятников I в. н.э. в Северном Причерноморье в целом и в Северо-Западном в частности. Большинство таких погребальных сооружений сосредоточено на сарматских территориях к югу и востоку от Дона. Яркое выраженный восточный характер имеет и золото из мужского захоронения. Пряжки обоих поясов выполнены в зверином стиле, истоки и ближайшие аналогии которому находим в среднеазиатском (бактрийском? согдийском?) прикладном искусстве. Конструктивные особенности поясов (в частности портупейного) также находят соответствия на восточных сарматских территориях. Весьма показателен и лук с костяными накладками. Это наиболее ранний из луков этого типа, найденных в сарматских погребениях. Выше говорилось о том, что подобное оружие не характерно для сарматов. Скорее всего, немногочисленные луки с костяными накладками попадали к сарматам от их восточных соседей. Еще больше это относится к порожскому колчанному набору. Большинство его наконечников принадлежат к типам, не бытовавшим у сарматов, но широко представленным в Средней Азии и еще восточнее — в минусинских, тувинских и монгольских степях. Без сомнения, лук и колчаный набор из Порогов попали в Поднестровье откуда-то с востока непосредственно в их хозяйном. Если такие вещи, как золотые украшения и могилы, переходя из рук в руки, распространяться, так сказать, опосредованно, то набор стрел никак не смог бы проделать такой долгий путь — он был бы попросту израсходован. Следовательно, колчаный набор из Порогов, по происхождению связанный скорее всего с заволжско-среднеазиатскими территориями, попал оттуда в Поднестровье вместе со своим владельцем. Более того, этот набор, помимо прямого назначения, служил и своего рода реликвией — ведь стрелы не были израсходованы, они хранились, как хранился и лук. Главным подтверждением этому является полное отсутствие подобного оружия на исследуемой территории, его уникальность, несмотря на большое количество исследованных сарматских воинских могил. На наш взгляд, порожская находка служит как нельзя лучшим подтверждением мысли Е.В.Черненко и Д.С.Раевского о сакральном характере лука у ираноязычных кочевников и о передаче его по наследству (см. гл. II). Вероятно, и оба пояса также попали сюда вместе с их владельцем с востока. Одна из пряжек парадного пояса (правая) является копией, искусно сделанной для замены утраченного оригинала. От старого комплекта сохранилась одна пряжка

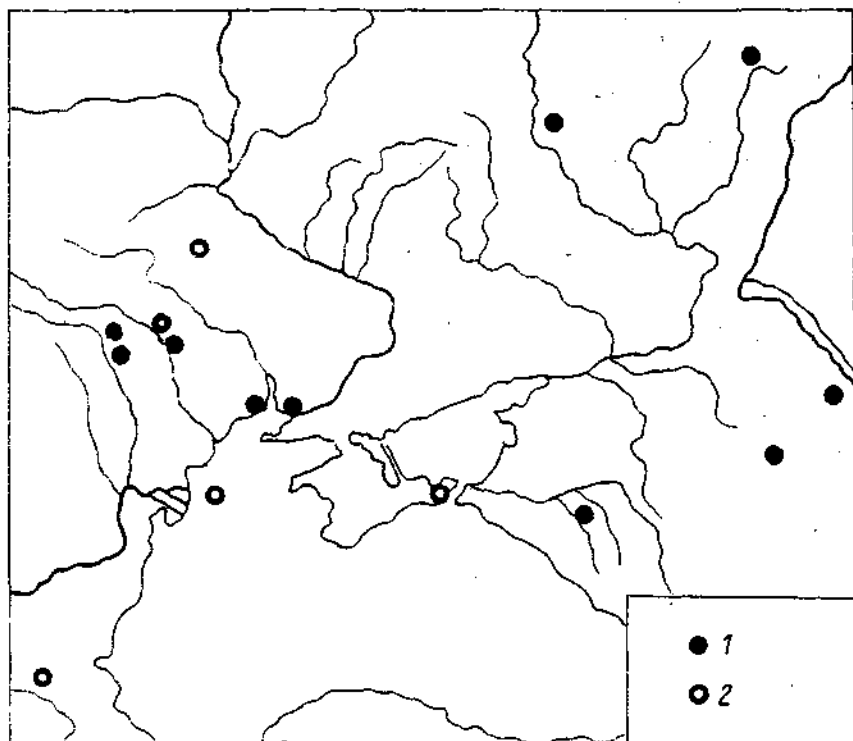

Рис. 36. Топография тамг схемы Фарзоя и Инисмея:
1 — тамги схемы Фарзоя; 2 — тамги схемы Инисмея

(левая), по ней-то и была воспроизведена вторая. Об этом говорит ряд мелких деталей, выявленных при внимательном изучении обеих пряжек. Та, что была сделана позже, отличается отсутствием проработки зубов в пасти грифона, на ней менее тщательно смоделированы лапы и крылья, отверстие для застегивания не облицовано изнутри золотом, бирюзовые вставки заменены пастой. Повторив изделие в общих чертах, местный мастер все же не смог достигнуть полного сходства в деталях.

Итак, особенности мужского захоронения из Порогов говорят о том, что погребенный в нем вождь являлся выходцем с восточных — скорее всего поволжских — сарматских территорий, население которых тесно контактировало со среднеазиатской средой.

Примечательна и топография тамг схемы Фарзоя и Инисмея. Первые, помимо Северо-Западного Причерноморья, встречаются на восточных территориях сарматов — в Поволжье и Прикубанье (рис. 36). Имеются на востоке и тамги схемы Инисмея. Это прежде всего знаки на хорезмийских монетах конца II—I в. до н.э.⁵² Как и на тамге Инисмея, здесь присутствуют волюты в нижней части, центральный круг и измененная верхняя часть. Б.И.Вайнберг и Э.А.Новгородова совершенно справедливо считают знаки на монетах Хорезма связанными с правящими сарматскими династиями ("юзжи дома Чжаову", по китайским источникам)⁵². Проникновению сарматов в Среднюю Азию во второй половине II в. до н.э. и их дальнейшей судьбе там посвящена обширная литература⁵³, и мы не считаем нужным повторяться. Несомненно одно — тамги на монетах Фарзоя и Инисмея близки тамгам, найденным на востоке и связанным также с сарматами. В I в. н.э. на этих территориях локализируются аорсы и аланы.

Первые данные об аорсах как обитателях степей Подонья, Поволжья и Прикаспия содержатся в "Географии" Страбона. Мы не станем останавливаться на этом широко известном источнике, равно как и на многочисленных работах, посвященных локализации аорсов, по Страбону — вопросы эти в целом решены и уже не вызывают дискуссии. Следующий по времени источник, данные которого можно связывать с аорсами — "Землеописание" Помпония Мелы (закончено до 44 г. н.э.). Согласно Меле, в том месте, где "изгиб ее (Меотиды. — А.С., Б.Л.) пересекает река Булес, живут... агафирсы и савроматы, называемые амаксобидми"⁵⁴. На первый взгляд, этот термин ("живущие

в повозках") не является этниконом, он лишь уточняет образ жизни "савроматов" Мелы (о том, что он имел в виду сарматов, пишет в примечании В.В.Латышев)⁵⁵. Но современник Мелы Плиний Старший, описывая племена, живущие к северо-востоку от Истра, совершенно определенно указывает, что амаксобии — одно из наименований аорсов: "...амаксобии или аорсы..."⁵⁶ Эти данные позволили Д.А.Мачинскому отождествить (на наш взгляд, совершенно справедливо) амаксобиев Мелы и аорсов других авторов⁵⁷ и реконструировать некоторые этнополитические изменения в Северном Причерноморье на рубеже н.э. (к этим взглядам Д.А.Мачинского мы еще вернемся).

Следующий источник, где упоминаются аорсы — данные Корнелия Тацита о римско-боспорском конфликте 49 г. н.э., в котором аорсы участвовали на стороне римлян⁵⁸. Аорсы Тацита локализуются в Нижнедонских степях. Это последнее упоминание их в трудах древних авторов под таким названием. Однако в "Географическом руководстве" Птолемея (вторая половина II в. н.э.) на восток от Меотиды — "внутрь страны" — помещаются амаксобии и скифы-аланы⁵⁹. Наконец, Певтингеровы таблицы и Хроника Ипполита Римского (первый источник относится ко II — первой половине III в. н.э.) отмечают амаксобиев на Среднем Дунае⁶⁰.

Тождественны ли амаксобии Птолемея и амаксобии двух последних источников аорсам? Судя по уточнению Плиния, — да, и Д.А.Мачинский убежден в этом. Он полагает, что аорсы-амаксобии появились в Днепро-Донском междуречье во второй половине I в. до н.э. — первой половине I в. н.э. и видит причину перемещения части аорсов на запад во вторжении аланов на аорские земли. Археологическим свидетельством обитания аорсов в причерноморских степях исследователь считает Молочанский и Усть-Каменский могильники, имеющие много общего с более восточными сарматскими памятниками. Первый, возникший в I в. до н.э., соответствует, по Д.А.Мачинскому, амаксобиям Мелы, а второй отмечает дальнейшее передвижение аорсов на запад.

Подобных взглядов придерживается М.Б.Шукин⁶¹. Верно отмечая резкое увеличение сарматских памятников за Днепром во второй половине I в. н.э., он связывает их с перемещением сюда с востока крупной группировки сарматских племен (аорсы-амаксобии Плиния).

К аорсам относит некоторые памятники Северного Причерноморья (Запорожский курган) и В.П.Шилов⁶², также привлекая в качестве исторического источника данные Плиния.

Таким образом, существует точка зрения о перемещении в степи Северного Причерноморья части аорсов, исконные земли которых находились восточнее, в поволжско-донских-прикаспийских степях. Д.А.Мачинский считает, что аорсы передвигались постепенно, начиная с конца I в. до н.э., а М.Б.Шукин относит их передвижение к середине — второй половине I в. н.э. и ставит в связь с событиями 49 г. н.э. на Боспоре. Оба исследователя в качестве одной из причин, побудивших аорсов к движению на запад, видят давление аланов с востока. Когда же аланы появились на аорских землях?

Традиционно считается, что наиболее ранними источниками, сообщающими об о б и т а н и и аланов на Северном Кавказе или в Предкавказье, являются данные Марка Аннея Лукана (39—65 гг. н.э.) и Валерия Флакка (вторая половина I в. н.э.). Однако некоторые исследователи подвергают сомнению надежность этих источников⁶³. Действительно, произведения Лукана и Флакка не более чем эпические поэмы, вовсе не претендующие на документальность, да и не имевшие ее целью. В первой один из ее героев, Помпей, утверждает, что он "преследовал суровых и вечно воинственных аланов", "стремясь" к Каспийским воротам, т.е. к Дербентскому проходу⁶⁴. Даже если предположить, что слова Помпея произнесены в действительности, а не вложены ему в уста автором произведения, то речь идет о событиях 60-х гг. до н.э. в Закавказье и Парфии. Именно там, а не на Северном Кавказе, находился театр военных действий, и только отсюда Помпей мог "стремиться" к Дербентскому проходу. Поэма же Валерия Флакка является переложением мифа об аргонавтах и, в лучшем случае, отражает известную автору этническую номенклатуру того времени. Не совсем объективны и привлекаемые в качестве источника данные Сенеки и Плиния. Принято считать, что эти авторы отмечают пребывание аланов во второй половине I в. н.э. уже на Дунае⁶⁵. "Вестник" Сенеки — трагедия, т.е. опять-таки не документ, отражающий достоверные факты. Его пассаж об аланах звучит так: "...Здесь Истр, представляющий пути к бегству диким аланам"⁶⁶. Как видим, ничего конкретного именно об обитании аланов на Истре Сенека

не сообщает. Даже если не считать эти строки поэтической метафорой (Сенека мог иметь в виду сарматов вообще, но назвать их известным ему этнонимом), то следует согласиться с В.В.Латышевым, что аланы Сенеки — обитатели прикаспийских и северокавказских степей, которые совершали набеги на дунайские границы империи⁶⁷. Таким образом, и Лукан, и Флакк, и Сенека скорее всего использовали известный им этноним "аланы" для создания некоего образа, символа врага — варвара, отнюдь не конкретизируя место его обитания, а, может быть, и не располагая точными сведениями о нем. Нетрудно заметить, что и сведения Плиния о локализации отдельных племен в его этнокарте неопределенны и в значительной мере путаны⁶⁸. Обратимся к пассажу Плиния, в котором идет речь об аорсах и аланах (пер. М.В.Скржинской⁶⁹). "В целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других — сарматы, по-гречески савроматы (в их числе гамаксобии или аорсы), в третьих — выродившиеся и происшедшие от рабов скифы или троглодиты и затем — аланы и роксоланы". Мы видим, что Плиний весьма расплывчато локализует народы "к северу от Истра" — в одних местах (каких? — А.С., Б.Л.) такие-то, в других — такие-то⁷⁰. Тем не менее, если даки и аорсы упоминаются вместе и в непосредственной близости от Истра (судя по порядку перечисления), то аланы и роксоланы — в последнюю очередь, "затем". Можно ли думать, что такая очередность отражает меру удаленности тех или иных названных Плинием народов от устья Истра? Однозначно на этот вопрос ответить мы затрудняемся. Ведь знания Плиния об этом регионе получены им не непосредственно на месте (он никогда не был в Мезии), а почерпнуты из каких-то (скорее всего военных) документов середины I в. н.э.⁷¹ Не исключено, что неизвестный автор оригинала — римский офицер или чиновник — перечислял или просто называл в соответствующем месте этого документа те или иные племена, не указывая их местожительства, или указывая неточно либо неупорядоченно. При работе Плиния над источником он получил авторскую транскрипцию, т.е. еще более отклонился от истины, и в результате мы не можем сейчас однозначно локализовать перечисленные Плинием племена. Впрочем, внимательный анализ пассажа Плиния предполагает еще один вариант их локализации. Мы имеем в виду то место текста, где он пишет: "...места, прилегающие к побережью..." (разрядка наша. — А.С., Б.Л.). Традиционно считается, что Плиний подразумевает побережье Истра. Но в авторском оригинале это не уточняется. Что, если Плиний говорит о побережье Понта ("в целом, к северу от Истра... однако места, прилегающие к побережью [Понта]...")? Тогда все как-будто проясняется: к северу от Истра (бассейны Сирета и Прута) обитают даки, далее по побережью Понта — аорсы-амаксобии (степи между речью Днестра и Днепра), "выродившиеся и происшедшие от рабов скифы или троглодиты" — позднескифское население Нижнего Днепра (вероятно, их "вырождение" и происхождение от рабов — дань литературной традиции), а "затем", т.е. за Днепром, — аланы и роксоланы. Характерно, что при дальнейшем описании населения Меотиды и Танаиса, т.е. мест, где в это время аорсы и аланы прослеживаются и по историческим (см. ниже), и по археологическим⁷² данным, Плиний ни слова не говорит о них, ограничиваясь нейтральным и устаревшим "савроматы и эседоны" (что явно указывает на компиляцию какого-то ионийского источника).

Наконец, последним источником I в. н.э., содержащим сведения об аланах, является "О войне иудейской" Иосифа Флавия. Следует сказать, что и по своему характеру, и по тексту именно он представляется наиболее достоверным в части локализации аланов. Рассказывая об их походе в Закавказье в 72 г. н.э. (события, в реальности которого никто не сомневается), Иосиф Флавий, не мудрствуя лукаво, пишет: "...Племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера"⁷³, т.е. на Нижнем Дону. Правда, сомнительно, чтобы этот могущественный союз занимал столь ограниченную территорию. Археологические памятники, связываемые с аланами, известны и в Прикубанье⁷⁴.

Таковы исторические свидетельства об аорсах и аланах в Северном Причерноморье. Разумеется, предложенный анализ не претендует на исчерпывающее решение аорско-аланской проблемы, которая, как совершенно верно заметил А.С.Скрипкин, весьма сложна⁷⁵. Наши рассуждения имели целью показать, что если аорсы (или часть их) и покинули свои исконные земли, откочевав на запад под давлением аланов, то это событие не может относиться ко времени ранее середины I в. н.э., ибо более ранних свидетельств появления аланов в Подонье — Причерноморье нет.

Однако неверно было бы полагать, что аланы, появившись на землях аорсов, в очень короткий срок вытеснили последних на запад. Без сомнения, продолжительное время они сосуществовали и контактировали, причем начало этих контактов правомочно отнести и ко времени, предшествовавшему непосредственному приходу аланов на аорские земли. Исследователи подчеркивают, что аорсы быстро переняли некоторые традиции и вкусы аланской верхушки⁷⁶. Проявилось это в распространении украшений характерного "бирюзово-золотого" звериного стиля, яркие образцы которого найдены в Порогах. Показательна в связи с этим находка такого изделия в типично местном (аорском, по А.С.Скрипкину) погребении Никольского могильника⁷⁷. Такие же изделия найдены в Запорожском кургане и ряде погребений II в. до н.э. — I в. н.э. в междуречье Дона и Волги⁷⁸. Иными словами, если новая мода (среднеазиатского происхождения) и была принесена в Причерноморье-Приазовье аланами, то она быстро распространилась среди их соседей аорсов. Этническое смешение аланов и аорсов нашло свое отражение в термине Птолемея "аланорсы"⁷⁹. Отсутствие четких отличий в материальном комплексе и погребальном обряде конкретных сарматских племен, всегда затруднявшее выделение их памятников, привлекает внимание к отдельным инновациям (некоторым типам вооружения, украшениям, распространению тех или иных видов импорта, тамгам), которые, будучи скоррелированы с данными письменных источников, могут наметить связь их с определенными племенами или племенными союзами, известными из этих источников.

Как уже говорилось, резкое увеличение сарматских памятников за Днепром, начавшееся со второй половины I в. н.э., было поставлено в связь с приходом сюда мощной сарматской орды. Данные Мелы и Плиния как-будто позволяют отождествить ее с аорсами. Интересные результаты в этом плане дает археологический анализ этих памятников. Многие из них имеют отчетливо выраженный восточный облик. Помимо погребений у с.Пороги и в Запорожском кургане, восточные черты прослеживаются в таких памятниках этого времени, как Траяны, Цветна 1896*, Камова Могила, Беляевка, Михайловка, Грушка, некоторые захоронения Усть-Каменского могильника. Первые два комплекса найдены случайно, поэтому мы не имеем данных о погребальном обряде. В Траянах, помимо таких географически распространенных вещей, как бусы, бронзовый котел и римский ковш, найдены зеркало с валиком по краю и ручкой-штырем и большие бронзовые колокольчики. Такие зеркала, относящиеся к VIII типу, по классификации А.М.Хазанова⁸⁰, происходят, по его мнению, с востока. Правомочность такого заключения подтверждает распространение этих зеркал в основном в поволжско-донских памятниках и находки их в азиатских могильниках (в частности, Тилля-Тепе). Известные нам аналогии большим бронзовым колокольчикам происходят из могильника Высочино** и погребения на участке И.П.Харина близ Хатажукаевского аула⁸¹ на Кубани. Во всяком случае, в сарматских могилах Северного Причерноморья таких вещей нет.

В находке 1896 г. из Цветны выделяются вещи, составлявшие гарнитуру парадного пояса, подобного порожскому. Это полихромные пряжки, наконечник свисающего ремня, набивные бляшки и кольца. Пояса такого типа известны опять-таки на Дону и в Поволжье.

Исследованное близ Кривого Рога погребение в кургане Камова Могила в составе инвентаря имеет фибулу-брошь, основной ареал которых Прикубань⁸², сероглиняный кувшин, происходящий отсюда же, зеркало, подобное траянскому. Ориентация погребения — головой на запад — также не характерна для Северного Причерноморья.

Погребение в Беляевке⁸³ и Михайловке совершены в деревянных колодах, чрезвычайно редких в днепро-дунайских степях, но обычных на Дону. В Михайловке, кроме того, найдены граненые браслеты с расширяющимися концами, ближайшие аналогии которым имеются в Тилля-Тепе.

Погребение у с.Грушки в Молдавии было разрушено до исследования. В составе его инвентаря, помимо золотых бляшек широко распространенной формы и сильно-профилированной фибулы, есть серебряный предмет с тамгой схемы Фарзоя, назван-

* В с.Цветна в разное время найдено два сарматских комплекса: в 1885 г. бронзовые котел, ойнахоя и ковш, а в 1896 г. — серебряная чаша и множество мелких предметов (пряжки, украшения, бусы и т.д.), происходящие из другой могилы. По недоразумению они часто объединяются в один.

** Материалы не опубликованы, раскопки Е.И.Беспалого.

ный автором публикации фаларом. Это полусферическая чаша, на противоположных краях которой с внешней стороны подвижно закреплены на одном краю — два, а на другом — одно кольцо⁸⁴. В.И.Гросу недалек от истины — это не фалар, но вещь, также имеющая отношение к снаряжению коня — бляха подперсыя, т.е. одного из видов нагрудника. Единственная аналогия этому изделию — такая же, но золотая полихромная бляха из могильника Дачи⁸⁵ на Нижнем Дону.

Тамги схемы Фарзоя и Инисмея, помимо Северо-Западного Причерноморья, известны далеко на восток — в Поволжье, Подонье, Прикубанье, т.е. там, где и обитали аорсы (относительно последнего региона, традиционно связываемого с сираками, следует заметить, что аорсы воевали там в 49 г. н.э. Не исключено, что погребение в Хатажукаевском ауле и отмечает именно это).

Перечисленные памятники датируются второй половиной I в. н.э. Нетрудно заметить связь между историческими событиями, о которых шла речь выше, и археологическим материалом. Некоторые исследователи связывают появление характерных черт материального комплекса ("бирюзово-золотой" стиль, зеркала VIII типа и пр.) с аланами⁸⁶. Однако они не отрицают и возможности распространения этих инноваций в культуре аорсов. Отнюдь не настаивая на этом категорически, мы полагаем, что анализ письменных источников не дает возможности видеть в племенах, пришедших, по нашему мнению, в середине I в. н.э. в степи Днепро-Днестровского междуречья, аланов — в это время они только появляются в Поволжье и на Дону. Дата проникновения сарматов за Днепр основана на датировке монет Фарзоя — 60–70-е гг. н.э.⁸⁷ Как мы убедились, имя этого правителя правомочно связывать с восточной ордой на основании топографии тамг. С другой стороны, между утверждением власти Фарзоя в степях Побужья — Поднестровья и началом чеканки монет должен быть промежуток времени — вряд ли Фарзой сразу по прибытии поставил Ольвию в зависимость от своего объединения. Поэтому логично считать середину I в. н.э. временем появления новой орды с востока за Днепром. Не противоречит такому рассуждению и анализ работы Плиния. Она закончена им не позже 79 г. н.э. (год смерти Плиния) но, если свою информацию об аорсах автор получил из какого-то источника, то, естественно, несколько раньше. Говорить об обитании алан в степях между Южным Бугом и Дунаем в середине I в. н.э. не совсем обоснованно. Скорее всего, приход новой сарматской орды с востока в Северо-Западное Причерноморье правомочнее связать с аорсами.

Если наша гипотеза о том, что Инисмей был сыном Фарзоя верна, то не исключено, что лук, стрелы и гарнитура поясов из пороожского захоронения попали в Северо-Западное Причерноморье с Фарзоем, возглавлявшим перекочевавших сюда аорсов, а затем перешли по наследству к Инисмею. Мы не настаиваем на такой конкретной реконструкции, но связь тамг из Северного Причерноморья с более восточными, а также уникальных для этой территории, но обычных на Востоке вещей и исторических событий, в которых в I в. н.э. принимали участие аорсы, несомненна.

ГЛАВА IV
ОЧЕРК ИСТОРИИ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I В. Н.Э.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ

Сарматы как основная политическая сила в степях Днепровского Правобережья играли значительную роль в истории Северо-Западного Причерноморья в первые века н.э. Наряду с гето-дакийскими племенами они служили мощным барьером, противостоящим экспансии Рима в этом регионе. Сарматское окружение Тиры, Никония, Ольвии также не могло не оказать влияния на экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в этих полисах в первые века н.э. Иными словами, сарматы были неотъемлемой частью сложного и динамичного социально-этнического организма, каковым являлось население территорий, примыкавших к дунайским границам Римской империи.

Как отмечалось, I в. н.э. — определенного рода веха в истории и культуре сарматов. В это время, археологически отмеченное концом прохоровского и началом суеловского этапов сарматской культуры, на территории Сарматии происходят коренные перемены, связанные с приходом новых кочевых орд, сменивших потомков прохоровских племен и принесших этнические и культурные инновации в сарматскую среду. Эти племена — выходцы из восточных районов евразийских степей — связываются рядом исследователей с аланами¹. Новая культура в короткое время широко распространилась в сарматской среде, а ее носители заняли место ведущей политической силы сарматского общества. В I в. н.э. произошло и другое событие, надолго определившее историческую судьбу региона, — тесный военно-политический контакт сарматских племен с Римской империей на ее восточных границах — в Подунавье и Закавказье. Таким образом, I в. н.э. во многих отношениях — время коренных перемен в истории сарматов и окружающих их государств и народов, и именно это определило хронологические рамки нашего исследования. Разумеется, на их выбор, помимо вышеизложенных соображений, повлияла и дата пороожских захоронений.

Перед тем как приступить к анализу истории сарматов исследуемой территории в указанный период, необходимо затронуть ряд вопросов, связанных с предшествующими временами и событиями и, в первую очередь — вопрос о времени проникновения сарматов в степи за Днепром. Сделать это тем более необходимо, поскольку однозначного ответа на этот важнейший вопрос истории сарматов Северного Причерноморья до сих пор нет. Точки зрения исследователей, занимающихся этой проблемой, не совпадают. Сторонником очень ранней (III—II вв. до н.э.) даты переселения сарматов в степи западнее Днепра был К.Ф.Смирнов. Предлагая видеть в саях, фиссаматах и савдарагах ольвийского декрета в честь Протогена сарматов, он считал, что этот документ является свидетельством обитания последних в степях Побужья уже на рубеже III—II вв. до н.э.² Подобных взглядов придерживается и В.И.Костенко³. К более позднему времени относят проникновение сарматов в Поднепровье и Подунавье Э.А.Рикман, В.И.Гросу, А.В.Гудкова и М.М.Фокеев. Согласно их точке зрения, это событие относится к последним годам до н.э. — рубежу н.э.⁴ А.Н.Дзиговский, однако, не считает возможным датировать освоение сарматами Днестро-Дунайского междуречья временем ранее I в. н.э.⁵ Столь различные точки зрения базируются, как мы увидим, на сопоставлении одних и тех же исторических и незначительно различающихся археологических источников. Поскольку декрет в честь Протогена является, по мнению К.Ф.Смирнова и других исследователей, одним из свидетельств пребывания сарматов в Северо-Западном Причерноморье, целесообразно вернуться к его анализу. При этом мы стараемся в точности придерживаться текста декрета, основные сведения которого, к сожалению, не совсем адекватно проанализированы К.Ф.Смирновым.

Декрет в честь Протогена содержит упоминания о населении, контактировавшем с Ольвией примерно на рубеже III—II вв. до н.э. Точную дату этих событий установить трудно. Однако, если сам декрет датируется первым десятилетием II в. до н.э.⁶ (эта

точка зрения, на наш взгляд, наиболее обоснованна), то, судя по контексту, деятельность Протогена протекала в последней четверти III — первых годах II в. до н.э. В это время некий царь Сайтафарн прибыл в Канкит (локализация этого пункта затруднительна, судя по дальнейшему тексту, он мог находиться где-то на противоположном берегу лимана), проезжая мимо Ольвии. "По случаю проезда" он потребовал даров, средства на которые и дал Протоген. Спустя какое-то время Сайтафарн во главе "множества" саев вновь потребовал даров; при снаряжении посольства ольвиополиты испытывали финансовые затруднения, которые могли повлечь за собой "большие неприятности" для города, т.е. несомненно военные санкции со стороны Сайтафарна. Протоген выручает казну Ольвии. В следующий раз ("при жреце Плистархе") Сайтафарн, явившись "на ту сторону", вновь требует даров, и опять Протоген не только дает нужную сумму, но и принимает участие в посольстве. Вероятно, невзирая на старания Протогена и ольвиополитов, дань показалась Сайтафарну недостаточной, он "разгневался и выступил в поход". Результаты похода нам неизвестны, но вряд ли он дешево обошелся городу, судя по критическому положению ольвийской казны и тому, что "народ... пришел в ужас...".

Во второй части декрета говорится об угрозе, нависшей над Ольвией, в результате того, что "галаты составили союз со скирами". Судя по контексту, где упоминается "предыдущая война", галаты, как враги, были уже известны населению региона, и их нынешний союз со скирами (германским племенем) не сулил ничего хорошего. Окружавшие Ольвию скифы, савдараты и фиссаматы ищут убежища за ее стенами, но ольвиополиты отказывают им. Такое решение, вероятно, продиктовано тактическими соображениями. Наличие в осажденном городе больших масс "гражданского" населения ослабляет обороноспособность; помимо того, что появляется множество "лишних ртов" для ограниченного количества съестных запасов и воды, могут возникнуть и такие последствия осады, как паника, пораженческие настроения изнуренных и деморализованных людей, эпидемии и, как следствие этих факторов — опасность, угрожающая тылу защитников города. Кроме того, просившие убежища скифы, савдараты и фиссаматы, вероятно, не пользовались особым расположением ольвиополитов, предпочитавших думать более о собственной безопасности. Впрочем, на сей раз, судя по декрету, угроза так и осталась угрозой — сведений о нападении галатов и скиров на Ольвию в нем нет.

Упоминаемые в декрете саи, фиссаматы и савдараты, по мнению некоторых исследователей, являлись сарматами. В саих видели "царских сарматов" Страбона и Аппиана Ф.Браун, Я.Харматта, Ф.Слюсаренко, сарматами считал их К.Ф.Смирнов⁷. Отправной точкой послужили соображения лингвистического порядка. Иранское "хсаја", означающее "царь" и его синонимы, справедливо связывалось исследователями с некой "царской" группой ираноязычного населения ("царские скифы", "царские сарматы"). На сарматскую принадлежность саев указывает будто бы имя их вождя Сайтафарна. Корень "фарн" в иранских языках означает "удача", "счастье"⁸. Хотя это понятие общеиранское, считается, что оно более присуще среднеазиатско-сарматской среде⁹. Таким образом, саи Сайтафарна — это "царские" сарматы, по мнению К.Ф.Смирнова и других исследователей.

Следует сказать, что эта точка зрения по-своему уязвима. Прежде всего и "хсаја", и "фарн" — понятия, как говорилось выше, общеиранские и употреблялись в равной степени всеми ираноязычными народами. "Царские" сарматы, как и "царские" скифы — господствующая группа кочевого населения, аристократический род или племя, считающее "прочих... своих рабами" (Геродот), т.е. "царские" скифы или сарматы не столько этническое, сколько политическое и социальное явления. Корень же "фарн" присутствует в таких не принадлежавших сарматам именах, как Фарнак и Арифарн (правда, Ю.М.Десятчиков считает последнего сираком, т.е. сарматом)¹⁰. Тем не менее в Степном Причерноморье нет иных археологических памятников какого-либо кочевого объединения времени декрета в честь Протогена, с которыми можно было бы связать саев, кроме сарматских. Эти соображения заставляют нас согласиться с предположением К.Ф.Смирнова и других исследователей о сарматской принадлежности саев и Сайтафарна, с той оговоркой, что они не обитали в описываемое время в бассейне Южного Буга. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Сарматская принадлежность савдаратов и фиссаматов, предложенная Ф.Укертом¹¹ и разделяемая другими исследователями, весьма гипотетична. Основана она на созвучии названий этих групп населения с этниконом "савроматы". Прежде всего ни в одном

источнике (как до, так и после декрета в честь Протогена) эти названия не упоминаются. Что касается созвучия, то, например, этникон "галаты" также близок "фиссаматам" и "савдаратам". Последний, по трактовке В.И.Абаева¹², означает "носящие черные одежды", т.е. иранский эквивалент эллинского "меланхлены". Уверенно можно сказать лишь одно — это группы какого-то ираноязычного населения, обитавшие в пределах ольвийского государства, название которых зафиксировал резчик декрета в честь Протогена (не исключена и ошибка резчика, что предполагал Ф.К.Брун)¹³. Мы намеренно избегаем термина "племена", который иногда применяют к фиссаматам и савдаратам¹⁴. В тексте декрета называются лишь этникины, на основании которых делать выводы о существовании племен преждевременно. Скорее всего, речь шла об обитателях ольвийской округи, хорошо известных авторам текста декрета, место жительства которых могло быть ограничено несколькими поселениями. Отсутствие на исследуемой территории сарматских памятников этого времени не позволяет считать фиссаматов и савдаратов сарматами, как бы ни были похожи эти названия. Не следует забывать, что ираноязычное население (скифское) известно здесь с VI в. до н.э., и перечисленные в декрете этникины в равной (а может, и в большей) степени могут относиться к нему. Этимология термина "савдараты" заставляет предполагать, что в декрете переданы не этнические или племенные наименования, а те названия, под которыми окружавшие Ольвию группы местного населения были известны ольвинополитам.

Интересные соображения относительно фиссаматов и савдаратов высказал В.М.Отрешко¹⁵. Он справедливо заметил, что, будь они кочевниками-сарматами, их вряд ли напугала бы перспектива столкновения с галато-скирским войском. Как пример исследователь приводит тактику скифов в войне с Дарием и результат этой войны. Действительно, номады, всегда обладавшие высоким военным потенциалом, не стали бы искать защиты в стенах античного города. Ни состав войска, ни тактика кочевников не дали бы им и их союзникам в этом случае никаких преимуществ. Даже будучи слабее врага, фиссаматы и савдараты-кочевники могли бы в крайнем случае оторваться от него и перейти к тактике изматывания противника отступлением и непрерывными нападениями на коммуникации, обозы и войска на марше. Судя по сложившейся ситуации, названные в декрете скифы, савдараты и фиссаматы представляли часть оседлого населения, и их военный потенциал не давал им возможности самостоятельно бороться с сильным врагом. Вероятно, с ними следует связывать поселения оседлых соседей Ольвии, либо немногочисленные позднескифские памятники этого времени.

Примечательно, что сая Сайтафарна, фиссаматы и савдараты никак не связаны между собой текстом декрета. На то, что они были союзниками¹⁶, в нем нет и намёка. Более того, операции саяв, судя по контексту, являлись совершенно самостоятельными действиями и представляли для Ольвии такую же угрозу, как и поход галатов. Сая не боялись нападения последних, как полагал К.Ф.Смирнов, связывая саяв, фиссаматов и савдаратов. Исходя из текста декрета, можно предполагать, что действия саяв и угроза нападения галатов не совпадали по времени и не были взаимосвязанными событиями.

К.Ф.Смирнов предложил видеть в саях Сайтафарна сарматов. Это не исключено. Сарматы, базируясь на кочевья Дона, вполне могли совершать набеги на причерноморские античные города и сельские поселения. Кажущаяся отдаленность нижнедонских степей и, например, Ольвии не должна смущать. Это расстояние всадники с заводными лошадьми (а в том, что сарматы их имели, убеждают не только логические соображения и этнографические параллели, а и данные письменных источников¹⁷) могли преодолеть за самое короткое время. Длина непрерывного пробега лошадей некоторых аборигенных степных пород, близких по типу сарматским, по данным С.В.Афанасьева и В.Н.Ляхова, следующая: монгольская — 72 км в день, казахская — 222 км в сутки (скоростной пробег, рекорд), алтайская — 80–100 км за 15–17 часов¹⁸. По легенде, переданной Полиеном, всадники сарматской царицы Амаги, двигаясь о-двуконь, за сутки преодолели 1200 стадиев. Если принять мнение Л.В.Фирсова, что стадий Полиена равен 155–160 м¹⁹, то за сутки сарматы Амаги прошли около 190 км. Интересные данные получены Е.В.Черненко при исследовании похода Дария в Скифию. Он доказал, что персидские войска Кира и Дария проходили соответственно около 23,5 и 35–36 км в день²⁰. Он же приводит данные о походе Тимура против Тохтамышша в 1391 г., когда войска Тимура за 4,5 месяца прошли около 2400 км²¹. Следует учитывать и состав войск, где, кроме конницы, были пехота и большие обозы, что и обусловило столь невысокий

темп продвижения. Кроме того, войска персов и Тимура останавливались на длительные дневки. Сарматские набеги, в которых, без сомнения, участвовали только всадники, были гораздо быстротечнее. Конечно, данные Птолемея могут быть завышены. Но точный переход в 50–70 км для сарматской конницы вполне реален (см. данные С.В.Афанасьева и В.Н.Ляхова). В таком случае расстояние от степей Нижнего Дона до Ольвии (около 700 км) сарматы могли преодолеть за 10–12 дней. Иными словами, декрет в честь Протогена не может быть неоспоримым свидетельством того, что сарматы (если саев Сайтафарна считать таковыми) уже в конце III–II вв. до н.э. обитали западнее Днепра. Ведь на основании набегов крымских и ногайских татар в XVI–XVII вв. на земли Московского государства и Украины мы не говорим об обитании их, скажем, под Можайском или Фастовом.

Данные декрета в честь Протогена — неоценимый источник, свидетельствующий о развитых даннических отношениях между кочевыми племенами и античными полисами Северного Причерноморья. "Дары", взимаемые Сайтафарном, являются ничем иным, как данью, и, судя по декрету, дань эта была регулярной.

Внешнеэксплуататорская деятельность — один из основных (если не главный) источников получения прибавочного продукта у кочевников²². Экстенсивное скотоводство не обеспечивало стабильного и высокого уровня благосостояния общества. Скот как легко отчуждаемый продукт мог быть утрачен в результате набега врага, эпизоотии, неблагоприятных климатических условий (жух, засуха). Кроме того, кочевники всегда нуждались в продуктах земледелия и ремесел, не имевших развития у них в силу специфики кочевого образа жизни (гончарное, металлообрабатывающее, ювелирное и др.). Эти факторы, при несомненном военном преимуществе номадов — их рожо вооруженное, многочисленное и искусное в военном деле конное (что немало важно) войско — привели к тому, что главным способом получения прибавочного (а иногда и необходимого) продукта стали различные формы внешнеэксплуататорской деятельности. При большом многообразии видов ее основой было применение или угроза применения военной силы. Взимание дани, контрибуций, контроль торговых путей и самой торговли, различные формы протекционизма, всевозможные регулярные и нерегулярные подарки, наконец, прямой военный грабеж — вот база, на которой складывалось благосостояние кочевой знати. Сохранение родо-племенной структуры и консервация родовых общественных отношений создавала ей опору в среде рядовых общинников, а формальное участие в доле добычи всего войска (хотя большая часть, конечно, попадала в руки знати) и идеологическое оформление "права войны", культивируемое номадами, когда грабеж и война считаются делом почетным и престижным, всегда обеспечивали кочевников боеспособными, умелыми и беспощадными к врагам воинами.

Данные декрета содержат информацию о двух формах внешнеэксплуататорской деятельности. Это, во-первых, регулярная дань, за которой неоднократно является Сайтафарн во главе саев. Примечательно, что она выплачивается не только царю, но и "скиптроносцам", его военачальникам. Сведения о получении сарматами дани, т.е. о существовании у них даннической эксплуатации, имеются (хотя и в незначительном количестве) у древних авторов. По данным Корнелия Тацита, котины и осы платили дань паннонским сарматам (скорее всего, языгам, — А.С., Б.Л.) и их союзникам квадам²³. Элий Спартиан сообщает, что в 117 г. в Мезии роксоланы были недовольны уменьшением дани, и императору Адриану пришлось вести переговоры с их предводителем Распараганом²⁴. Под угрозой применения оружия римлянам "по разбору дела" пришлось "заключить мир", т.е. сарматы не согласились на уменьшение дани. Свообразная форма даннических отношений отмечена Страбоном для ираноязычных даев. Племя апарнов, нападавшее на Гирканию, Несею и Парфию, в виде дани получило от правителей этих стран "дозволение в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу"²⁵. Даннические отношения у сарматов как одна из форм внешнеэксплуататорской деятельности никем из исследователей не подвергаются сомнению²⁶. Не исключено, что именно в этом выражались взаимоотношения сарматов с населением зарубинецкой культуры²⁷ и античных полисов Северного Причерноморья.

Во-вторых, Сайтафарн потребовал даров и "по случаю проезда". Это один из видов нерегулярных поборов, широко практиковавшихся кочевнической знатью. Как пример можно назвать упоминание в многочисленных китайских источниках о подарках

представителям кочевой тюркской знати и "угощениях" в пограничных пунктах, длившихся несколько недель²⁸. Дарами предотвращались (пусть на какое-то время) набеги кочевников, завоевывалось расположение их вождей, и нередко последние сами недвусмысленно намекали на дары как путь решения того или иного вопроса.

Корнелий Тацит сообщает, что римские чиновники преподносили наиболее могущественным вождям германцев дорогую серебряную посуду²⁹. Без сомнения, эта практика распространялась и на остальное варварское окружение империи, включая сарматов. Возможно, отсутствие конкретных сведений в античных источниках свидетельствует именно об обычности, ординарности такого явления, не заслуживающего специального внимания автора. В.П.Шилов совершенно справедливо считает дорогие импортные вещи в сарматских могилах Подонья и Поволжья именно такими дарами³⁰.

Одним из излюбленных и весьма прибыльных видов внешнеэксплуататорской деятельности кочевников было посредничество и контроль при торговле. Яркий пример этого — поборы, которые брали бедуины у купцов, следовавших через их земли, за безопасность прохода (хува)³¹. Не исключено, что подобным образом действовали скифы, а позднее сарматы, по территории которых пролегли торговые пути из античных центров. Об участии аорсов в торговле сообщает Страбон: "...аорсы... торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевоза на верблюдах"³². Обычно этот пассаж Страбона трактуется буквально³³ и дает исследователям основание говорить о торговых путях аорских караванов по Дербентскому проходу в Армению, Албанию и обратно и даже об их торговле через армян и мидийцев с Вавилонией и Индией³⁴. Нам кажется, что положение дел было несколько иное. Вряд ли кочевники-аорсы занимались в полном объеме столь несвойственным номадам делом, как торговля. Участие в крупной международной торговле того времени требовало не только навыков, но и больших капиталовложений, постоянного учета конъюнктуры рынка, наличия прочных и стабильных торговых и политических связей с партнерами, т.е. целого комплекса специальных знаний и мер, доступного лишь постоянно занимающимся этим делом людям. Не следует забывать и о том, что через Северный Иран шел Великий шелковый путь, по которому, кроме собственно китайских, двигались и индийские, и ближневосточные товары. Торговые операции в этом направлении обеспечивали восточными товарами весь античный мир, и обладание ключевыми позициями в торговле с Востоком приносило огромные барыши. Армянские и мидийские купцы не могли не понимать, что конкуренция аорсов как контрагентов Вавилона и Индии не выгодна им. Да и для караванной торговли были необходимы не только знание путей, но и наличие факторий, караван-сараяв, наконец, хотя бы относительная гарантия безопасности. Вряд ли аорские караваны обеспечивались всем этим в чужих землях Закавказья. По Страбону, между кочевьями аорсов и армянскими и мидийскими землями обитало много племен: в Предкавказье кочевые племена набианов и панксанов, "живущие между Меотидой и Каспийским морем", затем горские племена исадиксы и хамэжкты, далее на юг — албаны и иберы, а уже за ними начиналась Армения. Данных о том, что перечисленные народы подчинялись аорсам либо как-то зависели от них, нет. Скорее, воинственные северные соседи были враждебны земледельцам кавказских долин.

На наш взгляд, аорсы не получали товары от армян и мидийцев в Закавказье, куда направляли свои караваны (?), а наоборот, армянские и мидийские купцы, доходя до владений аорсов, т.е. выйдя на равнины Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, были вынуждены продавать товары хозяевам этих мест — аорсам. Дальнейший путь пролегал по их степям, и опасность лишиться товара была велика. Аорсы прекрасно понимали выгоды этого положения и пользовались ими. Перекупая* товары у армян и мидян (вряд ли они грабили их, так как после первых же подобных акций аорсы просто лишились бы контрагента), они затем поставляли их в античные центры Причерноморья и обширные степи, населенные кочевниками. Что касается средства передвижения караванов, то верблюды широко использовались как основное вьючное животное в калмыцких, астраханских и североказахстанских степях вплоть до новейшего времени. Поэтому наличие у аорсов верблюдов вполне естественно.

Таким образом, если наша гипотеза соответствует истине, то караванная торговля аорсов иллюстрирует еще один путь получения сарматами внешних доходов, на сей

* Возможно, тут имелась место и меновая торговля.

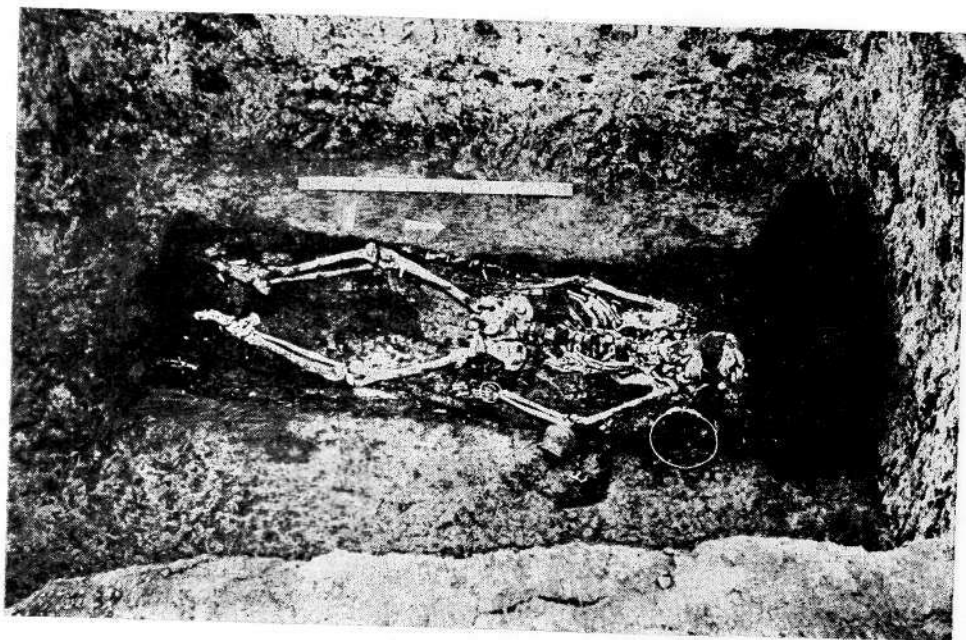

Фото 1. Погребение 1.

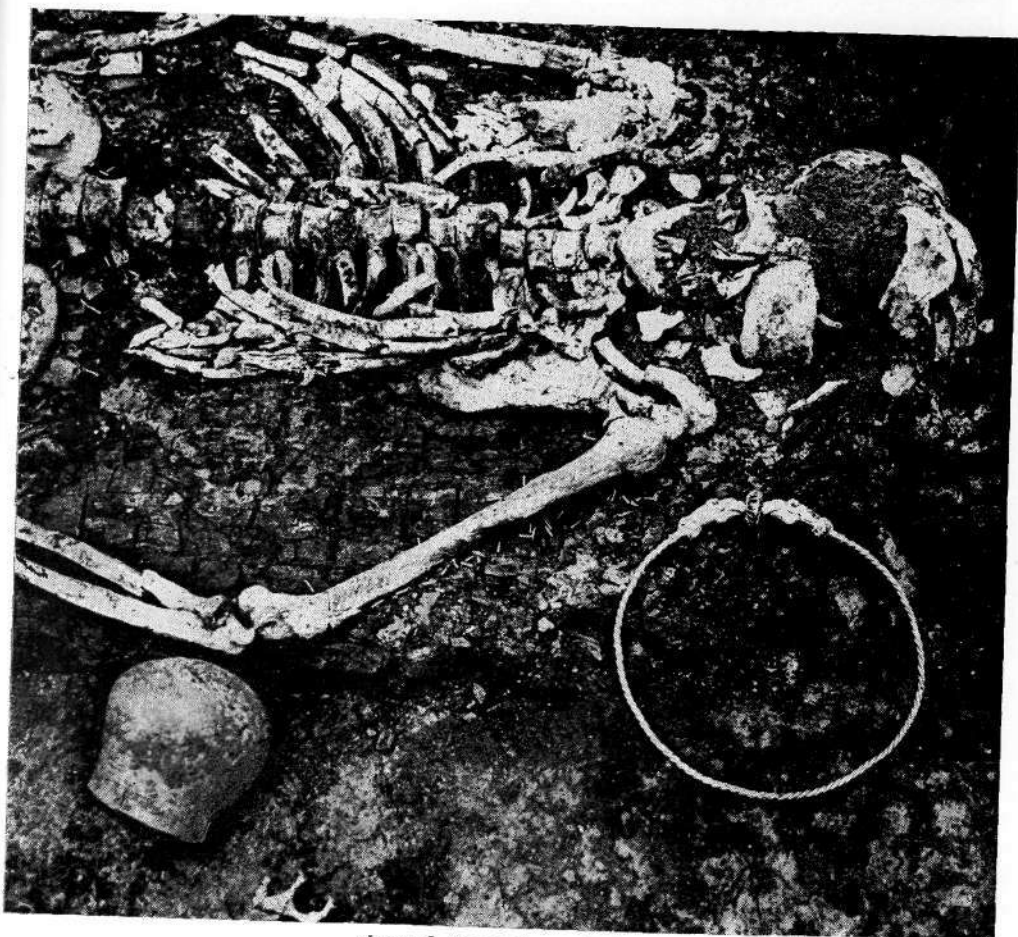

Фото 2. Погребение 1 (детали).

Фото 3. Погребение 1 (детали).

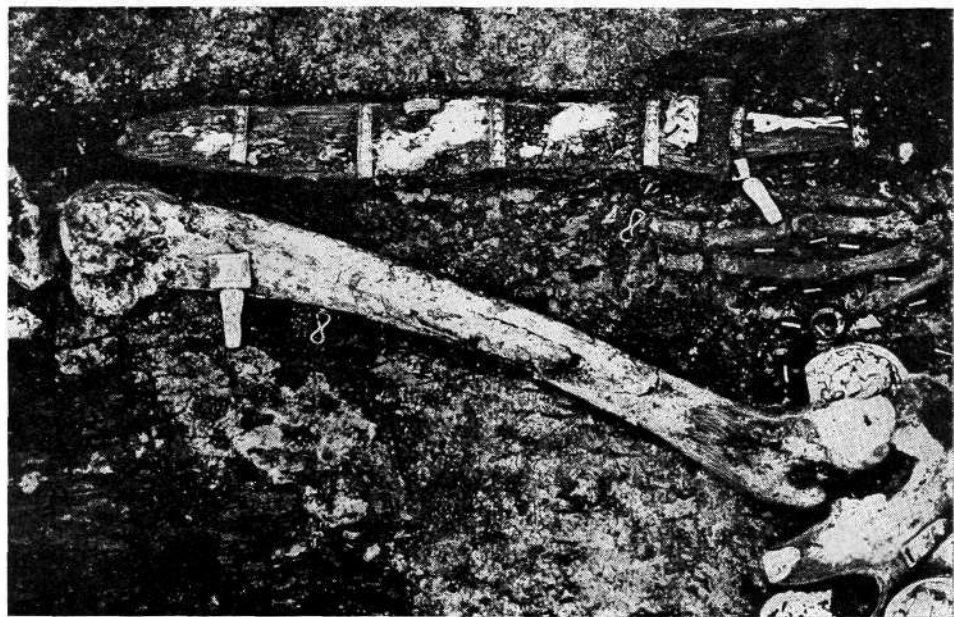

Фото 4. Погребение 1 (детали).

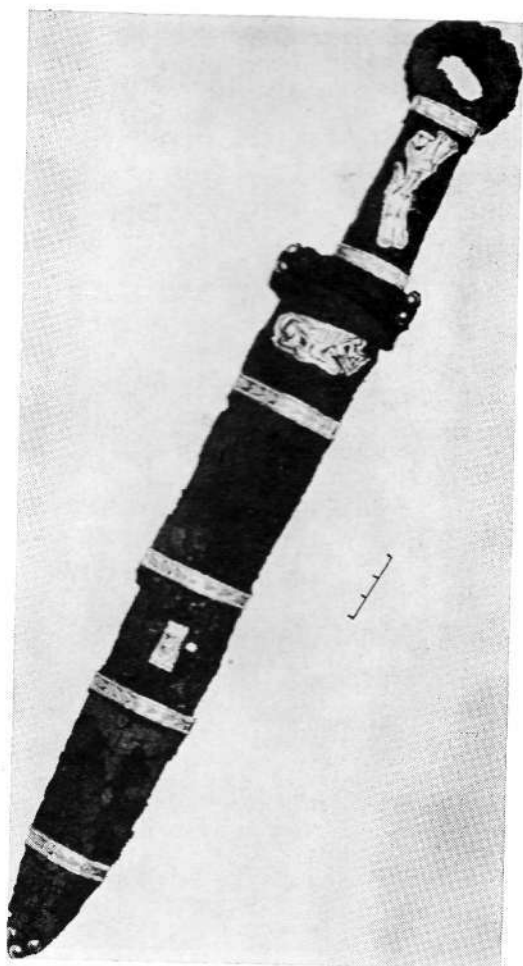

Фото 5. Меч.

Фото 6. Кинжал.

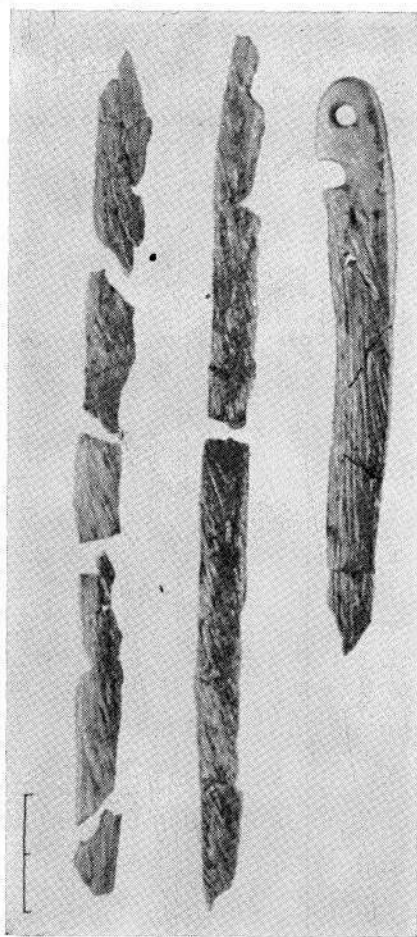

Фото 7. Концевые накладки на лук.

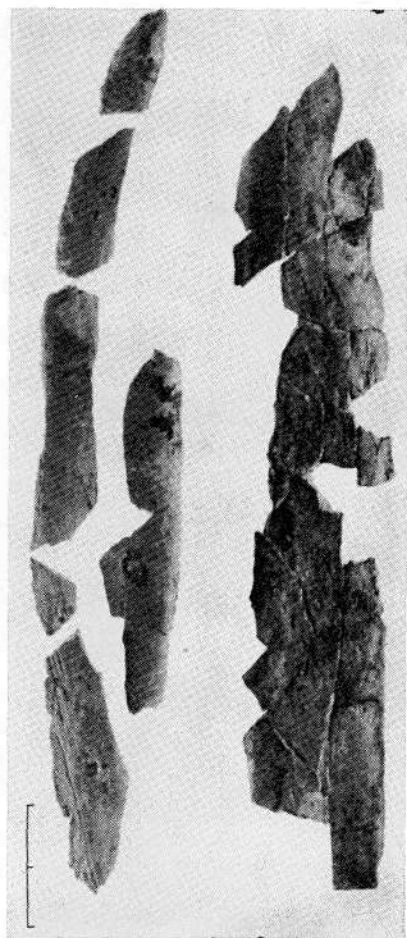

Фото 8. Срединные накладки на лук.

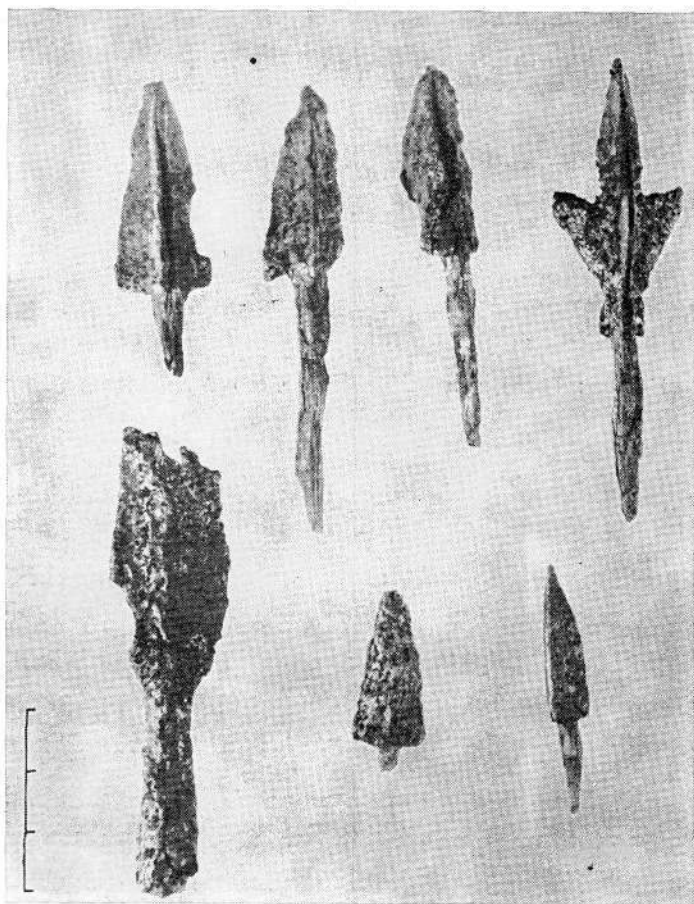

Фото 9. Наконечники стрел и дротика.

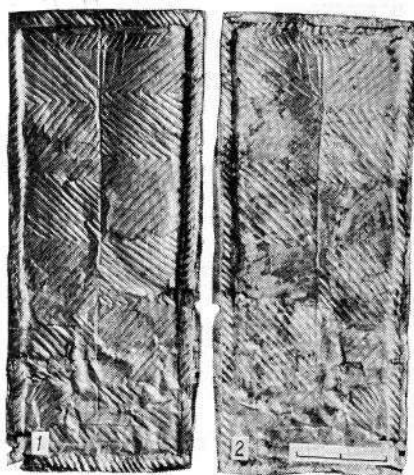

Фото 10. Золотая пластина для защиты запястья:
 1—лицевая; 2—оборотная стороны.

Фото 11. Поясная бляха правая.

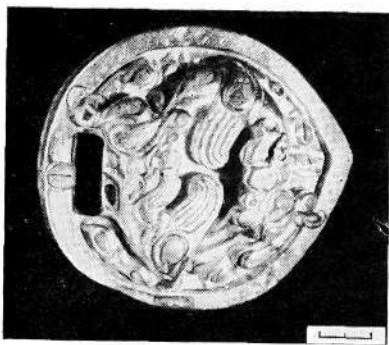

Фото 12. Поясная бляха левая.

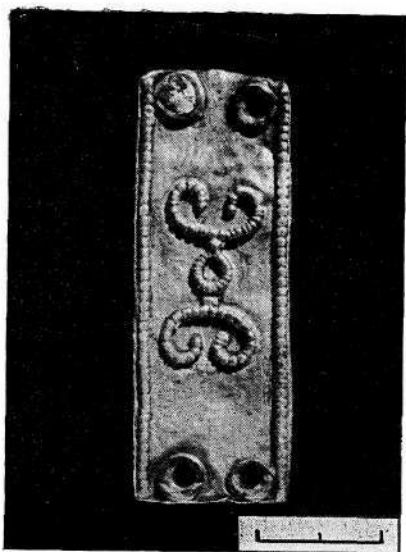

Фото 13. Поясная пластина.

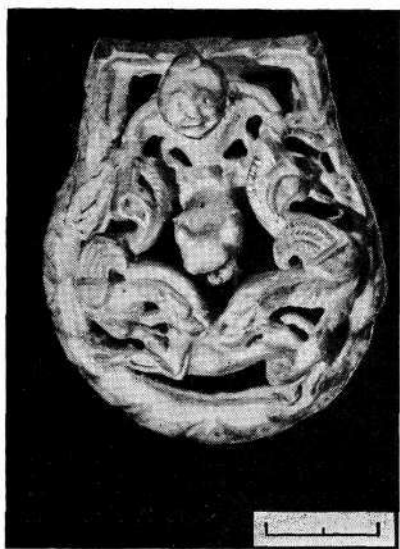

Фото 14. Португейная бляха правая.

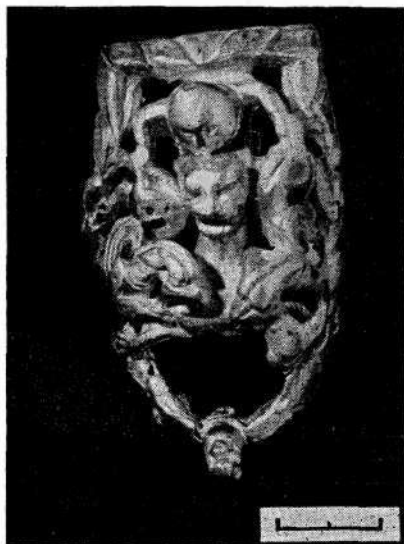

Фото 15. Португейная бляха левая.

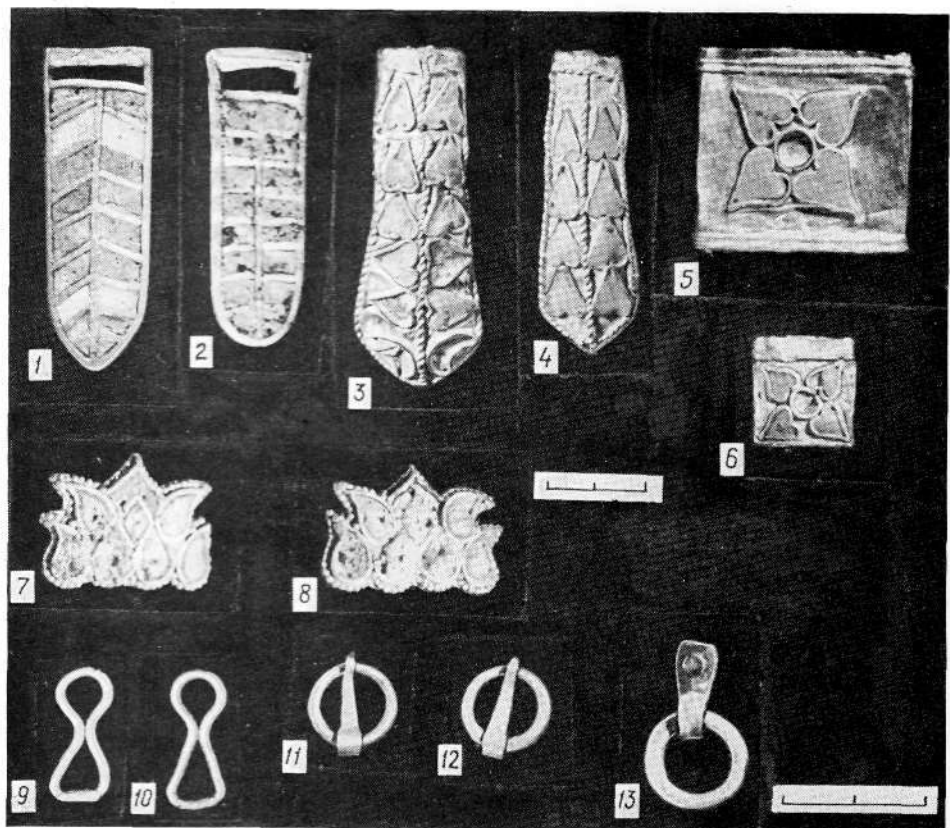

Фото 16. Гарнитура португезийского пояса:

1, 2—наконечники свисающих ремней; 3—6—наконечники ремней, фиксирующих меч; 7, 8—бляшки в виде цветка лотоса; 9—12—карабины и пряжки; 13—кольцо с обоймой.

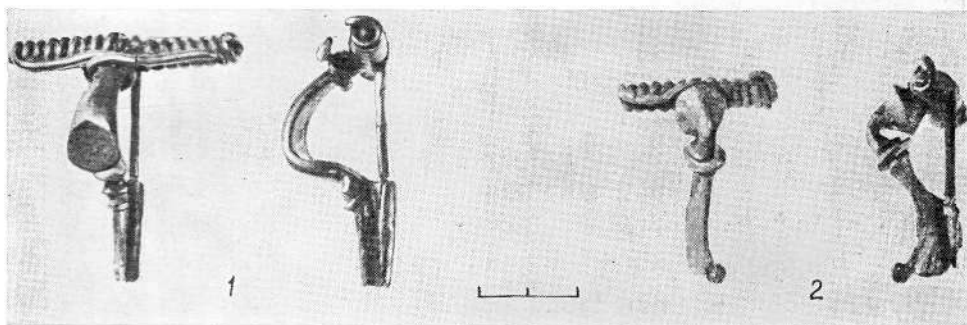

Фото 17. Фибулы из погребения 1.

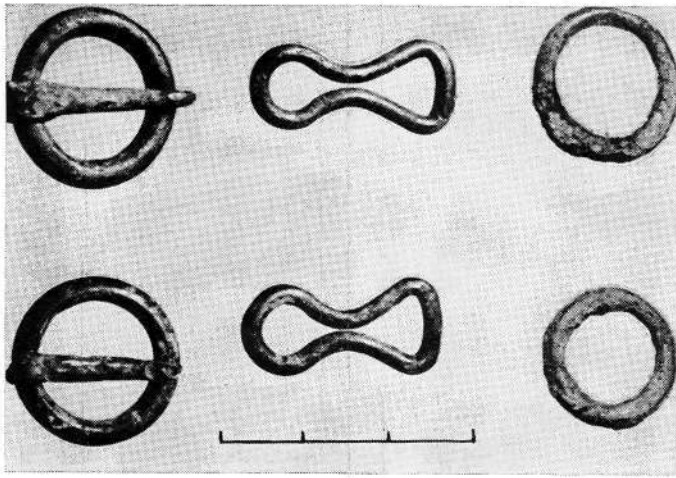

Фото 18. Обувные пряжки из погребения 1.

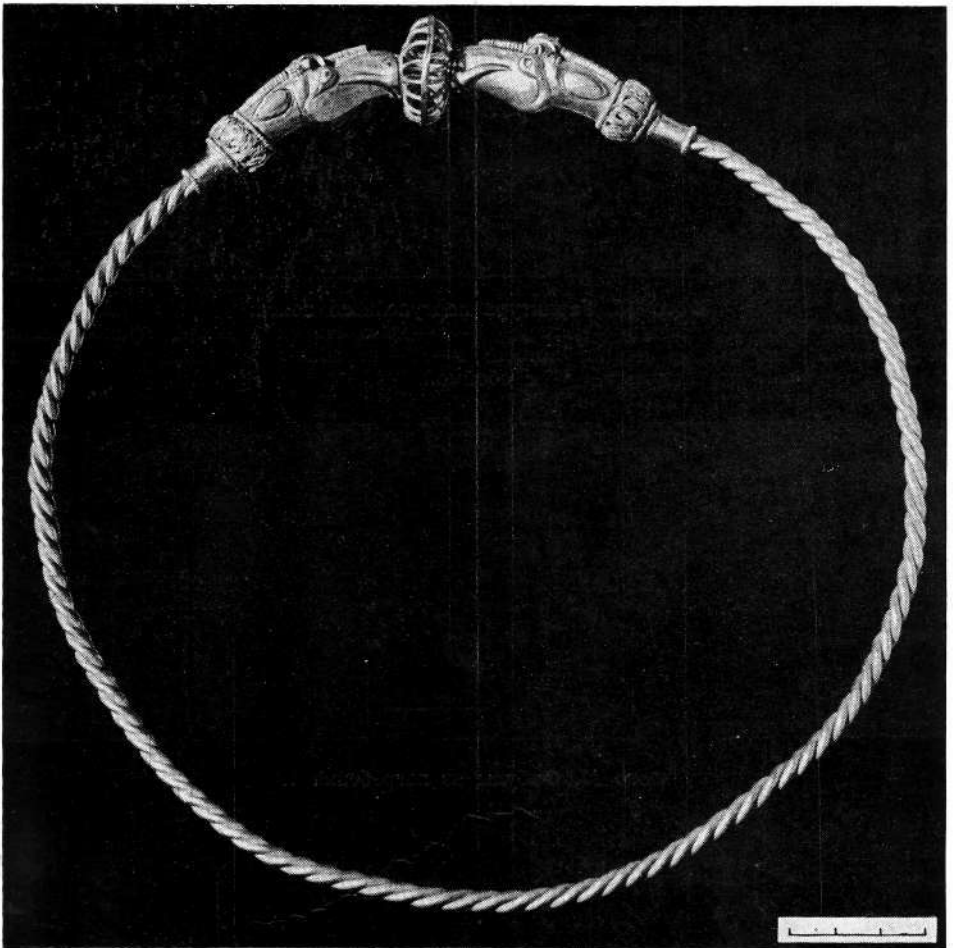

Фото 19. Гривна.

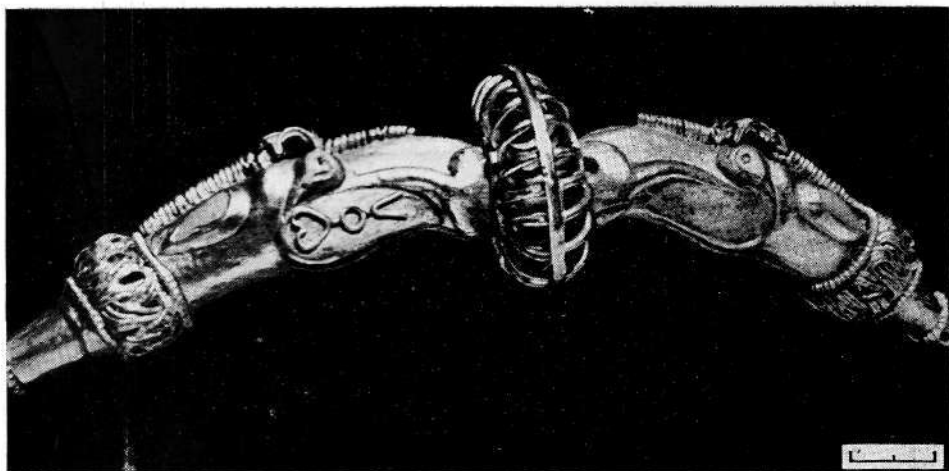

Фото 20. Гривна (деталь).

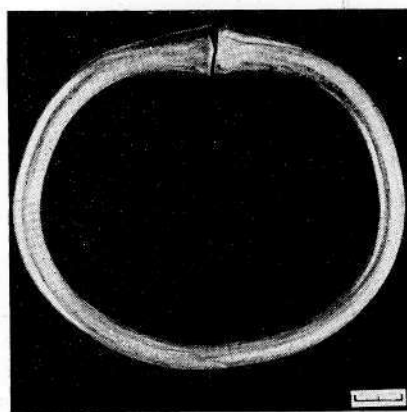

Фото 21. Браслет.

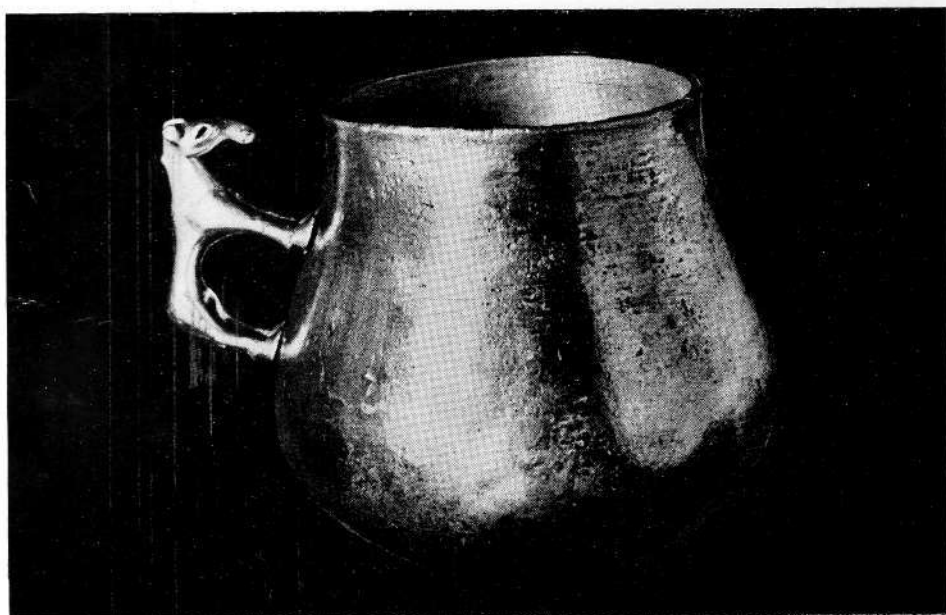

Фото 22. Кубок.

Фото 23. Амфоры.

Фото 24. Височные подвески.

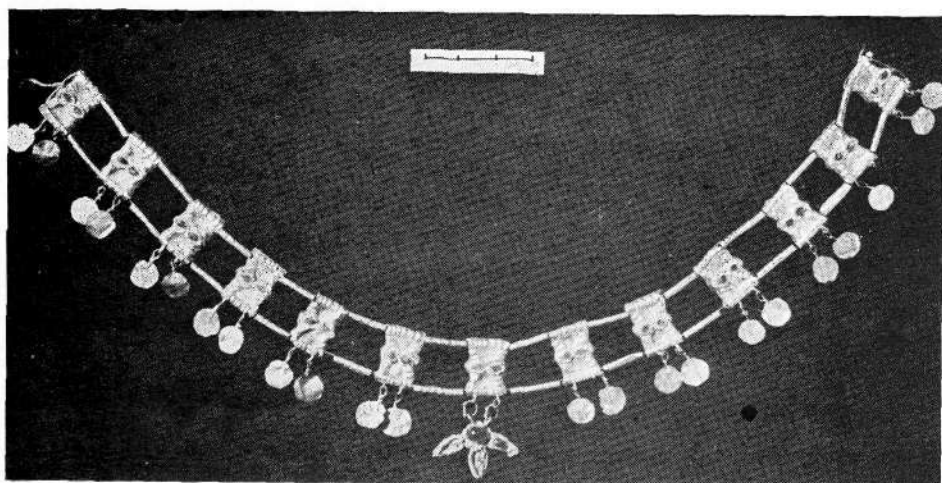

Фото 25. Обшивка ворота платья.

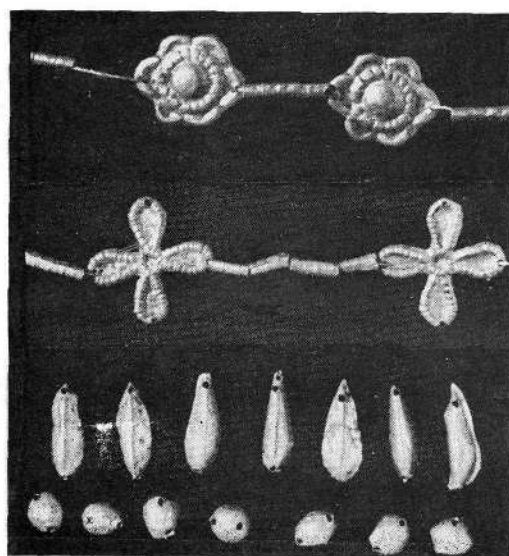

Фото 26. Нашивные бляшки.

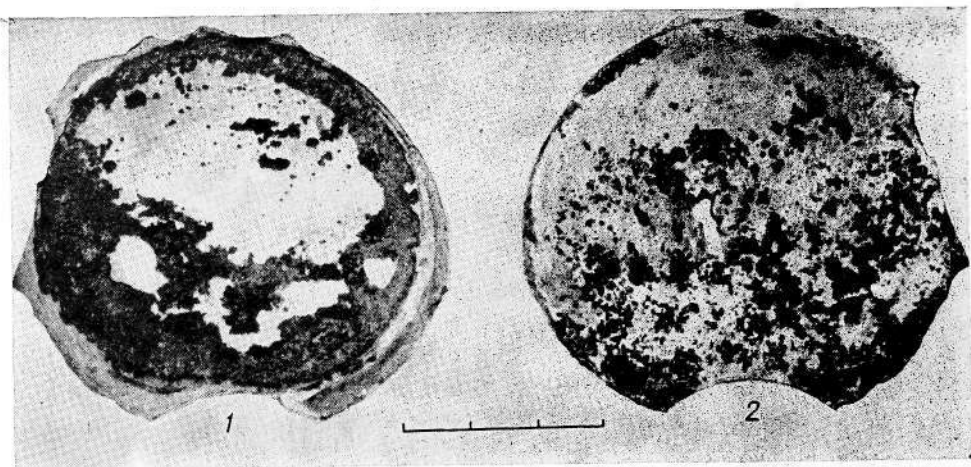

Фото 27. Зеркало:
1— лицевая; 2— оборотная стороны.

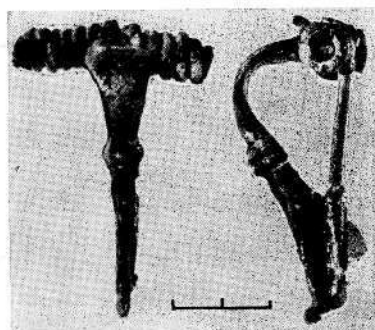

Фото 28. Фибула из погребения 2.

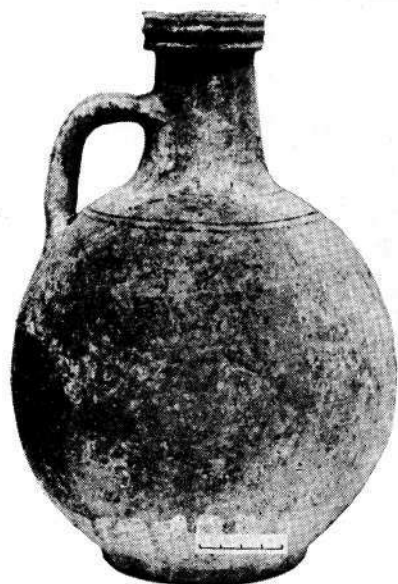

Фото 29. Кувшин.

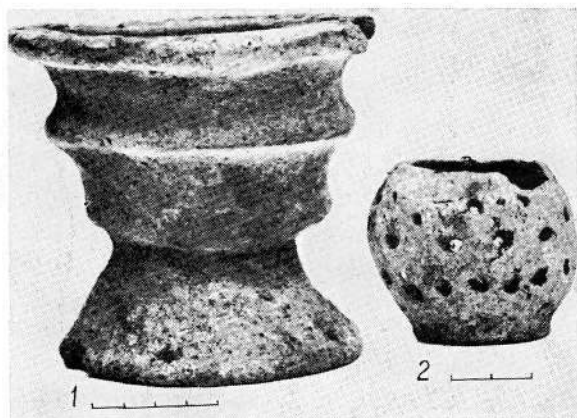

Фото 30. Курильницы:
1—большая; 2—малая.

Фото 31. Курильница большая (вид
сверху).

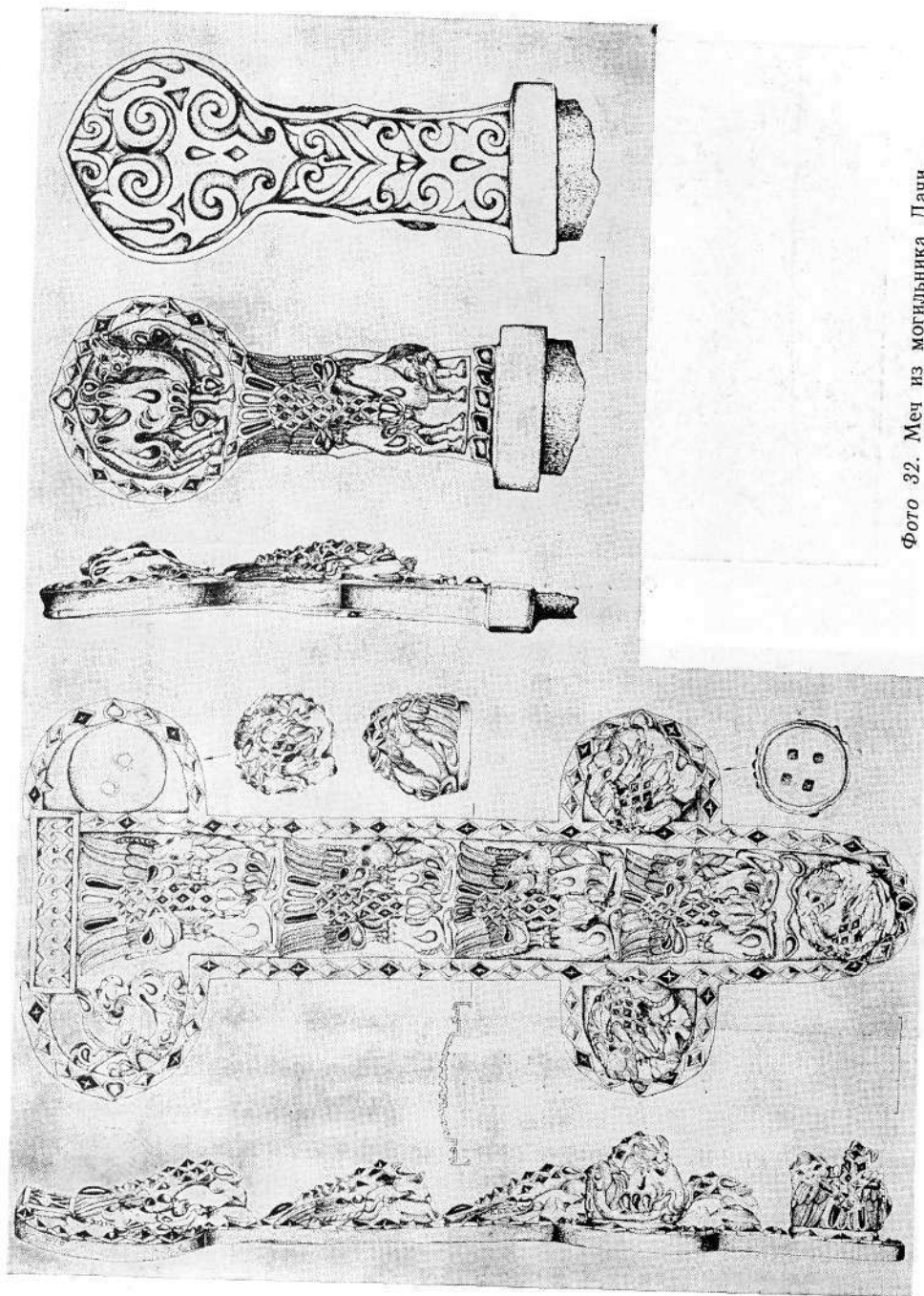

Фото 32. Меч из могильника Дачи.

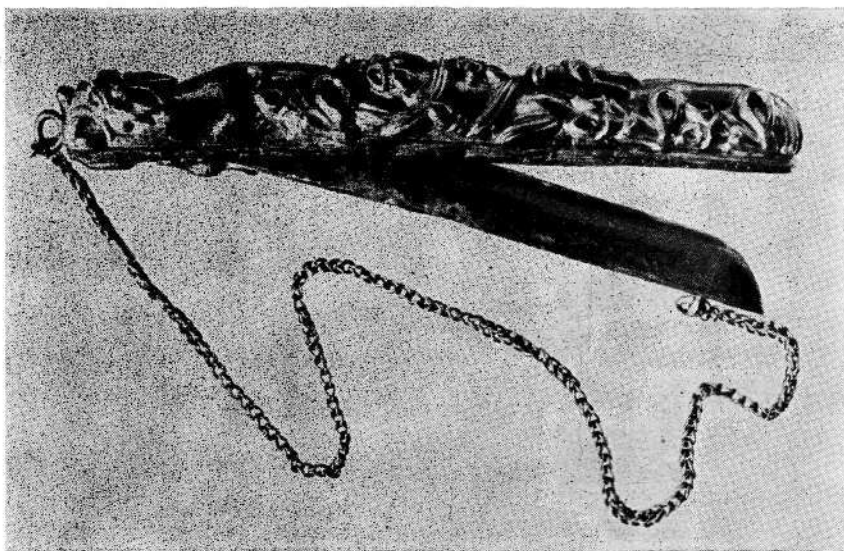

Фото 33. Туалетный флакон из кургана Хохляч.

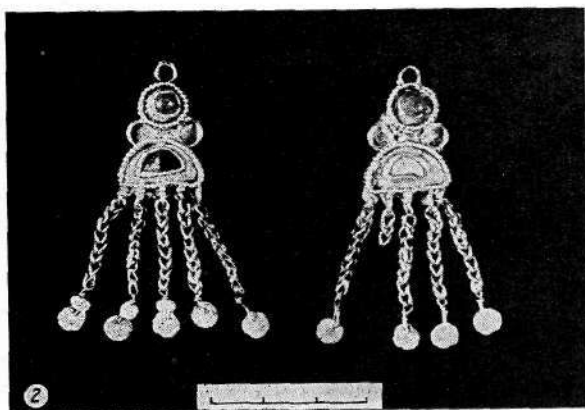
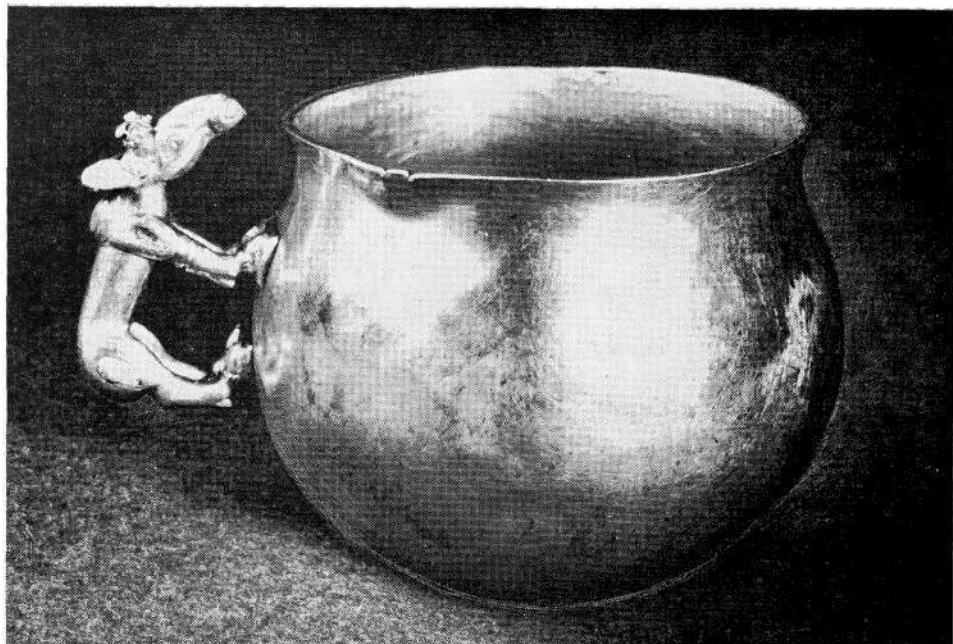

Фото 34. Серьги из сарматских погребений:
1 — хут. Алитуб; 2 — Чертовичский могильник.

Фото 35. Кубок из кургана Хохлач.

Фото 36. Кубок из ст. Мигулинской.

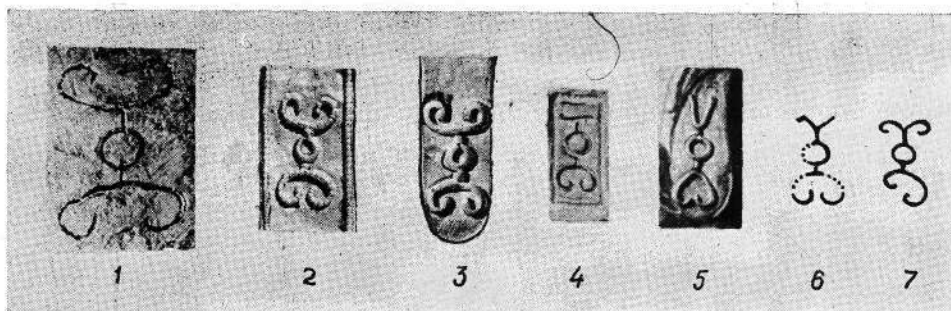

Фото 37. Тамги из погребения 1.

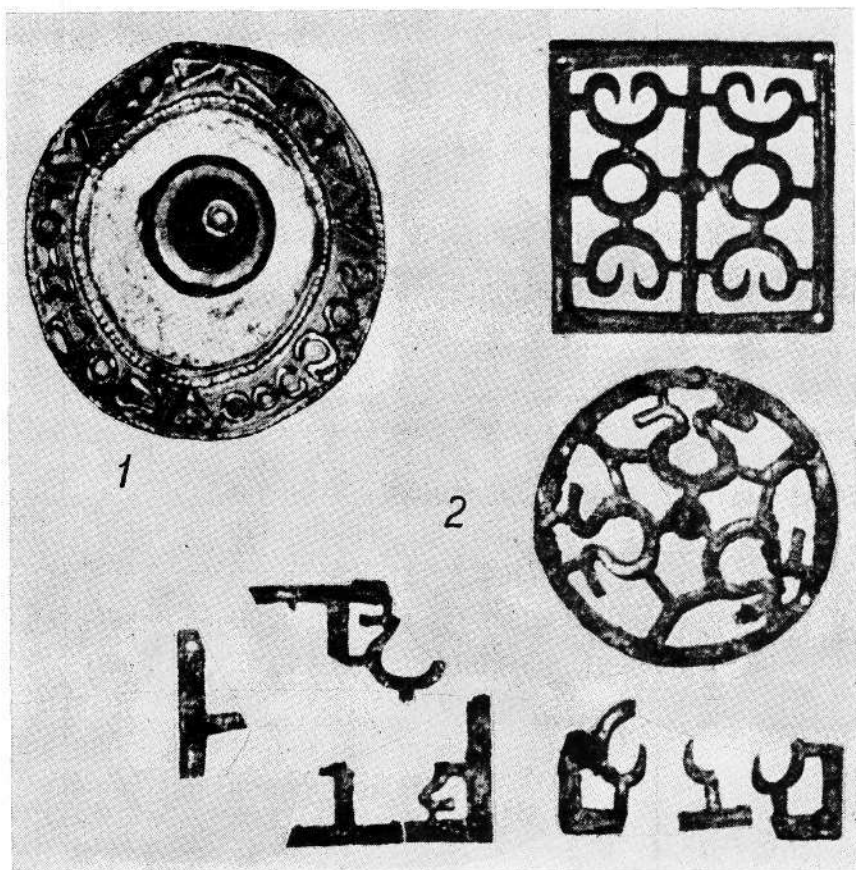

Фото 38. Тамги из Рошава Драгана:
1—навершие меча; 2—ножны меча.

раз — контроль торговли. В.Ю.Мурзин выступил с интересной гипотезой, согласно которой одним из основных факторов, способствовавших образованию Степной Скифии, было стремление скифов осуществлять контроль и посредничество в торговле античных центров Северного Причерноморья и лесостепных земледельческих племен³⁵. Помимо получения необходимых продуктов земледельческого хозяйства, этот путь приводил к быстрому и безопасному обогащению кочевой верхушки. Благополучие номадов в огромной степени зависело именно от своеобразного экономического и политического симбиоза, который их хозяйство составляло с оседлыми обществами. Ставшее традиционным мнение о кочевниках раннего железного века как разрушителях и извечных врагах античного мира должно быть пересмотрено. Военные акции кочевников против своих оседлых соседей были необходимы на начальном этапе их взаимоотношений и повторялись лишь время от времени, представляя собой своеобразный сильнодействующий (в политическом смысле) стимулятор. Основой же отношений номадов с оседлыми обществами была экономическая взаимосвязь. Характерно, что массовое переселение сарматов на территорию причерноморских степей совпадает по времени с двумя фактами: оживлением экономики античных центров, оправившихся от кризиса, и возникновением зарубинецкой культуры. Физическое уничтожение и постоянный грабеж не могли обеспечить длительный и стабильный приток продуктов оседло-земледельческого хозяйства, и это прекрасно понимали номады. А для внешне-эксплуататорской деятельности у них имелся достаточный арсенал средств: контрибуции, дань, контроль над торговыми связями и путями, различные формы протекционизма, требования регулярных и нерегулярных даров и т.п. Разумеется, основой и залогом реализации таких отношений служило военное преимущество кочевников.

Итак, декрет в честь Протогена содержит одно из наиболее ранних упоминаний сарматов (саев декрета) к западу от Днепра. Но обитали ли они там в это время? Археологически это не подтверждается. Наиболее ранние сарматские погребения на правом берегу Днепра датируются концом II—I в. до н.э. Это захоронение у с.Львово Бериславского р-на Херсонской обл. с зарубинецкой миской³⁶, сосудом зарубинецкого облика у с.Тимофеевка на Ингульце³⁷. Более ранних сарматских памятников западнее Днепра нет. Погребение у с.Грушевки, которое относят к III—II вв. до н.э.³⁸ и считают одним из свидетельств столь раннего проникновения сарматов за Днепр, гораздо старше. В нем наиболее показательна костяная ложечка с окончанием ручки в виде головки вепря (?). Подобные зооморфные мотивы типичны для савроматского прикладного искусства. К.Ф.Смирнов прав, отметив черты позднего звериного стиля в этом изображении. Однако его аналогия (ложечка из кургана 2, Башкирское стойло), датирующаяся IV—III вв. до н.э.³⁹, уже не имеет зооморфных признаков. Гораздо ближе грушевской ложечки V и IV вв. до н.э. из савроматских захоронений Приуралья⁴⁰, одна из которых также привлечена К.Ф.Смирновым в качестве аналогии. Не противоречит определению принадлежности погребения и характерный сосуд с желобками на горле и налестками. Однако подобные сосуды датируются довольно широко, а ложечка вряд ли моложе IV в. до н.э. Пожалуй, этим временем и следует датировать погребение у с.Грушевки. Непонятно, почему В.И.Костенко полагает, что "время бытования... браслета и подвески можно ограничить III—II вв. до н.э."⁴¹ (такие браслеты представлены, например, в меотских древностях IV—III вв. до н.э.⁴²). Подобное умозрительное заключение позволяет, по мнению В.И.Костенко, считать III—II вв. до н.э. приемлемой датой для всего комплекса из Грушевки, на самом деле более древнего.

Погребение у с.Грушевки, вероятно, оставлено теми савроматами или сарматами, отдельные группы которых, по К.Ф.Смирнову, жили среди скифов в мирном соседстве. Оно-то и иллюстрирует это предположение, но никак не является доказательством завоевания сарматами Левобережья Днепра в III в. до н.э. Столь же ответственное заключение⁴³ сделано на основе находки в насыпи кургана у с.Кут близ устья р.Базавлук нескольких сосудов, не связанных с определенным погребением и весьма сомнительно связанных между собой. К настоящему времени в фондах ИА АН УССР сохранился один из них, определенный Д.Т.Березовцом как сероглиняная ойнохоя. На самом деле это гончарный тонкостенный кувшин с черной лощеной поверхностью и двумя горизонтальными ребрами по горлу. Наличие обязательной для ойнохой ручки весьма проблематично. Кувшин орнаментирован двойной врезной горизонтальной линией по плечикам. Точную аналогию ему подыскать не удалось, однако по фактуре и технике из-

готовления это типичный образец античной керамики*, не имеющий отношения к сарматам. Подобные кувшины бытуют до первых веков н.э. "Черный" (по Д.Т.Березовцу) канфар и чернолаковая миска не сохранились, нет и рисунка последней. Судя по фотографии в отчете, канфар представляет собой местное (скорее всего ольвийское) подражание пергамской посуде конца III—II в. до н.э.⁴⁴ Об этом свидетельствуют его пропорции и орнаментация, оформление ручек. Подобное оформление ручек, имитирующее ручки чернолаковых канфаров IV в. до н.э., встречается на некоторых ольвийских⁴⁵ и малоазийских⁴⁶ сосудах II—I вв. до н.э. Связывать этот невыразительный комплекс только с сарматами III—II вв. до н.э. и делать на основании единичной находки столь далеко идущие выводы не стоит. Не исключено, что он более поздний и, если и оставлен сарматами, то в период первой фазы их проникновения за Днепр. В этом случае комплекс из с.Кут стоит в одном ряду с погребениями у сел Львово и Тимофеевки. Довольно ранним для исследуемой территории является погребение I в. до н.э. у с.Холмское на Нижнем Дунае. Вероятно, перечисленные комплексы фиксируют эпизодические появления сарматов на правобережных территориях в I в. до н.э., предшествовавшие их массовому переселению, которое произошло позже.

Одним из ключевых пунктов сарматской проблемы является вопрос о времени перехода сарматов на правый берег Днепра. Большинство исследователей относит это событие к рубежу или к I в. н.э.⁴⁷, основываясь, разумеется, на археологическом материале. Действительно, основная масса сарматских памятников Правобережья датируется не ранее I в. н.э. Однако было бы ошибочно рассматривать переход сарматов через Днепр как некое единовременное событие. Скорее всего массовые памятники I в. н.э. на Правобережье отмечают уже факт устойчивого обитания сарматов на этой территории. При этом естественно предположить, что начало их проникновения за Днепр относится к более раннему времени.

Решая вопрос о времени перехода сарматов через Днепр, необходимо, на наш взгляд, разделить его на две фазы. Первая — это эпизодические набеги отдельных сарматских отрядов, переправлявшихся через Днепр в течение II—I вв. до н.э., вторая, относящаяся к концу I в. до н.э., — массовое переселение сарматских племен на Правобережье Днепра. Правомочность такой реконструкции событий подтверждают и некоторые исторические свидетельства. В 15 г. до н.э. Гай Луций отбросил за Дунай "савроматов", как пишет Дион Кассий⁴⁸, т.е. сарматов. Отсутствие в Подунавье сарматских памятников этого времени говорит о том, что напавшие сарматы еще не обитали там; вероятно, набег был совершен с поднепровских территорий. Просившие дружбы у императора Августа цари сарматов, обитавших "по сю сторону реки Танаиса и за ней", известны римлянам "понаслышке", т.е. еще не являются их непосредственными соседями⁴⁹. Интересные данные получены при исследовании зарубинецких городищ Среднего Поднепровья. В I в. до н.э. реконструируются укрепления на Филипенковой горе, Юрковице, Бабиной горе. Е.В.Максимов связывает это с сарматской опасностью⁵⁰. С западной стороны в валах городищ Бабиной горы и Ходосовки найдены сарматские наконечники стрел. Характерно, что сарматские погребения на этой территории появляются позже, в I в. н.э. Вероятно, и здесь мы имеем дело со следами сарматских военных акций I в. до н.э.

Исходя из неверного положения об обитании сарматов с конца II в. до н.э. в Днепро-Бугском междуречье, В.И.Костенко полагает, что агрессивность их в I в. до н.э. по отношению к обитателям зарубинецких городищ вызвана походом Бурбисты на Ольвию, "сдвинувшим сарматские племена Днепро-Бугского междуречья в районы Среднего Поднепровья"⁵¹. Эти построения не совсем логичны. Во-первых, сарматы, обитавшие в Буго-Днепровском междуречье в течение 100 лет, обязательно должны были бы оставить археологические памятники. Их нет. Во-вторых, сомнительно, чтобы поход войска (пусть многочисленного и сильного), целью которого был захват сельскохозяйственных и ремесленно-торговых районов античных полисов, мог сдвинуть с места целые племена (!) кочевников, т.е. людей, также искушенных в военном деле и обитавших к тому же в стороне от театра военных действий. В лучшем случае это могло вызвать столкновения, исход которых не обязательно должен был быть в пользу гетов — в I в. до н.э. сарматы были достаточно сильным противником. Наконец, если поход Бурбисты, происходивший около 48 г. до н.э., "сдвинул" сарматские племена в Среднее Поднепровье, то там должны остаться погребальные памятники, по крайней мере, второй половины I в. до н.э. (не двигались же сарматы туда в течение 50 лет, абсолютно

* Благодарим Б.А.Крапивину за консультацию по этому вопросу.

не умирая!). Тем не менее, все сарматские погребения Среднего Поднепровья, как уже говорилось, датируются не ранее I в. н.э.

Таким образом, в I в. до н.э. сарматы, прочно освоившие степи междуречья Дона и Днепра, эпизодически появляются на Правобережье, тревожат обитателей зарубинецких городищ, достигают в своих набегах границ империи. Но уже в первые десятилетия I в. н.э. они занимают степи между Днепром и Дунаем.

В 27 г. до н.э. образовалась новая римская провинция — Мезия. К этому времени римлянам удалось сломить сопротивление северных соседей — гетов и бастарнов — и установить границу по нижнему течению Дуная. Близость лимеса не могла не привлечь интересов сарматских вождей. Как уже говорилось, наиболее ранним свидетельством военных акций сарматов в этом районе является сообщение Диона Кассия о победе Гая Луция над сарматами. В этой связи несколько странным выглядят заявления В.И.Костенко о том, что сарматов на Дунае наблюдал автор II в. до н.э. Флор⁵². Если Флор и мог "наблюдать" сарматов, то не ранее, чем во II в. н.э., ибо его деятельность относится именно к этому времени⁵³. В сообщении же Флора речь идет о походе проконсула Македонии Гнея Корнелия Лентула против даков в 11 г. н.э. Одним из результатов похода — оттеснение от Дуная сарматов. Таким образом, этот источник не содержит данных об обитании их в Подунавье в более раннее время.

Прибывший в Томи Овидий говорит о сарматах, как о постоянных обитателях Подунавья уже в первом десятилетии н.э. Правда, в силу специфичности источника, свидетельства Овидия не очень надежны. Подчеркивая тяжесть своего положения, Овидий намеренно стучит краски. Тем не менее, его сарматы появляются и угрожают "поселянам" чаще всего из-за Дуная. Это подчеркивает и Страбон, известия которого относятся практически к тому же времени: "Бедь и ныне эти народы (сарматы. — А.С., Б.Л.) ...живут смешанно с фракийцами, главным образом по ту сторону Истра (разрядка наша. — А.С., Б.Л.), но отчасти и по сю сторону"⁵⁴.

Таковы наиболее ранние письменные свидетельства о сарматах в Северо-Западном Причерноморье. Характерно, что если военные акции сарматов здесь отмечаются еще в последние годы до н.э., то как обитатели этих мест они известны античным авторам лишь с начала I в. н.э.

Итак, образование Европейской Сарматии происходило в несколько этапов и представляло собой не какую-то одновременную акцию, а неизбежно длительный и многогранный процесс. Анализ археологических памятников ранних сарматов Северного Причерноморья показал несостоятельность попыток отнести время проникновения сарматов на эту территорию к IV—III вв. до н.э.⁵⁵ В междуречье Дона и Днепра нет ни одного сарматского комплекса, который можно было бы с уверенностью датировать временем ранее II в. до н.э. Все раннесарматские памятники этой территории, относящиеся в основном ко второй половине II—I в. до н.э., расположены на Левобережье Днепра⁵⁶. Не противоречат этому и исторические источники. На карте Марка Агриппы (63—12 гг. до н.э.) западная граница Европейской Сарматии проходит по Днепру⁵⁷.

Тем не менее, как мы попытались показать, в течение I в. до н.э. сарматы могли осуществлять набеги на правобережные территории, доходя до зарубинецких городищ Среднего Поднепровья на севере и дунайских границ Рима на западе. Отсутствие там представительных археологических памятников в сочетании с косвенными данными (реконструкция зарубинецких укреплений, зарубинецкие вещи в сарматских могилах⁵⁸, скудные данные письменных источников) говорят именно об эпизодическом, спонтанном характере таких акций. Однако с начала н.э. сарматы постепенно осваивают Правобережье вплоть до низовьев Дуная и Прикарпатья, а в середине — второй половине I в. н.э. сюда приходит сильная и многочисленная орда из районов Подонья — Нижнего Поволжья (аорсы?), завершая образование Европейской Сарматии.

2. САРМАТЫ НА ГРАНИЦАХ АНТИЧНОГО МИРА. ФАРЗОЙ И ИНИСМЕЙ

В первой половине I в. н.э. в Причерноморье происходят бурные исторические события, непосредственно затрагивающие обитавшие тут сарматские племена. Образование провинции Мезия вплотную пододвинуло римские границы к сарматским территориям, а быстрое формирование в Северо-Западном Причерноморье многочисленного сармат-

ского объединения "обеспечило" Рим сильным и беспокойным соседом. При первых Юлиях — Клавдиях основные интересы Рима были сосредоточены в Западной Европе и на Ближнем Востоке, поэтому активность сарматов на дунайских границах долго не получала должного отпора. Сарматские набеги 15 г. до н.э., 11 и 35—37 гг. н.э., зафиксированные античными авторами, явно не единственные примеры столкновений с варварами на Дунае.

В это время одним из основных направлений внешней политики Рима оказывается борьба за армянский трон. Последующее подробное изложение эпизодов римско-парфянского конфликта необходимо здесь для освещения военно-политического положения Рима в первой половине — середине I в. н.э. Анализ событий показывает, что они так или иначе влияли на политику сарматов в регионе и во многом определяли их действия на дунайской границе империи.

В Парфии среди придворных кругов царя Артабана III созрел заговор. В 35 г. н.э. заговорщики прислали посольство к Тиберию, и он решает посадить на парфянский трон царевича Фраата. Однако тот неожиданно умирает и его место занимает Тиридат. Кандидатом на престол Армении становится сын иберийского царя Фарасмана Митридат. Наместнику Сирии Вителлию поручается общий контроль за событиями. Таким образом, под эгидой Рима складывается антипарфянская коалиция: иберы, албаны и проримская партия Тиридата. К ней присоединятся сарматы, в то время как какие-то другие сарматы выступают на стороне парфян. В.Б.Виноградов считает, что иберийско-албанскую коалицию поддерживали сираки, а парфяны — аорсы⁵⁹. Действительно, когда в 36 г. Фарасман вторгся в Армению, албаны заперли проходы по берегу Каспия и не пустили сарматов — союзников парфян на театр военных действий. В прикаспийских степях локализируются аорсы, значит, они-то и оказались блокированными албанами. Сарматы — союзники Фарасмана через Дарьяльский проход вторглись в это время в Армению. Логично видеть в них обитателей предкавказских равнин сираков.

Союзники нанесли поражение парфянскому войску Орода, но при вступлении в войну Артабана III с основными силами их позиции ухудшились. Тогда Вителлий, которому поручили контролировать ситуацию, произвел демонстрацию в Месопотамии, двигая свои легионы к Евфрату и угрожая левому флангу и тылу парфян. Одновременно Вителлий принимает меры к возрождению заговора в придворных кругах Артабана III. После успеха заговорщиков Тиридат с помощью легионов Вителлия овладел парфянским тронном. Вителлий же, выполнив свою миссию, возвратился с войсками в Сирию.

Конфликт на Ближнем Востоке, отвлекавший силы римлян, и политика Тиберия, "отстранившего от себя заботы о государстве"⁶⁰, вероятно, не могли остаться незамеченными сарматами. Как очень осторожное предположение можно высказать мысль о возможной связи участия сарматов в военных действиях в Закавказье и одновременными набегами на Мезию, которая "...опустошалась даками и сарматами" (Светоний).

При Клавдии позиции римлян в регионе укрепляются. В 44/46 гг. образовывается провинция Фракия и практически все задунайские земли (кроме Дакии) становятся территорией империи. В это же время вспыхивает междоусобица на Боспоре, в которой опять принимают участие сарматы. Младший сын боспорского царя Аспурга Котис в надежде получить трон, занятый его братом Митридатом, обращается за помощью к Клавдию. В Пантикапей вводятся войска под командованием Дидия Галла, и Котис объявляется царем. Митридат бежал в Прикубанье и попросил помощи у сиракского царя Зорсия. Котис и римляне во главе с Юлием Аквиллой (Дидий Галл с частью войск был отозван во Фракию) заключили союз с царем аорсов Евномом. Примечательно, что последние вновь выступают против сираков. Конфликт закончился победой римско-аорских войск и разгромом сираков. Митридат спался аорсам, а последние выдали его римлянам.

Резкое увеличение сарматских памятников в Северо-Западном Причерноморье приходится именно на середину — вторую половину I в. н.э. М.Б.Щукин связал этот факт с описанными событиями⁶¹. Как мы отмечали, в это же время Плиний помещает здесь аорсов — амаксобиев. Участие аорсов в боспорском конфликте, с одной стороны, и давление аланов — с другой, послужили толчком для продвижения части их на запад. Не исключено, что оно было своеобразной платой Рима за помощь в боспорской войне. Выше уже отмечалось, что появление массовых сарматских памятников в Паннонии, где локализируются язгы, приходится также на это время и, вероятно, связано с тем, что

приход новых сарматских орд в Поднепровье — Подунавье вынудил обитавших там сарматов откочевать западнее.

Едва справившись с Боспором, римляне вновь были вынуждены активизироваться в Закавказье. В 52/53 г. н.э. иберийский царь Фарасман нападает на Армению. Войска его сына Радамиста осадили крепость Гарни, куда под защиту гарнизона Целлия Поллиона и Касперия отступил армянский царь Митридат. Среди римских чиновников начинается разлад. Подкупленный Радамистом Поллион уходит из Гарни, и брошенный на произвол судьбы Митридат был убит во время переговоров с Радамистом. Иберийские войска заняли Армению, но по требованию префекта Сирии Квадрата были вынуждены ее оставить. В это время прокуратор Каппадокии Пелигн самовольно ввязался в войну и, получив помощь от Радамиста, короновал его на армянский престол. Для пресечения действий Пелигна из Сирии выступил легион Гельвидия Приска.

Воспользовавшись смутой в Армении, парфяне вновь открывают военные действия. Царь Вологез изгоняет Радамиста, и армянский трон занимает Тиридат. В это время умирает Клавдий; Нерон, обеспокоенный политикой Парфии, проводит мобилизацию в восточных провинциях, пополняет легионы, а в 58 г. н.э. римские войска под командованием Корбулона начинают активные военные действия против парфян. С переменным успехом они продолжают до 64 г. н.э., когда, наконец, с парфянами был заключен мир.

Все эти годы на дунайских границах империи активных действий не велось. Сарматские племена (аорсы?), пришедшие в Северо-Западное Причерноморье в середине I в. н.э., создали типичное для кочевников раннего судоарственное объединение во главе с Фарзоом.

Собственно говоря, время начала деятельности Фарзоя нам неизвестно. Предположение П.О.Карышковского о том, что первые монеты Фарзоя датируются 48/49 гт. н.э.⁶², затем было им же уточнено до 60—70 гт. н.э.⁶³ Поэтому построения М.Б.Щукина⁶⁴, основанные на первоначальной дате монет, теряют смысл (см. ниже). Единственно достоверный факт из деятельности Фарзоя — это чеканка в Ольвии золотых монет, на которых Фарзой именуется царем (ΒΑΣΙΛΕΥΣ). Как упоминалось выше, это позволило ряду исследователей, считавших Фарзоя позднескифским царем, сконструировать политическую зависимость Ольвии от Крымской Скифии и т.д. Все их построения оказываются произвольными, если учесть, что Фарзой и Инисмией были сарматскими предводителями. Каковы же их взаимоотношения с Ольвией, и что являлось причиной выпуска ею монет, на которых Фарзой и Инисмией именуется царями? Ответ на этот вопрос дает выход и на реконструкцию исторических событий в регионе во второй половине I в. н.э.

Прежде всего, является ли чеканка монет Фарзоя и Инисмией на ольвийском монетном дворе непосредственным доказательством их власти над городом? Ни археологических, ни эпиграфических, ни литературных свидетельств завоевания Ольвии в I в. н.э. каким-либо варварским племенем нет. С другой стороны, известна чеканка монет скифских царей на монетных дворах античных городов. Это монеты Эминака (середина V в. до н.э.), Атея (вторая половина IV в. до н.э.), Канита, Хараспа, Танусака, других скифских властителей (вторая половина III—I вв. до н.э.). Если скифская принадлежность первого гипотетична, то остальных — не оспаривается никем. Однако у нас нет оснований утверждать, что в V в. до н.э. Ольвия, где чеканились монеты Эминака⁶⁵, а в IV в. до н.э. Гераклея (sic!) или Каллатия, чеканившие монеты Атея⁶⁶, были подчинены им. Места чеканки монет трех последних из названных царей с точностью не установлены; полагают, что ими могли быть города Добруджи (для монет Хараспа — Томи⁶⁷). В этом случае говорить о завоевании их скифами также нет оснований.

Скорее всего, чеканка монет с именами перечисленных царей обусловлена экономическими соображениями. При регулярной торговле с варварами античные купцы желали получать от них твердую валюту, котирующуюся и на других внешних рынках (разумеется, в тех случаях, когда те или иные сделки не имели менового характера). Поэтому не исключена возможность, что скифские и сарматские предводители были поставлены перед необходимостью иметь свою монету, содержание которой соответствовало бы общепринятому на рынке номиналам. То, что все известные монеты варварских царей входят в ту или иную весовую систему, принятую в античном мире во время их правления, лишь подтверждает это предположение. Монеты Эминака являются двойными сиглами персидской системы⁶⁸, имевшими в это время широкое хождение на малоазийских рынках. Первая серия монет Атея — дидрахмы абдерской системы, вторая — драхмы эгинской⁶⁹. Монеты Фарзоя, которые сначала чеканились как позднеэллиниче-

тические статеры, затем становятся ауреусами римской системы, чутко реагируя на общий переход весового содержания монет к ней⁷⁰. Наконец, серебро Инисмея — это тройные и одинарные денарии римской системы⁷¹. Таким образом, монеты варварских властителей, чеканенные в античных городах, были рассчитаны не только на внутреннее обращение, но явно и на дальнейшее их хождение на внешнем рынке. Последнее обстоятельство предполагает обоюдное участие скифских или сарматских "царей" и торговых кругов античных городов в выпуске монеты.

Возвращаясь к связи монетной чеканки Фарзоя и Инисмея с их политическими взаимоотношениями с Ольвией, следует, вслед за П.О.Карышковским, обратить внимание на тот факт, что на всех монетах, кроме царского титула, имеются и монограммы архонтов. То есть город, "подчинившись" сарматскому царю, продолжал сохранять традиционные органы полисного государственного аппарата. Такое явление вряд ли возможно при насильственном захвате власти предводителем кочевников.

Мы полагаем, что совокупность всех категорий источников и соображения исторической логики не дают оснований предполагать прямое подчинение Ольвии сарматским предводителям Фарзю и Инисмею. Скорее всего, их взаимоотношения были гораздо сложнее.

С середины I в. н.э. Ольвия находится в сильном сарматском окружении. Сарматские памятники расположены вокруг полиса, а некоторые — в непосредственной близости от него (см. рис. 24). Контакты Ольвии с соседями-сарматами подтверждает и возрастание количества негреческих имен среди шеркушки ольвийских граждан⁷², и сообщения Диона Хризостома о военных столкновениях с сарматами (см. ниже), и находки отдельных сарматских вещей в Ольвии (кинжал с кольцевым навершием из некрополя у Заячьей Балки, туалетный флакон с тамгой схемы Фарзоя и т.д.). Без сомнения, для окружавшей Ольвию сильной сарматской орды город был прекрасным объектом внешней эксплуатации. Возможно, одной из форм зависимости Ольвии от сарматов Фарзоя было номинальное признание его "царем" и отражение этого в чеканке монеты.

Не исключено и другое. Тяготение Ольвии к Риму, якобы имевшее место в ее политике в середине — второй половине I в. н.э., весьма гипотетично. Во всяком случае в римско-боспорском конфликте 40-х гг. Ольвия поддерживала мятежного Митридата, наградив его золотым венком⁷³. В самом городе антиримские настроения прослеживаются из замечания Диона Хризостома об общем осуждении стремления отдельных граждан "польстить римлянам и доказать свою дружбу к ним". Относительно малая активность Рима на дунайской границе, с одной стороны, и наличие здесь сильного сарматского объединения, с другой, были лишь на руку антиримски настроенным кругам ольвиополитов. Такая обстановка могла породить союз Ольвии и объединения Фарзоя (скорее всего, при приоритете последнего). М.Б.Шуккин справедливо считает, что чеканка в Ольвии золотых монет была своеобразной демонстрацией независимости города от Рима в свете запрещения еще Августом золотой чеканки всем правителям, находящимся в сфере интересов римской политики⁷⁴. Выпуск монет по римской системе обусловлен лишь экономическими соображениями и совершенно не указывает на политическую зависимость Ольвии от Рима⁷⁵. А наличие сильного союзника в лице сарматского объединения Фарзоя давало возможность эту независимость сделать реальностью.

Признание Фарзоя, а затем его сына (?) Инисмея номинальным правителем Ольвии, при фактическом сохранении полисной системы управления могло быть одним из условий этого союза, заодно дававшим городу относительную безопасность от набегов кочевников. Кроме того, титул "ΒΑΣΙΛΕΥΣ" может обозначать, что его носитель царь сарматов, а не Ольвии, правители которой выделены отдельно (монограммы архонтов). То, что Ольвия не была взята врагами в течение I в.н.э. (что неминуемо произошло бы при установлении Фарзоем власти над ней без согласия ольвиополитов), как будто подтверждает и Дион: "...Последнее и самое сильное разрушение его (города. — А.С., Б.Л.) было не более как 150 лет тому назад...", имея в виду, вероятно, разгром Буресты. Правда, он же сообщает о вооруженных столкновениях с кочевниками: "Вчера в полдень скифы (т.е. сарматы. — А.С., Б.Л.) сделали набег", и в другом месте: "Каллистрат (ольвиополит. — А.С., Б.Л.) ...многих савроматов или убил, или взял в плен..." Его сообщение можно трактовать двояко. Ко времени прибытия Диона в Ольвию прежний союз с сарматами уже не существовал (монеты Инисмея датируются концом 70-х —

началом 80-х гг. н.э., см. выше). Возможно, что упоминаемые Дионом набеги совершались на свой страх и риск отдельными частными лицами. Подтверждением тому, кроме многочисленных этнографических примеров, служит "Токсарис или дружба" Лукиана. Один из героев рассказа говорит боспорскому царю: "...Относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на нашу страну, скифы отвечают, что они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх ради прибыли..."⁷⁶

Существование в Подиестровье — Подунавье во второй половине I в. н.э. мощного сарматского объединения (орды Фарзоя и Инисмея) подтверждается археологически. Большинство сарматских погребений региона относятся именно к этому времени. С северо-востока с ними граничили сарматы, обитавшие в Среднем Поднепровье. Здесь, помимо римских импортных изделий (без сомнения, поступающих с юго-запада), обнаружена краснолаковая тарелка с тамгой рода Инисмея. Не исключено, что кочевники Среднего Поднепровья входили в состав объединения Фарзоя — Инисмея, хотя с уверенностью утверждать это мы не можем. Но существование связей между населением, оставившим эти группы памятников, несомненно.

Широкую историческую картину деятельности Фарзоя в связи с событиями в регионе попытался дать М.Б.Шукин⁷⁷. Однако, принимая во внимание сарматскую принадлежность Фарзоя и Инисмея, автор, тем не менее, в реконструкции исторических событий пошел по неверному пути. Причина тому — ориентация на устаревшую датировку первых эмиссий Фарзоя. Исходя из предположений П.О.Карышковского, впоследствии им же самим отвергнутых, М.Б.Шукин относит первый этап деятельности Фарзоя к 48/49 гг. н.э., в то время как П.О.Карышковский убедительно передатировал монеты Фарзоя 60–70 гг. н.э. Вторым аргументом М.Б.Шукина — признаваемое им *a priori* установление власти Фарзоя над Ольвией. Как мы постарались показать, прямых оснований для этого вывода нет. Убеденность автора в истинности его гипотезы оказывает влияние на ход дальнейших рассуждений.

Появление монограмм архонтов на монетах позволяет М.Б.Шукину конструировать некие уступки ольвиополитам, на которые был вынужден пойти Фарзой, а ошибочное мнение о якобы наступившем в 58/59 гг. н.э. десятилетнем перерыве в чеканке Фарзоя приводит автора к далеко идущим выводам. Он связывает этот перерыв с событиями в Закавказье и походом Плавтия Сильвана. По М.Б.Шукину, эта акция состоялась в 58/59 гг. н.э. Подавив выступление крымских скифов против Херсонеса (что было основной задачей Плавтия Сильвана), римские гарнизоны встали в Херсонесе, Ольвии (?) и Тире (?)⁷⁸. Последнее заключение просто постулируется. Тем не менее прямых свидетельств пребывания в Ольвии и Тире римских гарнизонов в I в. н.э. нет. Это предположение базировалось прежде всего на дате деятельности Плавтия Сильвана и связывалось с ней⁷⁹. Однако П.О.Карышковский, И.Б.Клейман и В.М.Зубарь⁸⁰ убедительно доказали, что поход Плавтия Сильвана не мог состояться ранее 63–67 гг. н.э. Более того, его целью было только оказание помощи Херсонесу. Нет никаких оснований считать, что упомянутое в элгии переселение в Мезию более ста тысяч задунайских жителей и замирение сарматов связано с Днепро-Дунайским междуречьем. Последняя акция, судя по тексту, относится не ранее, чем к 62 г. н.э.⁸¹, т.е. проведена до похода Плавтия Сильвана в Херсонес и не связана с ним. Скорее всего речь идет о действиях Плавтия Сильвана как легата Мезии в своей провинции, а не в стенах Северо-Западного Причерноморья.

В систему аргументов М.Б.Шукина входят и такие необоснованные предположения, как план Нерона — перебросить экспедиционный корпус в Закавказье именно через Северное Причерноморье, или возможность сарматов владеть флотом Ольвии⁸². Они логически вытекают из его трактовки, основанной, как сказано выше, на неверной датировке монет Фарзоя, и недоказанных гипотез типа властвования Фарзоя над Ольвией или пребывания римских войск в ней. Источники не позволяют относить последнее событие ко времени ранее правления Адриана⁸³. Таким образом, правильно увиденная М.Б.Шукиным связь между сарматским объединением Фарзоя — Инисмея, Ольвией и римской политикой в регионе получила не совсем верную расшифровку.

Отвлечение основных сил римлян на борьбу с парфянами до конца 60-х гг. I в. н.э. обусловило относительное ослабление контроля дунайской границы со степью. Этой ситуацией не замедлили воспользоваться сарматы Фарзоя. Зимой 67/68 г. н.э., по сви-

детельству Тацита, роксоланы вторглись в Мезию и "изрубили две когорты". Эти события совпали с междоусобицей в Риме, где после самоубийства Нерона началась борьба за власть Гальбы, Отона и Вителлия. Без сомнения, смута в метрополии отразилась на положении дел в провинциях. Следующей зимой, в 69/70 г. н.э., сарматы "в числе 9 тыс. всадников" повторяют набег. Однако они были встречены солдатами III Галльского легиона и отброшены к Дунаю, "в болота". Легат Апоний Сатурнин был удостоен Отоном награды за победу над сарматами. Тем не менее в том же году сарматы вновь нападают, и в борьбе с ними гибнет легат Мезии Фонтей Агриппа. Назначенный уже Веспасианом легат Рубрий Галл смог, наконец, отбросить сарматов за Дунай и укрепить границу⁸⁴.

Нетрудно заметить, что предложенная нами идентификация орды Фарзоя — Инисмея с аорсами вступает в некоторое противоречие с данными Тацита, где речь идет о роксоланах. Однако, это противоречие, на наш взгляд, чисто внешнее и непринципиальное. Прежде всего появление аорсов в днестро-дунайских степях вовсе не нужно понимать как установление их этнического (племенного) доминирования над всеми остальными племенами региона. Скорее, как это часто бывало у кочевников, новые пришельцы установили военно-политическое господство, объединив под своей властью остальные сарматские племена. При этом роксоланы, оставая племенной единицей, продолжали обитать в Подунавье и вполне могли участвовать в военных акциях, о которых пишет Тацит, вместе с аорсами или без оных. Кстати, Тацит явно имеет в виду неоднородный племенной состав сарматов Северо-Западного Причерноморья, подчеркивая, что напали "роксоланы, народ сарматского племени", т.е. историк знал и каких-то других сарматов. Мы полагаем, что этими другими и были аорсы. Отнюдь не настаивая безоговорочно на связи набегов 68 — 70 гг. с Фарзоем, мы не исключаем его отношения к ним.

Военные действия 68—70 гг. н.э., без сомнения, связаны с бурными политическими событиями в империи. Сарматы прекрасно понимали относительную слабость позиций Рима в регионе и не замедлили этим воспользоваться. После стабилизации империи при Веспасиане и окончания военных действий на парфянском театре укрепляется дунайская граница. Здесь размещаются I Итальянский, VII Клавдиев, V Македонский и V Alaudae ("Жаворонка") легионы. При образовании Нижней Мезии (86 г. н.э.) на ее территории остались I Итальянский и V Македонский легионы со вспомогательными частями⁸⁵. Если добавить сюда нижнедунайскую флотилию, то следует признать, что силы римлян в этом районе были достаточно велики. Понимали это и сарматы, активность которых заметно снизилась. Во всяком случае, до 89 г. н.э. данных о конфликтах с сарматами на Нижнем Дунае нет.

Трудно сказать, насколько изменилась ситуация при преемнике Фарзоя Инисмее. Судя по монетам, союз с Ольвией (если их взаимоотношения рассматривать в этом смысле) продолжался. Археологические памятники этого времени не позволяют говорить о каком-то ослаблении сарматского объединения. Более того, находка тамги схемы Инисмея в Среднем Поднепровье указывает на связь его обитателей — сарматов — с днестро-дунайской ордой. Как отмечалось, не исключено вхождение сарматов Среднего Поднепровья в объединение Инисмея. Скорее всего, именно укрепление римских позиций на Дунае при первых Флавиях удерживало сарматов от конфликтов.

К 83 г. н.э. (время посещения Ольвии Дионом Хризостомом) Инисмея, вероятно, уже не было в живых. Это подтверждает датировка его монет и мужского захоронения из Порогов, если оно связано с Инисмеем. Во всяком случае, такое явление, как подчинение Ольвии (пусть номинальное) сарматскому царю или союз с ним было бы отмечено Дионом. Скорее всего, ситуация после Инисмея изменилась, и Дион уже фиксирует нападения сарматов на Ольвию.

Затишье на Дунае продолжалось недолго. В 89 г. н.э. войска Домициана выступили против сарматов, "после того как ими был уничтожен легион вместе с легатом"⁸⁶. Вероятно, и Тацит, и Светоний несколько стучали краски, и не стоит полагать, что сарматы действительно полностью могли уничтожить такие крупные соединения, как легион. Вероятно, термины "изрубили" и "уничтожили" — это эмоционально окрашенное определение военного поражения (конечно, в гибели легатов сомневаться не приходится).

Последнее из зафиксированных античными авторами столкновение с сарматами на Дунае в I в. н.э. произошло в 92 г. Войска Домициана одержали победу. Правда, судя

по всему, основным противником Рима на дунайских границах становится окрепшая Дакция. Походы против даков, которым предшествовало нападение последних на Мезию в 85 г. н.э., состоялись в 86 и 88–89 гг. н.э. Победу над ними Домициан отметил двойным триумфом, в то время как за сарматские походы лишь поднес лавровый венок Юпитеру Капитолийскому⁸⁷.

Окончательное замирение нижнедунайских границ связано с политикой Траяна. Дакийские войны 101–102 и 105–106 гг. н.э. сломили сопротивление державы Децебала, и Дакция стала римской провинцией. При первых Антонинах начинается прямое проникновение римлян в Северное Причерноморье, носившее преимущественно характер военной оккупации античных центров — Тиры, Ольвии, Херсонеса — и контроля над прибрежными районами⁸⁸.

Во II в. н.э. активизация римской политики в регионе, с одной стороны, и появление новой волны кочевников — позднесарматских племен (аланов?) — с другой, вновь породили множество конфронтаций между ними. Однако эти события выходят за хронологические рамки работы и требуют отдельного рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1984 г. близ с.Пороги Ямпольского р-на Винницкой обл. экспедицией Винницкого краеведческого музея под руководством Б.И.Лобая исследованы два захоронения представителей сарматской знати.

Оба погребения впускные в курган эпохи бронзы. Мужское совершено в катакомбе, женское — в яме с уступом. Оба типа погребальных сооружений немногочисленны у сарматов, однако спорадически встречаются во всех регионах распространения сарматской культуры.

Погребения содержали многочисленный и богатый инвентарь. В мужском захоронении найдены золотые гривна и браслет, парадный и портупейный пояса с золотой гарнитурой, меч в отделанных золотом ножнах, золотая пластина-гастагна (предохранительный шиток для защиты запястья от удара тетивы), серебряные кубок и обувные пряжки. Украшения выполнены в характерном восточном "бирюзово-золотом" зверином стиле. Помимо меча, в состав вооружения воина входили лук с костяными накладками, колчан со стрелами с черешковыми наконечниками хуннско-среднеазиатских типов и боевой нож фракийского происхождения. Красная кожаная или замшевая одежда погребенного была расшита золотыми пронизями и скреплена на груди двумя бронзовыми фибулами. Воин погребен в деревянном саркофаге, в углу камеры стояли две амфоры.

В составе инвентаря женского захоронения: золотые полихромные височные подвески, серебряные перстни, биллоновое зеркало, красноглиняный античный кувшин, лепные курильницы. ворот, грудь и рукава платья погребенной были расшиты золотыми бляшками различных типов; в состав костюма входила бронзовая фибула, шаровары у шиколоток были украшены пастовым бисером.

По совокупности датирующих вещей (фибулы, амфоры, кувшин) погребения могут быть отнесены ко второй половине I в. н.э. Уточняют эту дату тамгообразные знаки на пластинках обоих поясов, наконечнике гривны, ножнах меча и серебряном кубке из мужского захоронения. В некоторых случаях они (пояса и кубок) тождественны тамгам на монетах "царя" Инисмея,чеканенных в Ольвии в конце 70-х — начале 80-х гг. н.э. Таким образом, мы датируем порожские захоронения последней четвертью I в. н.э.

Характерный стиль украшений, тип лука и особенно наконечников стрел, погребальное сооружение мужской могилы указывают на восточное (поволжско-донское) происхождение погребенного. Тамги Инисмея обнаруживают прямую связь с тамгами Фарзоя, монеты которого датируются 60–70 гг. н.э. и, таким образом, непосредственно предшествуют монетам Инисмея. В свою очередь, тамги схемы Фарзоя известны, помимо монет, на ряде предметов из сарматских погребений Северо-Западного Причерноморья, Подонья и Поволжья. В сочетании с ярко выраженным восточным обликом некоторых сарматских памятников второй половины I в. н.э. на территории степей между Днестром и Дунаем они указывают на продвижение сюда в это время сарматской орды с поволжско-донских территорий. Исторические источники позволяют связать это продвижение с аорсами — одним из сарматских племен, обитавшим в междуречьи Дона и Волги.

Благодаря анализу сарматских погребений Северо-Западного Причерноморья I в. н.э. намечилось две группы захоронений. Одна из них характеризуется перечисленными восточными чертами и локализуется в бассейнах Южного Буга, южной части Среднего Поднепровья и в Среднем Поднестровье, другая, сохраняющая черты местной сарматской культуры предшествующего времени, — в низовьях Днестра и Дуная. Если принять нашу гипотезу о том, что погребения с восточными чертами оставлены пришельцами-аорсами, то погребения второй группы можно связывать с роксоланами, которых древние авторы отмечали на исследуемой территории в числе прочих сарматских племен.

Погребения в Порогах позволили окончательно решить вопрос об этнической принадлежности "царей" Фарзоя и Инисмея, чеканивших монеты в Ольвии. Долгое время они считались позднескифскими властителями. Порожская находка подтвердила предположение П.О.Карышковского, поддержанное М.Б.Шукиным, о сарматской принадлежности этих "царей". Развивая эту тему, мы предполагаем донско-поволжское происхождение Фарзоя и Инисмея и связываем их с пришедшими в Северо-Западное Причерноморье в середине — третьей четверти I в. н.э. аорсами.

Анализ археологических и исторических источников дал возможность поставить еще один вопрос истории сарматов в I в. н.э. — о их взаимоотношениях с Ольвией. Факт чеканки полисом монет Фарзоя и Инисмея традиционно рассматривался как доказательство подчинения его названному "царям". Однако, как мы постарались показать, прямых доказательств тому нет. Не исключено, что между Ольвией и объединением Фарзоя — Инисмея был заключен антиримский союз при номинальном приоритете сарматов (обычный для кочевников прием), что и отразила чеканка полисом монет.

Наша работа отнюдь не претендует на исчерпывающее решение вопросов истории и культуры сарматов как исследуемого региона, так и Северного Причерноморья в целом. Рассматривается лишь один из интереснейших периодов сарматской культуры и, как нам хотелось бы думать, намечены дальнейшие направления в разработке проблем истории Северного Причерноморья сарматского времени. К числу их относятся: детальное выявление сходства и отличия сарматской культуры Северо-Западного Причерноморья и соседних территорий — Подонья, Прикубанья, Поволжья; решение на этой основе ряда исторических вопросов (время и направление сарматских миграций, племенная принадлежность тех или иных археологических памятников сарматов, связи сарматов Северного Причерноморья с восточными территориями); необходимость изучения сарматской культуры Северного Причерноморья по периодам и соотношение их с периодизацией культуры Азиатской Сарматии; дальнейшее углубленное изучение характера взаимоотношений сарматов с античными центрами Северного Причерноморья. Без решения на высоком научном уровне этих проблем невозможно полноценное изучение одного из интереснейших периодов истории нашей Родины.

С.И. КРУЦ

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ У с. ПОРОГИ**

В научной литературе ощущается крайняя недостаточность антропологических сведений о сарматах территории Украины¹. В этой связи публикация новых данных вызывает определенный интерес.

В секторе антропологии Института археологии АН УССР исследованы два скелета из сарматских погребений, раскопанных в кургане у с. Пороги на Днестре. Из-за плохой сохранности скелета из погребения 1 (очень рыхлая и рассыпающаяся кость) полностью восстановить череп и некоторые трубчатые кости не удалось². Череп разбит и реставрирован только частично — черепной свод. Лицевой отдел состоит из мельчайших обломков и не поддается реставрации. Нижняя челюсть восстановлена почти полностью, за исключением мышечковых отростков.

Череп — небольшой (грацильный), брахикранный, с достаточно выраженными мужскими половыми признаками: значительно развитая выйная линия с угловатым затылочным бугром (не менее 4 баллов), довольно крупные сосцевидные отростки. Надглабеллярная часть разрушена, но хорошо заметны развитые надбровные дуги. Нижняя челюсть небольшая, но высокая, с прямыми ветвями и развитой жевательной бугристостью. Видимо, череп принадлежал мужчине. Венечный и ламбдовидный швы уплотнены, сагиттальный частично зарос. Сохранился (местами) метонический шов. Зубы стерты слабо. Определение возраста по черепу затруднено (30–40 лет?). Из характерных особенностей следует отметить отсутствие левого третьего моляра на нижней челюсти (не прорезался), тогда как на правой половине он сформировался полностью. На внешних резцах хорошо прослеживается лопатообразность (2–3 балла); небный валик (*torus palatinus*) — не менее 2 баллов, ореховидные вздутия (*torus mandibularis*) — 2 балла.

Кости посткраниального скелета сохранились плохо, многие реставрированы, благодаря чему измерены почти все трубчатые кости левой половины скелета и правая большеберцовая.

Плечевая кость довольно длинная (см. табл. 2), выше средней прочности, форма сечения диафиза — округлая (по классификации В.В. Бунака³), ширина нижнего эпифиза большая. Лучевая кость длинная, средней массивности, локтевая — средней длины, большой прочности. Левая бедренная — недлинная массивная. Отмечается слабый наклон оси диафиза по отношению к эпифизарной плоскости. Пялюстр развит слабо. Правая большеберцовая кость — выше средней длины, большой прочности. В целом трубчатые кости выше средней длины, за исключением бедра, массивные с хорошо развитым мышечным рельефом. Диафизы большеберцовой и, особенно, локтевой костей изогнуты. Рост по формуле Пирсона — 167,5 см (выше среднего, по рубрикации Р. Мартина).

Посткраниальный скелет, без сомнения, свидетельствует о принадлежности его мужчине зрелого возраста (на эпифизах и, в особенности, на нижнем бедренном, заметны острые края).

Скелет из погребения 2 сохранился лучше. Череп почти целый. Разрушены и частично восстановлены основание, левая височная кость, а также нижняя челюсть. Определение пола в данном случае вызывает некоторые сомнения: сглаженное надбровье, развитые лобные бугры, небольшая нижняя челюсть — признаки, типично женские при значительно развитой выйной линии, средних размеров сосцевидных отростках, т.е. типично мужском рельефе затылочной кости.

Черепные швы все открыты (и с внутренней, и с внешней сторон), зубы стерты

минимально. Третьи моляры сформировались и прорезались. Возраст — 25–30 лет.

Череп брахикранный, с очень высоким сводом и широким лбом (см. табл. 1); лицо широкое и высокое (по рубрикации В.А.Алексеева и Г.Ф.Дебеша⁴). Нос среднеширокий, на границе с широким, переносье высокое, нижний край грушевидного отверстия острый. Орбиты довольно низкие. Лицо хорошо профилировано в верхней части и несколько уплощено в средней. Метопический шов отсутствует. Небный валик выражен значительно (*torus palatinus* — 2 балла). На внутренних и внешних резцах заметна лопатообразность не ниже 2 баллов.

От посткраниального скелета сохранились почти все трубчатые и тазовые кости, ключицы и др. Правая плечевая кость длинная, тонкая (индекс прочности небольшой — см. табл. 2), сечение диафиза округлое, нижний эпифиз небольшой с межмышцелковым отверстием. Заметно выражена дельтовидная бугристость. Обе лучевые кости длинные, средней массивности, диафизы несколько уплощены. Правая не намного длиннее левой. На левой локтевой кости разрушен верхний эпифиз (правая отсутствует), она также длинная, средней массивности. Обе бедренные большой длины (правая длиннее), тонкие с развитым пнястром. Левая и правая большеберцовые кости также большой длины с небольшим указателем прочности.

В целом трубчатые кости скелета длинные, но тонкие. Развитые дельтовидная бугристость и пнястр могут свидетельствовать о значительной физической нагрузке. Возможно, с этим связан и рельеф затылочной кости. Соотношение размеров трубчатых костей указывает на короткое предплечье, более короткое бедро и длинную голень. В целом верхние конечности по отношению к нижним средних размеров, что характерно для европеоидных групп. Рост, вычисленный по формуле Пирсона, — 160,6 см, высокий (по рубрикации Р.Мартина).

Учитывая недостаточность сведений по физическому типу сарматов Правобережной Украины, целесообразно привлечь для исследования еще два скелета из сарматских погребений I в. н.э. из кургана 19 у с.Баштечки Черкасской обл. (погребения 3 и 5⁵), тем более, что в погребении 5 на сосуде обнаружен такой же тамгообразный знак, что и в погребении 1 у с.Пороги. Оба погребения женские.

Погребение 3. Реставрированный череп⁶ с разрушенной лобной костью, небольшой, долихокраний, ближе к мезокрании. Лицевой скелет узкий, невысокий (см. табл. 1), хорошо профилированный в горизонтальной плоскости, прогнатный. Нос широкий, орбиты невысокие. Метопического шва нет, по ламбдовидному шву — небольшие вставочные косточки. Хорошо прослеживается небный валик. Лопатообразность на резцах не отмечается. Зубы великолепной сохранности. Возраст — 22–25 лет. Тип европеоидный.

Измерены почти все трубчатые кости скелета (см. табл. 2). Кости небольшие, тонкие, поверхность гладкая. Рост (по Пирсону) — 151,4 см, по рубрикации Р.Мартина, — ниже среднего.

Погребение 5. Череп прекрасной сохранности. Швы уплотнены, местами заросли (сагитальный — полностью), тогда как зубы стерты минимально (M_1 — не более 1–2 баллов). Метопический шов отсутствует, по ламбдовидному шву прослеживаются небольшие вставочные косточки.

Череп брахикранный, свод высокий, лоб широкий, покатый. Лицо среднеширокое (на границе с широким), средневысокое, мезогнатное, среднепрофилированное в верхней части и хорошо в средней. Нос широкий, переносье высокое, носовые кости выступают значительно. Тип вполне европеоидный.

Трубчатые кости измерены все (см. табл. 2). Кости небольшие, грацильные, тонкие, типично женские, несмотря на то, что на плечевых костях развита дельтовидная бугристость, как свидетельство физически развитых верхних конечностей. На нижних эпифизах плечевых костей обнаружены межмышцелковые отверстия, как и на скелете из погребения 2 у с.Пороги. Рост, по формуле Пирсона, — 157,4 см, выше среднего.

Таким образом, в нашем распоряжении оказались один мужской и три женских скелета из сарматских погребений I в. н.э., расположенных на территории Правобережной Украины. Мужской скелет не дает больших возможностей для сравнения: брахикраний череп, пропорции скелета и длина тела укладываются в вариации сарматских серий Украины и Поволжья, более детальный анализ невозможен. Женские скелеты несут в себе несколько больше информации.

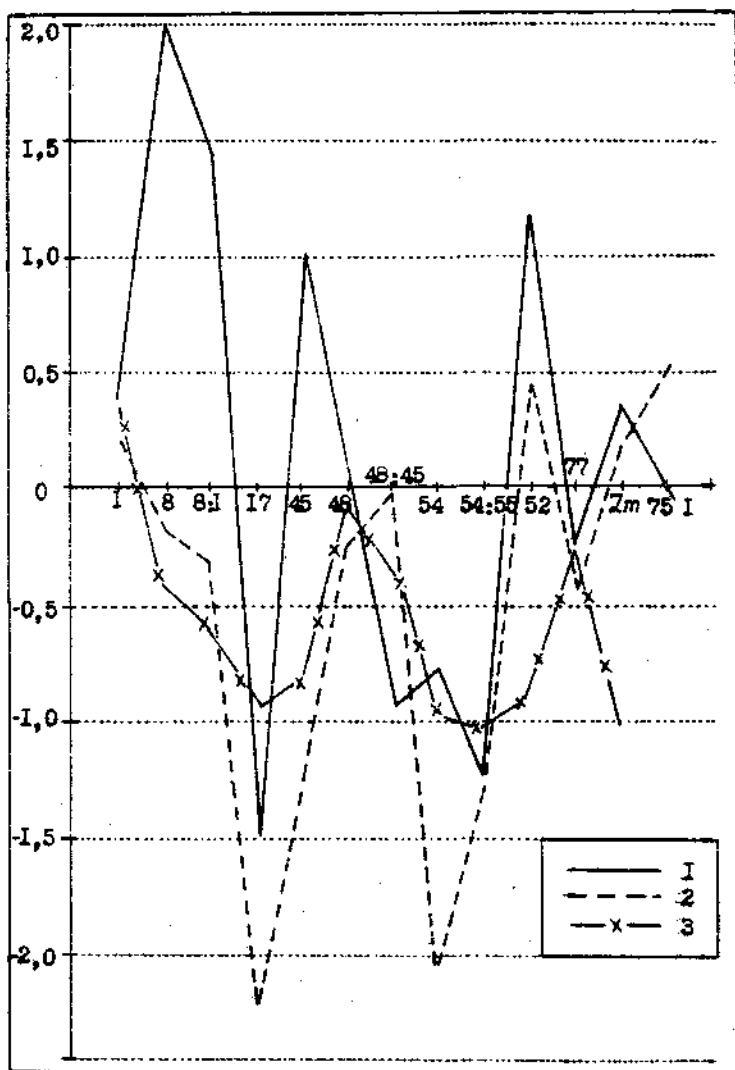

Рис. 37. Сопоставление женских черепов сарматов Правобережной Украины с синхронными позднесарматскими сериями:
1 – бассейн р.Молочной; 2 – Усть-Каменский могильник; 3 – Золотобалковский могильник

Суммарно они характеризуются среднелиннй и среднеширокой, высокой черепной коробкой, по указателю мезокранной, – на границе с брахикранией. Лоб широкий, лицевой скелет также широкий, средневысокий, мезогнатный, хорошо профилированный в горизонтальной плоскости; орбиты невысокие, нос широкий, выступающий, с высоким переносьем.

Трубчатые кости средней длины, за исключением бедренной, средней массивности. По интермембральному указателю (отношение длины верхних конечностей к нижним) женщины из сарматских погребений отличались мезоморфным строением скелета, что, как уже отмечалось, характерно для европеоидных групп. В двух из трех случаях встречены межмышечковые отверстия на нижних эпифазах плечевых костей. Рост (по формуле Пирсона) – 156,5 см, по рубрикации Р.Мартина – выше среднего.

Физический тип сарматов Украины первых веков н.э. впервые исследовала Т.С.Кондукторова по материалам из курганных могильников у с.Усть-Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. и могильников бассейна р.Молочной Запорожской обл. (у сел Аккермень и Ново-Филипповка)⁷. Она пришла к выводу, что сарматы бассейна р.Молочной представляют "близкий к сарматам Нижнего Поволжья антропо-

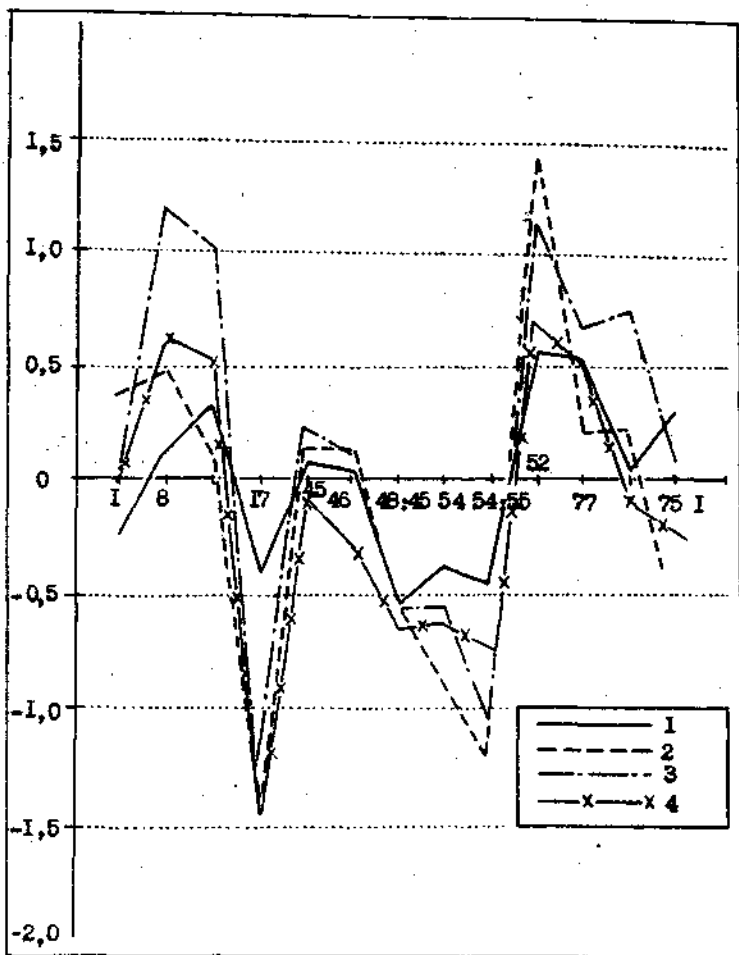

Рис. 38. Сопоставление женских черепов сарматов Правобережной Украины с черепами Заволжья, Приуралья и Средней Азии:

1 – Тулькарский могильник; 2 – Саратовское Заволжье; 3 – уральская группа; 4 – волгоградско-астраханская группа

логический тип”, еще большее сходство наблюдается при сравнении с группой сарматов Саратовского Заволжья⁸. Сарматы бассейна р.Молочной ближе к “андроновцам” Минусинского края, чем к скифам Поднепровья – на основании заключения Г.Ф.Дебеца о сходстве сарматов территории Саратовского Заволжья с андроновским типом бронзовой эпохи с территории Казахстана и Минусинского края⁹. То же Т.С.Кондукторова пишет о сарматах Усть-Каменского могильника. Объединяя обе серии, она подчеркивает их сходство с сарматами Поволжья, что, по ее мнению, вполне согласуется с историческими свидетельствами о переселении сарматов на территорию Украины с востока, где они вытеснили скифов (антропологические данные, по мнению Т.С.Кондукторовой, указывают на отсутствие прямой генетической связи между ними)¹⁰.

В свете этих высказываний небезынтересно сравнить наши материалы не только с сарматскими (Усть-Каменка, Молочная), но и позднескифскими (Золотая Балка)¹¹ с территории Украины. С этой целью подсчитаны коэффициенты обобщенных расстояний, по методу Пенроза¹², и построены графики Моллисона, объективно отражающие различия между признаками, выраженные в долях сигмы.

Наиболее резко женские черепа из Порогов и Баштчек отличаются от усть-каменских и затем молочанских. Усть-каменские имеют невысокий свод (более широкое лицо и узкий нос, молочанские – более широкий и низкий череп и высокие орбиты) (рис. 37). Обогащенные расстояния – значительные: Пороги – Усть-Каменка – 0,919, Пороги – Молочная – 0,897.

Несмотря на некоторые отличия позднескифских черепов из Золотой Балки (более узкое лицо, меньшую ширину носа и более резкую горизонтальную профилировку в средней части лица в пределах допустимых различий), они в большей степени близки сарматским (см. рис. 37). Суммарное расстояние между ними всего 0,370.

Учитывая исторические и археологические свидетельства о передвижениях сарматов в первых веках н.э. с востока¹³, мы не могли не сравнить наши материалы с известными сарматскими сериями из Поволжья, Приуралья и Средней Азии. Были взяты группы Саратовского Заволжья среднего этапа (II в. до н.э. — II в. н.э.), волгоградско-астраханская и уральская¹⁴, а также некоторые группы Средней Азии¹⁵ (могильники Казахстана сако-усуньского времени, Тулхар и др.).

Отличия во всех перечисленных группах, кроме тулхарской, практически одни и те же. Женские черепа из сарматских погребений у сел Пороги и Баштечки имеют более высокий свод черепа, широкий нос и более низкие орбиты (рис. 38). Эти отличия, видимо, могут быть объяснены за счет некоторой монголоидной примеси на сарматских черепах Поволжья и особенно Приуралья и Казахстана.

Наибольшее сходство украинских сарматских черепов обнаруживается при сравнении с волго-астраханской группой и в большей мере с тулхарской. (Суммарные расстояния соответственно 0,387 и 0,113.)

Понимая условность сравнения столь немногочисленной серии черепов, нельзя не отметить почти тождественное сходство с тулхарскими черепами. Поздний Тулхарский могильник из Бишкентской долины на юге Таджикистана, датированный II в. до н.э. — I в. н.э., оставлен кочевниками на пути из более северных районов Средней Азии в Индию¹⁶. Черепа из этого могильника принадлежали европеоидному населению, в основе которого лежит андроновский тип, характерный для населения многих районов Средней Азии (саков и усуней Восточного Казахстана и др.) и распространенный в сарматской среде Поволжья, Приуралья, Подонья и Северного Причерноморья. Тулхарские черепа сходны с сакскими из Приаралья, что дало основание Т.П.Кияткиной, сделать вывод о северном или северо-западном происхождении населения, оставившего поздний Тулхарский могильник¹⁷. В раннем Тулхарском могильнике погребены люди иного — средиземноморского — антропологического типа.

Следовательно, несмотря на значительную удаленность этого памятника от территории Украины, представляется возможным объяснить сходство антропологических типов сарматок из Порогов и Баштечек и населением, оставившим поздний Тулхарский могильник. В основе их лежит андроновский, или протоевропейский, антропологический тип, распространенный на широкой территории евразийских степей в эпоху бронзы. Г.Ф.Дебец писал, что "...брахикефальный сарматский тип можно сопоставить с типом катакомбной культуры. Оба относятся к кругу евразийских брахикефальных рас"¹⁸. В этой связи не исключена возможность и местного происхождения женщин из сарматских погребений у сел Пороги и Баштечки, если учесть сходство их физического типа с позднескифским населением из Золотой Балки.

Таблица 1. Индивидуальные данные черепов из сарматских погребений Виницкой и Черкасской областей

Номер по Мартину	Признак	с.Пороги Виницкой обл.		с.Баштечки Черкасской обл.	
		курган 2		курган 19	
		п.1	п.2	п.3	п.5
		♂	♀?	♀	♀
1	Продольный диаметр	(170)	170	172?	182
8	Поперечный диаметр	(140)	140	128?	146
8:1	Черепной указатель	(82,4)	82,4	74,4?	80,2
17	Высотный диаметр (ba-br)	-	137	-	131
20	Высотный диаметр (po-br)	-	-	-	-
17:1	Высотно-продольный указатель	-	80,6	-	72,0
17:8	Высотно-поперечный указатель	-	91,9	-	90,0
20:1	Высотно-продольный указатель	-	-	-	-
20:8	Высотно-поперечный указатель	-	-	-	-
9	Наименьшая ширина лба	-	105	-	97
10	Наибольшая ширина лба	-	125	-	118
9:8	Лобно-поперечный указатель	-	75,0	-	66,4
9:10	Лобный указатель	-	84,0	-	82,2
5	Длина основания черепа	-	99	-	99
11	Ширина основания черепа	-	120?	113	123
12	Ширина затылка	-	105?	-	115
29	Лобная хорда	(103)	109	-	112,5
Sub№b	Высота изгиба лба	21,0?	24,0	-	27,0
30	Теменная хорда	115?	106	-	104
31	Затылочная хорда	91?	93	92	103
	Высота изгиба затылка	28,0?	24,5	28,5	32,5
Sub№b:29	Указатель выпуклости лба	(20,4)	22,0	-	24,0
:30	Указатель выпуклости затылка	30,8?	26,3	31,0	31,6
26	Лобная дуга	(125)	127	-	-
27	Теменная дуга	135?	120	-	-
28	Затылочная дуга	115	111	113	-
7	Длина затылочного отверстия	-	-	-	33,5
16	Ширина затылочного отверстия	-	-	-	27,5
16:7	Указатель затылочного отверстия	-	-	-	82,1
32	Угол профиля лба от назоле	-	-	-	81
-	Угол профиля лба от глыбеллы	-	-	-	78
	Надпереносье (по Мартину 1-6)	-	1	1	1
	Надбровные дуги (1-3)	-	1	1	1
	Наружный затылочный бугор (по Брока 0-5)	4	3	0	0
	Сосцевидный отросток (1-3)	2	2	1	1
45	Скуловой диаметр	-	131?	116?	127
40	Длина основания лица	-	97	-	95
40:5	Указатель выступающего лица	-	98,0	-	96,0
48	Верхняя высота лица	-	71	64?	66
48:45	Верхнелицевой указатель	-	54,2	55,2?	52,0
47	Полная высота лица	-	113?	107	108
47:45	Лицевой указатель	-	86,3?	92,2?	85,0
48:17	Вертикальный фацио-черебральный указатель	-	51,8	-	50,4
43	Верхняя ширина лица	-	112	101	106
46	Средняя ширина лица	-	92	96	94
60	Длина альвеолярной дуги	-	58	50	55
61	Ширина альвеолярной дуги	-	61	62	62
61:60	Указатель альвеолярной дуги	-	105,2	124,0	112,7
62	Длина неба	-	46	45	45
63	Ширина неба	-	37	36	35
63:62	Небный указатель	-	80,4	80,0	77,8
55	Высота носа	-	48	46	49
54	Ширина носа	-	25,0	25,0	26,5
54:55	Носовой указатель	-	52,1	54,3	54,1
51	Орбитный указатель от tf	-	42,0	41,0?	42,0
51a	Орбитный указатель от α	-	40,0	-	39,5
52	Высота орбиты	-	33,5	27,5	32,0
52:51	Орбитный указатель I	-	79,8	67,1?	76,2
52:56	Орбитный указатель II	-	83,8	-	81,0
	Бималирная ширина (fto-fto)	-	101,0	-	97,0

Окончание табл. 1

Номер по Мартину	Признак	с.Пороги Винницкой обл.		с.Баштечки Черкасской обл.	
		курган 2		курган 19	
		п.1	п.2	п.3	п.5
		♂	♀?	♀	♀
	Высота назиона над бималлярной хордой	—	19,0	—	17,5
	Зиго-максиллярная ширина	—	86,5	97,5	92,5
	Высота субназиале над зигомаксиллярной хордой	—	18,0	24,0	22,5
	Назомаллярный угол	—	138	—	140
	Зиго-максиллярный угол	—	135	127	128
SC	Симотическая ширина	—	11,6	—	10,1
SS	Симотическая высота	—	5,5	—	4,4
SS:SC	Симотический указатель	—	47,4	—	43,6
MC	Максиллофронтальная ширина	—	20,3	—	20,0
MS	Максиллофронтальная высота	—	9,0	—	8,0
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	—	44,3	—	40,0
DC	Лапиральная ширина	—	22,0	—	22,0
DS	Лапиральная высота	—	12,0	—	12,4
DS:DC	Лапиральный указатель	—	54,6	—	56,4
FS	Глубина Клыковой ямки	—	5,0	1,5	5,0
72	Общий лицевой угол	—	—	70?	81
73	Средний лицевой угол	—	—	74?	88
74	Угол альвеолярной части	—	—	62	64
75	Угол наклона носовых костей	—	—	—	54
75(1)	Угол выступания носа	—	—	—	27
	Нижний край грушевидного отверстия	—	Aut	—	?
	Передне-носовая ось (по Броня 1-5)	—	3	1	2
	Нижняя челюсть				
68(1)	Длина от мыщелков	—	—	90	97
79	Угол ветви	—	—	123	118
68	Длина от углов	—	—	63	73
70	Высота ветви	—	—	50	56
71a	Наименьшая ширина ветви	35	33	31	35
65	Мыщелковая ширина	—	—	111	120
66	Угловая ширина	88	—	95	100
67	Передняя ширина	46	—	42	48
69	Высота симдиале	(37)	34?	32	29
69(1)	Высота птеле	33	33п	30	29
69(3)	Толщина птеле	13	13п	12	12
69(3):					
69(1)	Указатель толщины	39,4	39,4	40,0	41,4
66:68	Щироотно-продольный указатель				
66:65	Щиротный				
71a:70	Указатель ветви				
C'	Угол выступания подбородка			72	60

Таблица 2. Индивидуальные данные трубчатых костей из сарматских погребений Винницкой и Черкасской областей

Номер по Мартину	Признак	с.Пороги Винницкой обл.				с.Баштечки Черкасской обл.			
		курган 2				курган 19			
		п.1		п.2		п.3		п.5	
		♂	♀?	♀	♀				
		правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая

Плечевая кость

1	Наибольшая длина	—	327	326	—	289	289	296	294
2	Вся длина	—	324	320	—	286	287	291	288
3	Верхняя эпифизарная ширина	—	51	47,5	—	45	44	46	45
4	Нижняя эпифизарная ширина	—	68	55,5	—	52	51	57	56,5

Продолжение табл. 2

Номер по Мартину	Признак	с. Пороги Вышневолоцкой обл.				с. Баштечки Черкасской обл.			
		курган 2				курган 19			
		п.1		п.2		п.3		п.5	
		♂		♀?		♀		♀	
		правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
5	Наибольший диаметр середины диафиза	23,5	23	20	—	20	20	19,5	19
6	Наименьший диаметр середины диафиза	19,5	18	16	—	18	18,5	16	16
7	Наименьшая окружность диафиза	68	66	50	—	54	55	51	52
7а	Окружность середины диафиза	70	69	58	—	57	58	55	57
6:5	Указатель сечения	83,0	78,3	80,0	—	90,0	92,5	82,1	—
7:1	Указатель массивности	—	20,2	15,3	—	18,7	20,1	17,2	17,7
Лучевая кость									
1	Наибольшая длина	—	260	240	239	—	—	216	218
2	Физиологическая длина	—	241	229	227	—	206	201	204
4	Поперечный диаметр диафиза	—	17	16	17	—	14,5	15,5	15,5
5	Сагиттальный диаметр диафиза	—	14	9	10	—	11,5	10	10,5
3	Наименьшая окружность диафиза	—	46	39	40	—	35	35	34
5:4	Указатель сечения	—	82,4	56,3	58,8	—	79,3	64,5	67,7
3:2	Указатель массивности	—	19,1	17,0	17,6	—	17,0	17,4	16,7
Локтевая кость									
1	Наибольшая длина	—	272	—	—	243	243	233	234
2	Физиологическая длина	—	238	—	225?	210	210	205	205
11	Передне-задний диаметр	—	16,5	—	11	12	13	12	12
12	Поперечный диаметр	—	18	—	16	15	15	15	15
13	Верхний поперечный диаметр	—	24	—	32	23	24	27	25
14	Верхний дорзо-волярный диаметр	—	32	—	28	20	20	25	21
Локтевая кость									
1	Наибольшая длина	—	272	—	—	243	243	233	234
2	Физиологическая длина	—	238	—	225?	210	210	205	205
11	Передне-задний диаметр	—	16,5	—	11	12	13	12	12
12	Поперечный диаметр	—	18	—	16	15	15	15	15
13	Верхний поперечный диаметр	—	24	—	32	23	24	27	25
14	Верхний дорзо-волярный диаметр	—	32	—	28	20	20	25	21
3	Наименьшая окружность	—	41	—	38	33	35	29	29
3:2	Указатель массивности	—	17,2	—	16,9	15,7	16,7	14,2	14,2
11:12	Указатель сечения	—	91,7	—	68,8	80,8	86,7	80,0	80,0
13:14	Указатель платолевни	—	75,0	—	114,3	115,0	120,0	108,0	119,1
Ключица									
1	Наибольшая длина	150	—	141	132	119	(112)	140	137
6	Окружность середины диафиза	44	—	38	35	33	(36)	33	31
6:1	Указатель массивности	29,3	—	27,0	25,2	27,7	(32,1)	23,6	22,6
Бедренная кость									
1	Наибольшая длина	—	441?	435?	432	399	403	388	388
2	Длина в естественном положении	—	438?	433	430	394	397	385	384
21	Мышечковая ширина	—	80	73,5	—	70	70,5	73	71
6	Сагиттальный диаметр середины диафиза	—	32	25	25,5	23,5	23,5	22	22,5
7	Поперечный диаметр середины диафиза	—	30	22	22,5	24,5	23	24	24
9	Верхний поперечный диаметр диафиза	—	31,5	26,5	28	28,5	29	26	25,5
10	Верхний сагиттальный диаметр диафиза	—	26	22	23	21	20,5	22	22
8	Окружность середины диафиза	—	97	73	73	73	71	71	69
8:2	Указатель массивности	—	22,2	16,9	17,0	18,5	17,9	18,4	18,0

Окончание табл. 2

Номер по Мартину	Признак	с. Пороги Видицкой обл.				с. Баштанки Черкасской обл.			
		курган 2				курган 19			
		п.1		п.2		п.3		п.5	
		♂		♀?		♀		♀	
		правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
6:7	Указатель пясти	—	106,7	113,6	113,3	95,9	97,8	91,7	93,8
10:9	Указатель пясти	—	82,5	83,0	80,0	73,7	70,7	84,6	86,3
	Большая берцовая кость								
1	Полная длина	382	—	372	373?	328?	—	323	321
2	Мышелково-таранная длина	355	—	—	—	308?	—	297	295
16	Наибольшая длина	384	—	375	376	333	—	327	324
5	Наибольшая ширина верхнего эпифиза	73	74,5	63?	—	67	67	68	66
6	Наибольшая ширина нижнего эпифиза	52	—	45	45,5	48	48,5	47	46
8	Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	33	31,5	26	27	27,5	26,5	24	24
8а	Сагиттальный диаметр на уровне for. pit.	35	35,5	30	31	30	28,5	28	26
9	Поперечный диаметр середины диафиза	25	24,5	19,5	20	18,5	18	17	17
9а	Поперечный диаметр на уровне for. pit.	26,5	23	21,5	21,5	20,5	21	20	18
10	Окружность на уровне середины диафиза	90	89	73	75	71	68	62	62
10в	Наименьшая окружность диафиза	83	—	70	68	66	68	57	56
9а: 8а	Указатель	75,7	64,8	71,7	69,4	68,3	73,7	71,4	69,2
9: 8	Указатель сечения	75,8	77,8	75,0	74,1	67,3	67,9	70,8	70,8
10в: 1	Указатель массивности	21,7	—	18,8	18,2	20,1	—	17,6	17,5
	Малая берцовая кость								
1	Наибольшая длина	—	—	—	—	314	—	312	308

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ДАННЫЕ ПРОБИРНОГО АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ У «ПОРОГИ»*

Номер п/п	Изделие	Материал	Масса, г	Проба	Вставки	Номер погребения
1	Поясная бляха правая	Золото	79,15	958	Бирюза, паста	1
2	Поясная бляха левая	"	83,28	958	То же	"
3	Поясные пластинки	Золото, серебро	2,98— 3,45	900		"
4	Португальная пряжка правая	Золото	24,15	958	Паста	"
5	Португальная пряжка левая	"	27,07	958	"	"
6	Бляшка в виде цветка лотоса	"	2,34	958	"	"
7	То же	"	2,36	958	"	"
8	Наконечник свисающего ремня	"	6,28	750	"	"
9	То же	"	6,55	750	"	"
10	Кольцо для подвешивания	"	7,89	958	"	"
11	Пряжка португальная	"	2,42	958	"	"
12	"	"	2,32	958	"	"
13	Карабин португальский	"	1,51	958	"	"
14	"	"	1,66	958	"	"
15	Наконечник ремня	Бронза, золото	4,68	750	"	"
16	"	То же	2,41	750	"	"
17	Обойма ремня	Золото	0,79	750	"	"
18	"	"	2,34	750	"	"
19	Обоймы ножен и рукояти меча	"	12,81	750	"	"
20	Пластина с рукояти меча	"	2,60	750	"	"
21	Пластина с ножен меча	"	2,60	750	"	"
22	Пластина ножен с тямгой	"	2,02	750	"	"
23	Трубчатые прожки	"	0,2	958	"	"
24	Пластина с запястья	"	3,11	750	"	"
25	Браслет	"	156,55	750	"	"
26	Гривна	"	237,80	958	Кера- мика	"
27	Кубок	Серебро	272,6	925	"	"
28	Пряжка обувная	"	2,0	800	"	"
29	"	"	1,8	800	"	"
30	"	"	6,5	916	"	"
31	"	"	5,4	916	"	"
32	Карабин обувной	"	2,8	916	"	"
33	"	"	2,8	916	"	"
34	Серьга правая	Золото	9,02	750	Стекло, керамика	2
35	Серьга левая	"	8,96	750	То же	"
36	Бляшки обшивки ворота	"	14,81	900	Паста	"
37	Бляшки обшивки груди	"	3,84	750	"	"
38	Бляшки обшивки рукава	"				
	каплевидные	"	0,05	750	"	"
	полусферические	"	0,03	900	"	"

*Проба золотых и серебряных изделий и их масса установлены старшим пробирером Юго-Западной инспекции пробирного надзора г. Киева В. Г. Золотой.

ГЛАВА II

- ¹ Гудкова А.В., Фокеев М.М. Землепещеры и кочевники в низовьях Дуная в I–IV вв. н.э. – Киев: Наук. думка, 1984. – С.21.
- ² Смишко Ю.М. Сарматские похоронения біля с.Острище, Станиславської обл. // МДАІВ. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – Вып.4. – С.61.
- ³ Костенко В.И. Сарматские памятники Днепо-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э. – Днепропетровск, 1983. – С.44.
- ⁴ Вязьмитина М.І. Сарматські поховання в долині р.Молочної // АП УРСР. – К., 1960. – Т.8. – С.18.
- ⁵ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбы Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. – 1972. – № 1. – С.77.
- ⁶ Скрипкин А.С. Подлесарматское катакомбное погребение из Черноярского р-на Астраханской обл. // КСИА. – 1974. – Вып.140. – С.62.
- ⁷ Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1984. – С.72.
- ⁸ Игантов В.В. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст.Хоперская // КСИА. – 1986. – Вып.186. – С.65.
- ⁹ Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – С.41. – Табл. 5.
- ¹⁰ Нецаев Л.Г. Об этнической принадлежности погребенных и катакомбных захоронений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С.153; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. – Грозный, 1963. – С.95; Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов "Золотого клычища" // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1969. – С.38–45.
- ¹¹ Виноградов В.Б. Указ. соч. – С.95.
- ¹² Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во гос. ун-та, 1983. – С.20.
- ¹³ Там же. – С.28; Игантов В.В. Указ. соч. – С.68.
- ¹⁴ Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы... – С.95.
- ¹⁵ Абрамова М.П. Сарматская культура I в. до н.э. – II в. н.э. // СА. – 1959. – № 1. – С.55.
- ¹⁶ Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – Киев: Наук. думка, 1981. – С.56.
- ¹⁷ Богданова Н.О. Могильник I ст. до н.э. – III ст. н.э. біля с.Завітне Бахчисарайського району // Археологія. – 1963. – Т.15. – С.98.
- ¹⁸ Щепинский А.О. Скарби сарматської знаті // ВАН УРСР. – 1977. – № 10. – С.76.
- ¹⁹ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – С.117 сл.
- ²⁰ Там же. – С.211.
- ²¹ Ковпащенко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наук. думка, 1986. – С.127.
- ²² Симоненко А.В. Указ. соч. – С.57.
- ²³ Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. – 1965. – № 1. – С.118–119.
- ²⁴ Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. – С.67–68.
- ²⁵ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – С.10.
- ²⁶ Там же. – С.11.
- ²⁷ Буюклиев Х. Тракийски могилен некропол при Чаталка. Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. – София, 1986. – Кн.16. – С.112.
- ²⁸ Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наук. думка, 1984. – С.141.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. – С.142.
- ³¹ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. – 1918. – № 37. – С.15–16, 25–26; Шилов В.П. Курганы сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. // СГЭ. – 1956. – Вып.9. – С.27; Шилов В.П. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // СА. – 1983. – № 1. – С.188; Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – (САИ; ДІ-10). – С.34.
- ³² Саррианди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М.: Наука, 1983. – С.64. – Рис.38, 45–47.
- ³³ Раскопки Е.И.Беспалого 1986 г. Материал не опубликован.

- 34 Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о работах Енисейского отряда Поволжской экспедиции у с.Косика в 1984 г. // НА ИА АН СССР. – Ф.Р-1, № 10879.
- 35 Могильников В.А., Суризаков А.С. Археологические исследования в дельтах рек Боротал и Алягаил // СА. – 1980. – № 2. – С.191; Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С.51.
- 36 Раев Б.А. Пазырык и Хохлач: Некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1984. – С.133.
- 37 Там же. – С.134.
- 38 Кубарев В.Д. Указ. соч. – С.46. – Рис. 9, 5.
- 39 Сокольский Н.И. Военное дело Боспора // Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – С.134.
- 40 Саричаниди В.И. Указ. соч. – С.64.
- 41 Беспалый Е.И. Курганы первых веков н.э. под Азовом // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. – Новочеркасск, 1987. – С.45.
- 42 Алексеева Е.М. Горгишия // Археология СССР: Античные государства Северного Приморья. – М.: Наука, 1984. – С.84. – Фото 16, 18.
- 43 Анакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н. и др. Археологические памятники Армзисхеви // Микета. – Тбилиси, 1959. – Т.1. – Табл. I, III, XXXVIII.
- 44 Хазанов А.М. Очерки... – С.13. – Табл. 34, 1.
- 45 Федоров-Давыдов Г.А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. – 1980. – С.236–237. – Рис. 1–3.
- 46 Хазанов А.М. Очерки... – С.16.
- 47 Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – С.59. – (САИ; Д1-4).
- 48 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – С.35.
- 49 Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С.49–51; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Табл. 18, 16, 17. – (САИ; Д1-9).
- 50 Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. – М.: Наука, 1974. – Т.2. – С.280.
- 51 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – М.; Л.: Наука, 1966. – Вып.1. – С.72. – (САИ; Е1-36).
- 52 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С.26.
- 53 Там же. – С.27. – Рис. 2.
- 54 Хазанов А.М. Очерки... – С.33. – Табл. 17, 10.
- 55 Худяков Ю.С. Указ. соч. – С.26.
- 56 Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокзъ в 1962 г. // Тр. ТКАЭЭ. – Л.: Наука, 1970. – Т.3. – С.79.
- 57 Худяков Ю.С. Указ. соч. – С.26, 64–66, 90, 111.
- 58 Хазанов А.М. Очерки... – С.29. Там же см. основную литературу вопроса.
- 59 ОАК за 1902 г. – СПб., 1904. – С.77.
- 60 Рыков П.С. Археологические раскопки курганов в урочище "Три брата" в Калмыцкой обл., произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. – 1936. – № 1. – С.155.
- 61 Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. – М.: Наука, 1966. – С.50. – (САИ; Д1-30).
- 62 Шилов В.П. Калининский курганный могильник // МИА, 1959. – № 60. – С.490.
- 63 Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. – 1959. – № 1. – С.63; Рыков П.С. Суловский курганный могильник. – Саратов, 1925. – С.23; Хазанов А.М. Очерки... – С.28; Амброс А.К. Указ. соч. – С.41.
- 64 Литвинский Б.А. Сложносоставный лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. – 1966. – № 4. – С.51–69.
- 65 Симицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // УЗСТУ. – 1954. – Т.39. – С.230.
- 66 Хазанов А.М. Очерки... – С.29.
- 67 Там же. – С.32.
- 68 Wegner I. Bogenfragmente aus Carnuntum und der unteren Wolga // ESA. – 1932. – N 7. – S.33–52.
- 69 Хазанов А.М. Очерки... – С.32.
- 70 Там же. – С.31, 33.
- 71 Там же. – С.31.
- 72 Там же. – С.33.
- 73 Черненко Е.В. Скифские лучники. – Киев: Наук. думка, 1981. – С.17.
- 74 Симоненко А.В. Военное дело населения степного Приморья в III в. до н.э. – III в. н.э. // Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986. – С.59.
- 75 Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. – 1965. – № 2. – С.82. – Рис. 7, 11, 12.
- 76 Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гунической эпохи (конец IV–V вв. н.э.) // История и культура сарматов. – Саратов, 1982. – С.82.
- 77 Худяков Ю.С. Вооружение... С.32. – Рис. 5, 14, 16, 26.
- 78 Хазанов А.М. Очерки... – С.38.
- 79 Литвинский Б.А. Указ. соч. – С.78, 81. – Рис. 6.
- 80 Там же. – С.79.
- 81 Засецкая И.П. Погребение у с.Кзылы-Адыр Оренбургской обл. (к вопросу о хунно-гунических связях) // Древние памятники культуры на территории СССР. – Л., 1982. – С.62.

- 82 ГИМ, инв. № Р82.
- 83 Киршичкиков А.Н. Указ. соч. — С.23.
- 84 Там же.
- 85 Раскопки В.В. Отрошенко в 1985 г. Материал не опубликован.
- 86 Симоненко А.В. Военное дело... — С.72.
- 87 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. — 1961. — № 101. — С.36. — Рис. 9, 3—4.
- 88 Черненко Е.В. Скифские лучники. — С.122.
- 89 Анушин Д.Н. О древнем луке и стрелах // Тр. V АС. — М., 1887. — С.388.
- 90 Там же. — С.366.
- 91 Шилов В.П. Археологические исследования Астраханской экспедиции в 1957 г. // НА ИА АН СССР. — Ф.Р.1. — № 1563. — С.34.
- 92 Мошкова М.Г. Памятники... — С.40. — Табл. 25, 21.
- 93 Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgabietes im Jahre 1926. — Pskowsk, 1927. — S.45. — Taf.36.
- 94 Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1979. — С.51—55.
- 95 Мысков Е.П. Раскопки курганов у с.Кияковка // АО 1984 г. — М., 1986. — С.145; Мамонтов В.Н. Раскопки курганов на левобережье Цимлянского водохранилища // Там же — С.140.
- 96 Благодарим А.С.Скрипкина за любезное разрешение воспользоваться неопубликованным материалом и предоставленный рисунок.
- 97 Sarianidi V.J. Baktrisches Gold. — Leningrad, 1985. — S.155. — Taf.88.
- 98 Манцесис А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Европы. — М.: Наука, 1976. — С.164—191.
- 99 Засецкая И.П. Сарматские и савроматские погребения Никольской могильника в Нижнем Поволжье // Тр.ГЭ. — Л., 1979. — Т.20. — С.111— Рис. 22.
- 100 Там же. — С.112.
- 101 Sarianidi V.J. Op. cit. — S.210. — Taf. 148.
- 102 Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. — Спб., 1890. — Т.3. — С.140. — Рис. 164.
- 103 Sarianidi V.J. Op. cit. — S.222.
- 104 Сарьяниди В.И. Бактрийский центр златоделая // СА. — 1987. — № 1. — С.81.
- 105 Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на реке Карагайнике // КСИИМК. — 1940. — Вып.5. — С.26—27.
- 106 Хазанов А.М. Очерки... — С.13.
- 107 Мамонтов В.Н. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и НИС ВГПИ в 1984 г. // НА ИА АН СССР. — Ф.Р.1. — № 10507. — С.19—24.
- 108 Sarianidi V.J. Op. cit. — S.255.
- 109 Засецкая И.П. Сарматские и савроматские погребения. — С.98. — Рис. 17, 4.
- 110 Шилов В.П. Отчет о работе Астраханской экспедиции в 1964 г. // НА ИА АН СССР. — Ф.Р.1. — № 3156. — С.155.
- 111 Раев Б.А. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА. — 1979. — № 4. — С.206. — Рис. 3, 5, 6, 10.
- 112 Sarianidi V.J. Op. cit. — S.111, 145. — Taf.50, 83.
- 113 Сарьяниди В.И. Бактрийский центр златоделая. — С.77.
- 114 Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. — Stockholm, 1897. — S.53. — Taf. V., 102.
- 115 Ettlinger E. Römischen Fibeln in Schweiz. — Zürich, 1973. — Taf. 6, 16; Riekhoff S. Münzen und Fibeln aus dem Vieus des Kastells Hüfingen // Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburg Museums. — 1975. — 32. — S.30.
- 116 Almgren O. Op. cit. — S.53, 122—129.
- 117 Feskar J. Fibeln uns der römischen Kaiserreit in Mähren. — Praha, 1972. — S.68—69. — Taf.2.
- 118 Berciu A. Buridava Dacica. — Bucuresti. 1981. — P.28.
- 119 Almgren O. Op. cit. — S.68.
- 120 ОАК за 1906 г. — Спб., 1909. — С.92. — Рис. 118: ОАК за 1900 г. — 1902. — С.37. — Рис. 92.
- 121 Архив А.А.Спицына в НА ЛОИА АН СССР. — Ф.5. — Д. № 37. — Л.196.
- 122 Вадас А.А., Кузьмер В.К. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungarica — 1984. — 36, 1—4. — С.239.
- 123 Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматин // СА. — 1987. — № 3. — С.167.
- 124 Там же. — С.171.
- 125 Вязмитина М.И. Золотобалковский могильник. — Киев: Наук. думка, 1972. — С.86.
- 126 Яценко С.А. Указ. соч. — С.171.
- 127 Там же. — С.173.
- 128 ГЭ. — Инв. № Ол. 17759.
- 129 Арх. ЛОИА АН СССР. — Ф.5. — Д. № 25. — Л.25.
- 130 Засецкая И.П. Сарматские и савроматские погребения... — С.110. — Рис. 21.
- 131 Sarianidi V.J. Op. cit. — S.239, 242, 253, 256, 260.
- 132 Раскопки в с.Черныкова 1982 г. Материалы не опубликованы.
- 133 Яценко С.А. Сарматское погребение близ Воронежа // СА. — 1981. — № 4. — С.256 сл.

- 134 *Sarvanidi V.J.* Op cit. — S.232.
- 135 Литературу см.: *Коваленко Г.Т.* Сарматское погребение... — С.30.
- 136 *Higgins R.A.* Greek and Roman jewellery. — London, 1965. — Fig.13f.
- 137 *Коваленко Г.Т.* Сарматское погребение... — С.34—35. — Рис. 32.
- 138 *Трайстер М.Ю., Дзигоевский А.Н., Сорокина Н.П.* Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с.Михайловки // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — С.124—134.
- 139 *Артемченко И.И., Левченко Б.М.* Сарматские погребения у с.Баштанки Черкасской обл. // СА. — 1983. — № 2. — С.145. — Рис. 1, 6.
- 140 *Смирнов К.Ф.* Курильницы и туалетные сосушки Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.: Наука, 1973. — С.169.
- 141 *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Указ. соч. — С.139. — Рис. 163; *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. — Спб., 1909. — Табл. 10, 27; *Беспалый Е.И.* Курган I в. н.э. у г.Азова // СА. — 1985. — № 4. — С.167. — Рис. 62.
- 142 *Ростовцев М.И.* Надпись на золотом сосуде из ст.Мигулинской // ИАК. — 1917. — Вып.63. — С.106—108.
- 143 *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса // МИА. — 1961. — № 98. — Табл. 28, 4.
- 144 *Максимов М.И.* Артюховский курган. — Л.: Искусство, 1979. — С.134. — Рис. 62. — Табл. 1, 3.
- 145 *The Archaeology of Roman Paionia.* — Budapest, 1980. — P.370—371. — Fig.64, 25.
- 146 *Взымитина М.Л., Лалыска В.А., Покровская Е.Ф.* та ін. Кургани біля с.Новошпильківка і радгоспу "Аккерман" // АП УРСР. — 1961. — Т.8. — С.75.
- 147 *Шелов Д.Б.* Указ. соч. — С.57; *Зеест И.Б.* Керчанская тара Боспора // МИА. — 1960. — № 83. — С.32; *Каменецкий И.С.* Светлоглинные амфоры с НижнеГниловского городища // КСИА АН СССР. — 1963. — Вып.94. — С.30.
- 148 *Зеест И.Б.* Указ. соч. — С.32; *Шелов Д.Б.* Узкогорные светлоглинные амфоры первых веков н.э.: Классификация и хронология // КСИА АН СССР. — 1978. — Вып.156. — С.21.
- 149 *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия на территории Восточной Европы. — М.: Наука, 1970. — С.25. — (САИ; Д1-27).
- 150 *Шелов Д.Б.* Римские бронзовые кубинны и амфоры в Восточной Европе // СА. — 1983. — № 4. — С.64.
- 151 *Ряев Б.А.* Металлические сосуды кургана Хохля // Проблемы археологии. — 1978. — Вып.2. — С.91.
- 152 *Коваленко Г.Т.* Сарматское погребение... — С.57.

Глава III

- 1 *Соломонович Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. — Киев: Изд-во АН УССР, 1965. — 175 с.; *Дречук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1975. — 175 с.
- 2 Библиографию вопроса см.: *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1982. — С.73—76.
- 3 Там же. — С.73—74.
- 4 *Бужалиев Х.* Указ. соч. — С.112. — Табл. 10, 100—100e.
- 5 *Артемченко И.И., Левченко Б.М.* Указ. соч. — С.145. — Рис. 1, 15a.
- 6 *Соломонович Э.И.* Указ. соч. — С.131. — № 70.
- 7 *Смирнов А.П.* Новый сарматский мотыльник в Воронежской обл. // ВПИ. — 1940. — № 3/4. — С.363—366.
- 8 ОАК за 1868 г. — Спб., 1869. — С.53. — Альбом. — Табл. 1, 10.
- 9 *Соломонович Э.И.* Указ. соч. — С.132—137. — № 71—88.
- 10 Там же. — С.80. — № 35.
- 11 Там же. — С.81, 158. — № 36, 143.
- 12 Там же. — С.26—27.
- 13 *Дречук В.С.* Указ. соч. — С.62.
- 14 *Бессонов С.С.* Религиозные представления скифов. — Киев: Наук. думка, 1983. — С.45—50.
- 15 *Ряевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сажских племен. — М.: Наука, 1977. — С.153.
- 16 *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВПИ. — 1948. — № 2. — С.442—541.
- 17 *Кулаковский Ю.А.* Алапы по сведениям классических и византийских источников. — Киев: Типогр. Импер. ун-та. 1899. — С.46.
- 18 *Высотская Т.Н.* Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая археология. — Свердловск, 1984. — С.135.
- 19 Раскопки И.Ф.Ковалевой 1984 г. и В.В.Отрошенко 1985 г. Материалы не опубликованы.
- 20 *Моруженко А.А.* Отчет о раскопках Донецкого государственного университета в 1983 г. — НА ИА АН УССР. — Ф.з. 20943. — С.23.
- 21 *Болтрик Ю.В.* Святинище Ароя в урочище Носаки // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. — Ужгород, 1977. — С.61—62.
- 22 *Латышев В.В.* Известия... // ВПИ. — 1947. — № 2. — С.269.
- 23 *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — Т.21. — С.193.
- 24 *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. — Киев: Наук. думка, 1968. — С.138; *Мозолевский Б.М.* Товста Могила. — К., Наук. думка, 1979. — С.212.

- 25 Бессонова С.С. Указ. соч. — С.23.
- 26 Латышев В.В. Известия... // ВДИ. — 1947. — № 2. — С.260.
- 27 Мелюкова А.И. Вооружение скифов... — С.74.
- 28 Распонова В.И. Поясной набор Согда VII—VIII вв. // СА. — 1965. — № 4. — С.90; Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — № 142. — 161.
- 29 Латышев В.В. Известия... // ВДИ. — 1949. — № 1. — С.292.
- 30 Бессонова С.С. Указ. соч. — С.21.
- 31 Коваленко Г.Т. Сарматское погребение... — С.129.
- 32 Гумилев Л.Н. Древние турки. — М.: Наука, 1967. — С.57.
- 33 Гайдукевич Н.Ф. Боспорское царство. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. — С.416.
- 34 Карышковский П.О. О монетах... — С.76.
- 35 Ростовцев М.И. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. — 1915. — Вып.58. — С.2; Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. — Пг., 1918. — С.155—160.
- 36 Орешников А.В. О монетах скифских царей с именем города Ольвии // ЗОАО. — 1890. — Т.4. — С.17—21; Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. — 1951. — № 16. — С.138; Розанова Н.П. Монеты царя Фарзоя // МИА. — 1956. — № 50. — С.206—207; Высокская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев: Наук. думка, 1979. — С.197.
- 37 Ревский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. — II в. н.э.) // ВДИ. — 1973. — № 2. — С.117—119.
- 38 Карышковский П.О. О монетах... — С.77—79.
- 39 Карышковский П.О. 3 історії греко-сифських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї // АП УРСР. — 1962. — Т.2. — С.120.
- 40 Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. — М.: Наука, 1975. — С.127.
- 41 Шукун М.Б. Царство Фарзоя: Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. — 1982. — Вып.47. — С.35.
- 42 Карышковский П.О. Новая монета царя Фарзоя // Археологические открытия на Украине в 1978—1979 гг. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. — С.120—121; Карышковский П.О. О монетах... — С.76.
- 43 Карышковский П.О. О монетах... — С.72.
- 44 Драчук В.С. Указ. соч. — Табл. V, 289, 290.
- 45 Соломонович Э.И. Указ. соч. — С.126, 127, 131.
- 46 Максимов Е.К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. — № 1. — С.54. — Рис. 3, 6.
- 47 Гросу В.И. Сарматское погребение в Поцнестровье // СА. — 1986. — № 1. — С.259.
- 48 ОАК за 1899 г. — Спб., 1901. — С.50.
- 49 Подробнее об этом см.: Шелов Д.Б. Тамга Римиталка // Культура античного мира. — М.: Наука, 1966. — С.273.
- 50 Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства // PONTICA. — Спб., 1909. — С.114.
- 51 Драчук В.С. Указ. соч. — С.54.
- 52 Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. — М.: Наука, 1976. — С.70.
- 53 Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II—IV вв. н.э. (некоторые проблемы исследования) // СА. — 1982. — № 2. — С.47.
- 54 Мела Помпоний. Землеописание, II, 2 // ВДИ. — 1949. — № 1.
- 55 Латышев В.В. Сообщения древних авторов греческих и латинских о Сисифии и Кавказе // ВДИ. — 1949. — № 1. — С.278.
- 56 Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего — Киев: Наук. думка, 1977. — 126 с.
- 57 Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. // АСГЭ. — 1974. — Вып.16. — С.131.
- 58 Тацит Корнелий. Анналы, XII, 15 // ВДИ. — 1949. — № 3.
- 59 Птолемей Клавдий. Географическое руководство, III, 5, 7 // Там же. — 1948. — № 2.
- 60 Мачинский Д.А. Указ. соч. — С.131.
- 61 Шукун М.Б. Указ. соч. — С.35.
- 62 Шилое В.П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. — Саратов. Изд-во гос. ун-та, 1983. — С.44 сл.
- 63 Мошкова М.Г. К вопросу... — С.22; Скрипкин А.С. Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья и Дона. — Саратов, 1986. — С.94.
- 64 Лукан Марк Анней. О гражданской войне, VIII, 215—225 // ВДИ. — 1949. — № 2.
- 65 Скрипкин А.С. Указ. соч. — С.91.
- 66 Сенека Луций Анней. Вестник. 627—631 // ВДИ. — 1949. — № 1.
- 67 Латышев В.В. Сообщения... — С.266.
- 68 Мошкова М.Г. Указ. соч. — С.22.
- 69 Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. — С.95.
- 70 Там же. — С.43.
- 71 Там же. — С.44.
- 72 Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребенных кочевнической элиты I—III вв. н.э. на Нижнем Дону // Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л., 1979. — С.13—15.
- 73 Флавий Иосиф. О войне иудейской. VII, 7, 4 // ВДИ. — 1947. — № 4.

- 74 Ждановский А.М. Новые данные... — С.38—45.
 75 Скрипкин А.С. Указ. соч. — С.90.
 76 Раев Б.А. "Княжеские" погребения сарматского времени в г.Новочеркасске // Археологические памятники Европейской части СССР. — М., 1985. — С.131.
 77 Скрипкин А.С. Указ. соч. — С.96.
 78 Шилов В.П. Указ. соч. — С.44.
 79 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. — Саратов, Изд-во гос. ун-та, 1984. — С.114.
 80 Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 4. — С.64.
 81 ОАК за 1899 г. — С.50.
 82 Амброз А.К. Фабрика... — С.30.
 83 Алексеева И.П. Раскопки Беляевского кургана в 1966 г. // МАСП. — 1971. — № 7. — С.32—41.
 84 Гросу В.И. Указ. соч. — С.256. — Рис. 1, 24.
 85 Материал не опубликован. Раскопки Е.И.Беспалого в 1986 г.
 86 Скрипкин А.С. Проблемы... — С.96; Раев Б.А. Римские импортные изделия... С.13—15.
 87 Карышковский П.О. О монетах... — С.73.

Глава IV

- 1 Раев Б.А. "Княжеские" погребения... — С.130.
 2 Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. — М.: Наука, 1984.
 3 Костенко В.И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Курганные древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1983. — С.71.
 4 Гикмак Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М.: Наука, 1975. — С.30—31; Гросу В.И. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ (1977—1978). — Кишинев: Штиинца, 1982. — С.25; Гусокова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники... — С.87.
 5 Дзиговский А.Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1982. — С.91.
 6 Карышковский П.И. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. — 1968. — Т.21. — С.104—105.
 7 Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. — Спб., 1899. — С.90—92; Nagatta J. Studies of the History of Sarmatians. — Szeged, 1970. — P.11; Слюсаренко Ф. Гречко-скітські взаємовідносини II ст. пер. Хр. // Наук. ювілейний зб. присвяч. проф. Г.Г.Масарикові. — Прага, 1925. — С.274; Смирнов К.Ф. Сарматы... — С.68.
 8 Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — М.; Л., 1958. — Т.1. — С.421—422.
 9 Литвинский Б.А. Кингиско-сарматский фарн. — Душанбе, 1962. — С.26.
 10 Деслячков Ю.М. Арифари, царь сираков // История и культура античного мира. — М.: Наука, 1977. — С.47.
 11 Oker F.A. Geographie der Griechen und Römer. — Weimar, 1846. — S.426.
 12 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. — М.; Л., 1949. — С.184.
 13 Брун Ф. Черноморье: Сб. исследований по исторической географии Южной России. — Одесса, 1879. — Т.1. — С.244.
 14 Смирнов К.Ф. Сарматы... — С.67; Отрешко В.М. З Історії Ольвійського воєвіса в IV—I ст. до н.е. // Археологія. — 1982. — Вып. 41. — С.44.
 15 Отрешко В.М. Указ. соч. — С.43.
 16 Смирнов К.Ф. Сарматы... — С.68.
 17 Амаросий. V, 1; Полиен. VIII, 56; Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 3.
 18 Афшасев С.В., Лялов В.Н. Альбом пород лошадей СССР. — Л.: Сельхозгиз, 1953. — С.102, 106, 111.
 19 Фирсов Л.В. Об Эратосфеновом вычислении окружности Земли и плане эллиптической сфероида // ВДИ. — 1972. — № 3. — С.167.
 20 Черненко Е.В. Скифо-персидская война. — Киев: Наук. думка, 1984. — С.70, 75.
 21 Там же. — С.71.
 22 Першиц А.И. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. — М.: Наука, 1975. — С.290.
 23 Тацит Корнелий. Германия. 43 // ВДИ. — 1949. — № 3.
 24 Спартиан Элий. Адриан. 6 // ВДИ. — 1949. — № 3.
 25 Страбон. География. XI, 8, 3 Пер. Г.А.Страгановского. Л.: Наука, 1964.
 26 Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. — М.: Наука, 1975. — С.273, 275, 277.
 27 Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье... — С.58.
 28 Гумилев Л.Н. Древние тюрки... С.147.
 29 Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии. V // ВДИ. — 1949. — № 3.
 30 Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА АН СССР. — 1973. — Вып.138. — С.65.
 31 Першиц А.И. Указ. соч. — С.298.
 32 Страбон. География. XI, 5, 8. — Л.: Наука, 1964.

- 33 Лукьяшко С.И. О караванной торговле жорсов // Древности Евразии скифо-сарматского времени. — М.: Наука. 1983. — С.161 сл.
- 34 Шилов В.П. Аорсы... — С.43.
- 35 Мурзи́н В.Ю. Про утворення Причорноморської Скіфії // Археологія. — 1986. — Вип.55. — С.7.
- 36 Симо́ненко А.В. Новые сарматские погребения Южного Поднепровья // Скифы и сарматы. — Киев: Наук. думка, 1977. — С.221.
- 37 Куби́шев А.І., Симо́ненко О.В., Покля́цький О.В. Про взаємовідносини сарматів та носіїв зарубинецької культури // Археологія. — 1987. — Вип.58. — С.57.
- 38 Костенко В.И. Раннесарматский период... — С.72.
- 39 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ. — 1963. — Вып.ДІ-10Х. — Табл.24, 6.
- 40 Там же. — Табл. 26, 1; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья — САИ. — 1963. — Табл. 22, 25.
- 41 Костенко В.И. Указ. соч. — С.72.
- 42 Смирнов К.Ф. Сарматы... — С.62.
- 43 Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. — середины III в. н.э. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ. 1983. — С.69.
- 44 Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.80.
- 45 Там же. — С.86. — Рис. 80, 8.
- 46 Забелина В.С. Эллинистическая импортная керамика из Пантикалея // Сообщения ГМИИ им.А.С.Пушкина. — 1984. — Вып.7. — С.137. — Табл. 2, 9.
- 47 Вязьмитина М.І. Пам'ятки та культура сарматів // Археологія Української РСР. — К.: Наук. думка, 1971. — Т.2. — С.124.
- 48 Кассий Дион. Римская история. I, IV, 20, 3 // ВДИ. — 1948. — № 2.
- 49 Светоний Транквил. Жизнь двенадцати цезарей. — М.: Наука, 1964. — С.43.
- 50 Максимов Е.В. К вопросу о зарубинских городищах на Среднем Поднепровье // Скифский мир. — Киев: Наук. думка, 1975. — С.192.
- 51 Костенко В.И. Среднесарматский период в истории Северного Причерноморья // ПАП. — Днепропетровск, 1984. — С.158.
- 52 Там же. — С.157.
- 53 Латышев В.В. Известия древних писателей... — С.230.
- 54 Страбон. География. VII, 3, 2. — Л.: Наука, 1964.
- 55 Симо́ненко А.В. Проникновение сарматов в Северное Причерноморье (о "раннесарматских" погребениях Украины) // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987. — Ч.2. — С.121—124.
- 56 Полин С.В., Симо́ненко А.В. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск. 1990. — С.76—95.
- 57 Смирнов К.Ф. Сарматы... — С.123.
- 58 Куби́шев А.І., Симо́ненко О.В., Покля́цький О.В. Указ. соч. — С.59.
- 59 Виноградов В.Б. Сиракский союз племен... — С.118—119.
- 60 Светоний Транквил. III, 41.
- 61 Шукин М.Б. Царство Фарзоя... — С.36.
- 62 Карышковский П.И. 3 історії... — С.105—106, 108—109, 114—115, 118—119.
- 63 Карышковский П.О. О монетах... — С.73.
- 64 Шукин М.Б. Царство Фарзоя... — С.36—37.
- 65 Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1984. — С.82.
- 66 Анохин В.А. Монеты Атея // Скифские древности. — Киев: Наук. думка, 1973. — С.36—37.
- 67 Андрух С.И. Монета скифского царя Хараспа из раскопок Тире // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — С.146.
- 68 Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака. — С.81; В.А.Анохин считает их статерами этинской системы. см.: Анохин В.А. Монеты Атея. — С.40.
- 69 Анохин В.А. Монеты Атея. — С.36.
- 70 Карышковский П.О. О монетах... — С.72.
- 71 Карышковский П.И. Срібні монети післятетської Ольвії // Археологія. — 1971. — Вип.4. — С.83.
- 72 Карышковский П.О. О монетах... — С.74.
- 73 Карышковский П.О. Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. — Киев: Наук. думка, 1982. — С.23—24.
- 74 Шукин М.Б. Царство Фарзоя... — С.36.
- 75 Карышковский П.О. Ольвия и Рим. — С.24.
- 76 Латышев В.В. Известия... // ВДИ. — 1948. — № 1. — С.311.
- 77 Шукин М.Б. Указ. соч. — С.36—37.
- 78 Там же. — С.37.
- 79 Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. — Киев: Наук. думка, 1985. — С.95.
- 80 Там же. — С.91; Зубарь В.М. Про похід Платія Сільвіана в Крим // Археологія. — 1988. — Вип.63. — С.20.
- 81 Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. — С.91.
- 82 Шукин М.Б. Указ. соч. — С.37.
- 83 Карышковский П.О. О монетах... — С.75.
- 84 Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. — С.92.

- 85 Там же. — С.94–95.
 86 *Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей.* — С.212.
 87 Там же. — С.213.
 88 *Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч.* — С.94–95.

Приложение 1

- 1 *Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Антрополог. об. 1. Тр. — Ин-та этнографии АН СССР. — Т.33. — М., 1956; Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (1 тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) — М.: Изд-во МГУ, 1972.*
- 2 Реставрация произведена лаборантом сектора антропологии Института археологии АН УССР Е.И.Архиповой.
- 3 *Бунак В.Б. Соотношения длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах // Вopr. антропологии. — 1961. — № 7. — С.44, 61. — Таб. 2.*
- 4 *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований.* — М.: Наука, 1964.
- 5 *Артеменко И.И., Леаченко Б.М. Отчет о раскопках курганов у с.Баштечки Черкасской обл. — НА ИА АН УССР.*
- 6 Реставрация произведена автором.
- 7 *Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии...; Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения...*
- 8 *Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии... — С.172.*
- 9 *Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журн. — 1936. — № 1. — С.70–71.*
- 10 *Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии... — С.173.*
- 11 *Кондукторова Т.С. Указанные работы.*
- 12 Для подсчета обобщенных расстояний были взяты десять признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры, ширина и высота лица, ширина носа, высота орбиты, назомаларный и зигмаксиллярный углы, угол выступания носовых костей к линии профиля.
- 13 *Скифо-сарматская и античная археология // Археология Украинской ССР. — Киев: Наук. думка, 1986. — Т.2. — С.184–189.*
- 14 *Тот Т.А., Фирштейн В.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. — Л.: Наука, 1970. — С.125.*
- 15 *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. — М.: Наука, 1972.*
- 16 *Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. — М.; Л., 1966.*
- 17 *Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана // Автореф. дис... канд. ист. наук. — Душанбе, 1976; Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. — М.: Наука, 1984. — С.54–57.*
- 18 *Дебец Г.Ф. Указ. соч. — С.72.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	- Археологические исследования в Молдавии
АО	- Археологические открытия
АП	- Археологічні пам'ятки
АС	- Археологический съезд
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАН	- Вiсник Академії наук
ВДИ	- Вестник древней истории
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИИ	- Государственный музей изобразительного искусства
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ЗОАО	- Записки Одесского археологического общества
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
МАСП	- Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАР	- Материалы по археологии России
МДАПВ	- Матеріали та дослідження по археології Прикарпаття та Волині
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
НА	- Научный архив
ОАК	- Отчет Императорской археологической комиссии
ПАП	- Проблемы археологии Поднепровья
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГЭ	- Сообщения Государственного Эрмитажа
ТКАЭЭ	- Тульнская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
Тр.АС	- Труды Археологического съезда
УЗСУ	- Ученые записки Саратовского Государственного университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ	6
ГЛАВА II. ЗАХОРОНЕНИЯ У с.ПОРОГИ В СИСТЕМЕ САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ I В. Н.Э.	35
ГЛАВА III. ТАМГИ ИЗ ПОРОГОВ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ФАРЗОЯ И ИНИСМЕЯ	62
ГЛАВА IV. ОЧЕРК ИСТОРИИ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНО- МОРЬЯ В I В. Н.Э.	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. С.И.КРУЦ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ У с.ПОРОГИ	92
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ДАННЫЕ ПРОБИРНОГО АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕ- ТАЛЛОВ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ У с.ПОРОГИ	101
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	102
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	110

Научное издание

*СИМОНЕНКО Александр Владимирович
ЛОБАЙ Борис Иванович*

**САРМАТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В I В.Н.Э.**

(Погребения знати у с.Пороги)

*Художник обложки С.В.Назаров
Художественный редактор И.П.Севицкая
Технический редактор Т.К.Валицкая
Оператор Т.Н.Шевченко
Корректоры: В.А.Подольчук, А.Ф.Королевченко*

ИБ № 11329

Сдано в набор 29.12.90. Подл. в печ. 28,0^а,91. Формат 70х108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Пресс Роман.
Офс. печ. Усл.печ.л. 11,20. Усл.кр.отт. 11,73. Уч.-изд.л. 11,71 + вкл. 0,96 = 12,67. Тираж 770 экз.
Заказ 1-16. Цена 2 р. 70:

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 25260^а, Киев 4, ул.Регина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004. Киев 4, ул.Регина, 3.